

STEPHANOS

2014
№5 | май

STEPHANOS

2014
№5 || May

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редколлегия:
докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет

Александра Вранеш докт. филологии, проф., декан филологического факультета *Белградский университет* (Сербия); **Екатерина Федоровна Журавлева** проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы *Западно-Македонский университет Греции* (Греция); **Мария Леонидовна Каленчук** доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе *Институт русского языка им. В.В. Виноградова (РАН)* (Россия); **Максим Каранфиловский** докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ им. М.В.Ломоносова *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Леонид Петрович Крысин** докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН* (Россия); **Весна Мойсова-Чепишевская** докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Джей Паджет** докт. филол. наук, проф. *Университет Калифорнии Санта Круз* (США); **Елена Стерье́пулу** проф. *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии* (Греция)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2014. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje* Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia); **Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Vesna Mojsova-Chepishavska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje* (Macedonia); **Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz* (USA); **Helen Stergiopoulou** PhD School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies *National and Capodistrian University of Athens* (Greece); **Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade* (Serbia); **Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece* (Greece)

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2014. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статьи.....	9
<i>Красильникова Л.В.</i> Взаимосвязи словообразования с другими уровнями языковой системы в лингвометодическом аспекте.....	10
<i>Горѓиева Димова М.</i> Наративните мемории како места на колективната меморија (наративната продуктивност на фигурите на меморија низ примери од македонскиот роман).....	21
<i>А.А. Смирнов А.С.</i> Пушкин и труды пионеров европейск их компаративистов начала XIX века (по материалам библиотеки поэта)...	36
<i>Вранеш А.</i> С Његошем у библиотеку и библиографију.....	49
<i>Добровольская В.В.</i> Характеристика урока по его месту в учебном процессе.....	59
<i>Ганина Н.А.</i> Рукописный сборник из Страсбурга (РГБ, Ф. 68, №446): результаты и перспективы исследования.....	66
<i>Манучарян И.К.</i> Славянское местоимение в синхронии и диахронии.....	72
Материалы и сообщения.....	79
Продолжение публикации материалов Международной славистической конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии».....	80
1. <i>Ананьева Н.Е.</i> Кафедра славянской филологии в 2003–2013 гг.....	80
2. <i>Христова Даскалова Б.</i> Лингвистическая прагматика на поле методических новаций.....	90
3. <i>Ржанникова О.А., Тимонина Е.В.</i> О некоторых грамматических проблемах перевода с болгарского языка на русский.....	97
<i>Смирнов А.А.</i> Проблема соотношения исторического и аксиологического метода в изучении литературы	104

<i>Дементьева О.Ю., Чжан Юэ.</i> Об одежде и украшениях по-русски и по-китайски.....	117
<i>Ковтун Е.Н., Шешкен А.Г.</i> Из опыта прочтения межфакультетского курса по истории, культуре и литературе славянских народов в МГУ имени М.В. Ломоносова.....	128
Программы.....	142
Программа межфакультетского курса МГУ имени М.В. Ломоносова «Наши братья – славяне: история, культура, литература».....	143
Публикации.....	153
<i>Анастасьева И.Л.</i> Непознанный Евреинов.....	154
La bête traquée. Synopsis du scénario cinématographique (sentimental) par Marcel Clavié et Nicolas Evreinoff.....	159
Загнанный зверь.....	178
События. Имена. Судьбы.....	197
<i>Мецзяков С.Н.</i> Добрица Чосич. Писатель, политик, человек.....	198
Научная жизнь.....	205
<i>Новицкас Л.А., Першкіна А.Н., Федотов А.С.</i> III Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 13–14 марта 2014 г.)	206
<i>Мотеюнайте И.В.</i> Будущее как сюжет: Тверь, 10–12 апреля 2014.....	212
Совещание-семинар, посвященный 80-летию доцента В.П. Гудкова (МГУ имени М.В. Ломоносова, 23 мая 2014 г.).....	217
Критика. Библиография.....	219
<i>Жуйкова Е.</i> Нужно ли гражданство литературе? Восставшие из небытия: Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции / Авт.–сост.: В.В. Агеносов. М.; СПб.: Алетейя, 2014. 734 с.: ил.	220
Уржа А.В. Грамматика и текст: Учебное пособие для практических занятий. М.: Издательство Московского университета, 2013. 264 с.....	223

Papers.....	9
<i>Krasil'nikova L.V.</i> The Interrelation of the Derivation with Other Levels of the Language System in the Lingua-methodical Aspect.....	10
<i>Georgieva-Dimova M.</i> The Narrative Memory as the Place of the Collective Memory.....	21
<i>Smirnov A.A.</i> A.S. Pushkin and works of the pioneers of European comparativists at the beginning of 19th century.....	36
<i>Vranesh A.</i> Library and bibliography of Peter Negosh.....	49
<i>Dobrovol'skaya V.V.</i> Characteristics of a lesson by its place in the educational process.....	59
<i>Ganina N.A.</i> German manuscript from the 15 th century in Russian collections (Moscow, Russian State Library, F. 68, №446): research problems and perspectives.....	66
<i>Manuchar'an I.K.</i> A Slavic pronoun in synchrony and diachrony.....	72
Materials and Communications.....	79
Continued publishing of the International Conference of Slavic «Slavic languages and literature in synchrony and diachrony».....	80
1. <i>Ananjeva N.Y.</i> The Department of Slavik Philology: 2003–2013.....	80
2. <i>Christova Daskalova B.</i> Linguistic pragmatics in the sphere of the methodological innovations.....	90
3. <i>Rzhannikova O.A., Timonina E.V.</i> Some grammatical problems of translation from Bulgarian to Russian (On the materials of the Russian student competition in literary translation from Bulgarian to Russian.).....	97
<i>Smirnov A.A.</i> The problem of correlation between historical and axiological methods in the study of literature.....	104

<i>Dementieva O.Y, Zhang Yue. About clothes and jewelry in Russian and Chinese.....</i>	117
<i>Kovtun E.N., Sheshken A.G. The experience of reading the inter-faculty course on the history, culture and literature of the Slavs in the Lomonosov Moscow State University.....</i>	128
Programs.....	142
Inter-faculty program course Lomonosov Moscow State University «Our brothers – Slavs: History, Culture, Literature».....	143
Publications.....	153
<i>Anastasjeva I.L. Unknown Evreinov.....</i>	154
The publication of the film script «La bête Traquée» («The cornered») stored in the fund N. Evreinov in Bakhmetiev Archive at Columbia University (New York).....	159
The Cornered.....	178
Events. Names. Destiny	197
<i>Меуцержков C.H. Dobrica Cosic. The writer, a politician, a man.....</i>	198
Academic Life.....	205
<i>Novitskas L.A., Pershkina A.N., Fedotov A.S. III International Conference of Young Researchers «Textology and literary-historical process» (Lomonosov Moscow State University, 13–14 March 2014).....</i>	206
<i>Motejunajte I. Future as a plot: Tver, 10–12 April 2014.....</i>	212
Meeting-seminar on the 80th anniversary of associate professor V.P. Gudkov (Lomonosov Moscow State University, 23 May 2014).....	217
Critique. Bibliography.....	219
<i>Zhuykova Elena. Does literature need a citizenship? Raised up of the néante: The anthology of the DP and the second wave emigré writers / Author-composer: V.V. Agenosov. Moscow; Sankt-Petersburg: Aletheia, 2014. 734 p.; ill.....</i>	220
<i>Urza A.V. Grammar and Text. Tutorial for practical training. Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. 264 p.....</i>	223

Статъи

Л.В. Красильникова

**Взаимосвязи словообразования
с другими уровнями языковой системы
в лингвометодическом аспекте**

Аннотация: По мнению автора статьи, при построения научной системы обучения русскому языку как иностранному следует принимать в расчет взаимосвязь языковых явлений разных уровней. В статье рассматривается действие этого принципа взаимосвязи в направлении от словообразования к единицам других уровней языковой системы в функциональном и коммуникативном планах.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, языковые явления разных уровней в их взаимосвязи, связь синтаксиса и морфологии, синтаксиса, лексики и словообразования

Abstract: The author of the article considers that for the building of the scientific system of teaching Russian as a foreign language it is necessary to realize the importance of the process of interrelation of linguistic phenomena of different levels. This article reveals this principle of interrelation from the derivation to other levels of the language system in the functional and communicative plans.

Key words: teaching Russian as a foreign language, linguistic phenomena of different levels in their interrelation, interrelation of syntax and morphology, lexic and derivation

Одним из важнейших принципов построения научной системы обучения русскому языку как иностранному является рассмотрение языковых явлений разных уровней в их взаимосвязи [Рожкова 2011: 14]; в процессе преподавания РКИ выявились теснейшие связи синтаксиса и морфологии, синтаксиса, лексики и словообразования [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001: 222].

Рассмотрим действие данного принципа в направлении от словообразования к единицам других уровней языковой системы в функциональном и коммуникативном планах. Хотя производные слова и являются частью лексикона, языковая специфика словообразовательных единиц проявляется в особенностях их функционирования. Учет связи словообразовательных средств с единицами других уровней языка (словоизменяемыми морфемами, синтаксическими конструкциями, типами предложений / высказываний, стили-

стически маркированными типами текстов) позволит полнее реализовывать в процессе обучения русскому языку данный лингводидактический принцип.

Специфика словообразования русского языка как синтетического языка флективно-фузионного типа проявляется в тесных связях его единиц с единицами других языковых уровней, вследствие этого словообразование тесно переплетено с другими разделами науки о языке: фонологией через морфологию, фонетикой (акцентологией), лексикой, морфологией, синтаксисом, стилистикой. В словообразовании, «как в фокусе, сходится проблематика таких дисциплин, как синтаксис и морфология, морфонология и фонетика, лексика и семантика» [Земская, Кубрякова 1978: 113].

Языковые процессы, происходящие на морфемном шве, где проходит граница между словообразовательными аффиксами и основами производящего слова (интерфиксация, морфонологические чередования, усечение производящей основы, наложение дериватора на часть производящей основы), изучаются морфонологией. Поэтому проблема сочетаемости морфем в производном слове относится и к словообразованию, и к морфонологии. Собственно словообразовательная модель представляет собой морфонологическую разновидность внутри одного и того же словообразовательного типа. Использование многих суффиксов регулируется морфонологическими свойствами основы производящего слова. Так, суффикс *-тель* обычно образует существительные от глаголов с основой на гласный: *читать – читатель, жить – житель*. Морфы *-щик* и *-чик* существительных встречаются при разных типах основ: *-чик* после фонем [т] и [д], если им не предшествует другой согласный (обычно сонорный): *разведчик, плакатчик, летчик, наводчик* (редкие слова с [с], [з] + *-чик*: *обозчик, подписчик*). Во всех остальных случаях, в том числе и после [т] и [д], если предшествует согласный, выступает *-щик*: *мусорщик, алиментщик* [Янко-Триницкая 2001: 40].

Аффиксацию часто сопровождают морфологические чередования в производящей основе. Одни чередования характеризуют систему русского языка в целом и имеют место как при словообразовании, так и при словоизменении (например, чередование задненебных *г, к, х* с шипящими *ж, ч, ш*: *плакать – плачу, могу – может; книжка – книжечка, друг – дружок, пух – пушок*), между тем как другие чередования встречаются в ограниченных формах; например, чередование *-н-* с *-ш-*: *камень – камешек*.

При образовании производных слов достаточно часто происходит изменение места ударения по сравнению с производящим, т. е. акцентологический признак сопровождает словопроизводство. Например: *слово – словцо, искать – выискать*. Таким образом, описание акцентологических закономерностей представляют общую область интересов для словообразования и для фонетики [Милославский 1985: 60].

Непосредственной и тесной является связь словообразования с лексикологией. Как уже отмечалось, производные слова составляют большую часть русской лексики. Словопроизводство обуславливается запросами лексики (в рам-

ках закономерностей русской морфологической системы). Меняющаяся картина мира находит отражение в лексиконе человека через появление новых слов, прежде всего производных, в том числе сложных. Образная характеристика языка «живой как жизнь» (данная Н.В. Гоголем, а позднее использованная К.И. Чуковским в качестве названия своей книги) в наибольшей степени относится как раз к производной лексике. Производные слова используются для фиксации новых знаний о внеязыковой действительности, они образуются, в частности, для того, чтобы дать наименование нового предмета (*мобильник*) или явления, процесса (*монетизация*). В то же время изменения в языке могут быть связаны и с переименованием известных объектов, отношение к которым меняется вместе с обновляющейся действительностью (*эмигрант – соотечественник*).

В процессе речевой деятельности создаются новые лексические единицы, актуализирующие коммуникативную задачу высказывания: неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы. В большинстве случаев неологизмы создаются прежде всего для обозначения новых предметов и понятий (ср., *медийный*). Между тем как потенциальные слова, образуясь «по строго системным семантико-словообразовательным правилам типового характера» [Катлинская 1986: 7], «встраиваются» в синтаксическую структуру высказывания и отвечают в первую очередь коммуникативным задачам общения (ср.: «*Много сегодня в правительстве таких объясняльщиков появилось*» – из телевизионной передачи). Окказиональные слова, демонстрируя «отклонения» от типовых схем словообразования, наглядно проявляют авторские когнитивно-коммуникативные интенции, поэтому их также называют индивидуально-авторскими новообразованиями. Сферами распространения окказионализмов являются разговорная, реже публичная, а также художественная речь, где они становятся предметом специального изучения идиостиля писателей, склонных к словотворчеству (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Т. Толстая и др.).

С одной стороны, словообразование пополняет лексику, а с другой – лексика накладывает ограничения на возможности словопроизводства (ср. *штукатур* – *штукатурка*).

Сама производность слова основывается на его семантической связи со значением производящего слова, т. е. семантическая мотивированность слова выводится на основе соотношения лексических значений базового и производного слова (*учить* – *учитель*). Даже в случаях, когда производное формально образуется от формы слова, дериват семантически мотивируется всей лексемой (ср. *телята* – *телячий*) [Лопатин 1977: 88] или одним из ЛСВ слова. Разные значения многозначного слова формируют различные цепочки производных (например, прилагательное *черный* имеет значения: 1) ‘название цвета’; 2) ‘преступный, злой, дурной’ – соответственно глагол *чернить* обозначает: 1) ‘делать черным’ и 2) ‘представлять в неблагоприятном виде; порочить’ [Ефремова 2000], т. е. ‘представлять в черном, т. е. дурном, преступ-

ном виде'. В то же время словообразование не безразлично к объединению слов в лексико-семантические группы, от которых образуются аналогичные ряды (парадигмы) производных слов (ср. существительные с названием цвета и их производные). Тип семантики производящей базы формирует разные словообразовательные модели: без + основа сущ. со значением части тела или организма + (ый) (*безголовый, бесхвостый, безволосый, безлистый, безбородый, беззубый* и т. п.) и без + основа сущ. не со значением части тела или организма + н + (ый) (*беззаботный, безвозвратный, бессовестный, бездомный* и т. п.; ср. исключения: *безверхий* или *бесшерстый* и *бесшерстный*) [Янко-Триницкая 2001: 488]. Одинаковые семантические процессы наблюдаются при явлениях словообразовательной и семантической деривации (*вышивать – вышивка* со значениями 'процесс' и 'результат действия' и *варить – варенье* со значением 'результат действия').

В аспекте преподавания русского языка как иностранного словообразование выступает базой для обогащения пассивного и активного лексического запаса иностранных учащихся. Производные слова, как уже отмечалось, составляют в достаточно высокой степени организованную часть русской лексики: они входят в словообразовательные пары, на базе которых формируются словообразовательные модели и словообразовательные типы, а также словообразовательные цепочки (цепи), словообразовательные парадигмы и словообразовательные гнезда. Такое представление лексического материала помогает запоминанию большего числа лексических единиц, так как известно, что человеческая память лучше усваивает не отдельные единицы, а системно организованные, связанные между собой. Системность словообразования лежит в основе мнемонического приема усвоения новой лексики: «непроизводная лексика усваивается (запоминается и усваивается) «поштучно», в противовес чему лексикой производной можно овладеть «помодельно». Можно полагать вследствие этого, что производные слова легче опознаются, легче усваиваются и легче создаются, чем требующие точного воспроизведения непроизводные» [Кубрякова 1988: 151].

Что касается лексикографической практики, то долгое время в словарях при толковании производных слов отсутствовали указания на их связь с производящими. По этому поводу Е.А. Земская сетовала: «Вот типичные словарные определения: *ножовка* – «небольшая пила с одной ручкой»; *подосиновик* – «съедобный гриб с красной ли коричнево-красной шляпкой». Очевидно, что, опираясь на подобные определения, нельзя установить, членится ли слово. Между тем и семантика таких слов, и их форма содержат элементы, связывающие их с исходными словами. Эта связь выступает отчетливо, если определения будут построены иначе, например: *подосиновик* – «гриб, который часто растет под осиной» [Милославский 1980: 73]. В последние годы в словарной практике при толковании производных слов произошли серьезные изменения. Одним из наиболее показательных в этом плане является «Новый словарь русского языка: Толково-словообразователь-

ный словарь» Т.Ф. Ефремовой. В этом словаре все, что можно представить через соотношение производящего и производного, так и представлено. В словаре «жесткая формализованность в описании семантики заголовочных единиц через толкования-формулы, опирающиеся на связь лексического значения со словообразовательной структурой описываемого слов, как правило, характеризует: 1) относительные прилагательные, образованные от существительных, 2) отвлеченные существительные, производные от прилагательных, 3) наречия, соотносимые с прилагательными, 4) прилагательные, возникшие из причастий, 5) существительные с суффиксами субъективной оценки, 6) группы глаголов, начинающихся с определенного префикса, а также целый ряд других категорий производных слов» [Ефремова 2000, §4]. Например, среди наиболее последовательно используемых толкований-формул можно назвать следующие: для существительных: 1. Тот, кто 2. Женск. к сущ.: 3. Лицо, имеющее ... звание, ... чин и т. п. 4. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: 5. Народ, составляющий основное население // Представители этого народа. 6. Процесс действия по знач. глаг.: 7. Действие по знач. глаг.: // Результат такого действия. 8. Состояние по знач. глаг.: 9. Уменьш. к сущ.: 10. Ласк. к сущ.: 11. Уничиж. к сущ.: 12. Увелич. к сущ.: и др. [там же]. Отметим, что в данном словаре слово подосиновик толкуется как бы с учетом замечания Е.А. Земской: м. Съедобный гриб с красной или красно-желтой шляпкой, растущий обычно в лиственных лесах, особенно в осинниках [там же].

Словообразование тесно связано с морфологией, так как каждое производное слово создается как слово определенной части речи, характеризующее определенными грамматическими значениями. Суффиксы тесно спаяны с флексиями, которые участвуют в образовании каждого производного слова. Словообразовательная роль системы флексий заключается прежде всего в том, что они служат для окончательного оформления слова и тем самым придают ему цельность значения [Янко-Триница 2001: 169]. Г.И. Рожкова писала: «Например, словообразовательные типы с суффиксами *-тель, -ость, -ин(а)* связаны с категорией имени существительного (*двигатель, учитель, скорость, величина*); словообразовательные типы с суффиксами *-ыва- (-ива-), -ова-, -ва-* характерны для образования глаголов (*указывать, советовать, создавать*). С глаголом тесно связан тип образования существительных на *-ение, -ание, -тие* (*горение, изыскание* (здесь представлен суффикс *-ниј*. – Л.К.), *открытие*); словообразовательные типы с суффиксами *-н-, -ат-* для имени прилагательного (*холодный, полосатый*)» [Рожкова 2011: 359]. Таким образом, словообразовательные средства, в частности суффиксы, содержат информацию о частеречной принадлежности слова, роде и типе словоизменения, наличии форм множественного числа. Так, суффиксы *-от-, -ениј-, -ец* предопределяют принадлежность слова к имени существительному соответственно женского рода (*красота*), среднего (*решение*) и мужского рода (*хитрец*) и разные системы флексий. Синтаксические дериваты от прилагатель-

ных обычно не имеют форм множественного числа: *белый* – *белизна*. Существительные типа *красота* во множественном числе (*красоты*) приобретают новые значения, а также стилистическую окраску экспрессивности, типичной сферой употребления для них является разговорная, публицистическая и художественная речь.

Близость словообразования и морфологии проявляется в возможности выражать определенные значения синонимичными средствами. Например, синонимичными способами выражения значения принадлежности выступают притяжательные прилагательные и существительные в родительном падеже с притяжательным значением: *мамина сумка* – *сумка мамы*. Синкретично как производное слово, так и форма определенного падежа может передавать то или иное значение. Например, инструментальная семантика выражается одновременно производным существительным, обозначающим орудие действия или предмет, используемый при совершении действия, и творительным падежом, выступающим в таком же значении: *Тихо шелестел всасываемый мощным вентилятором воздух; Если вентилятором забивать гвозди, то он сломается* (НКРЯ).

Производные каждой части речи имеют в совокупности свой инвентарь словообразовательных средств, свои способы словообразования, свой набор словообразовательных типов, при этом, конечно, возможны и отдельные пересечения. Например, для глагольного словообразования характерна богатая префиксация (*выписать, расписать*), в то же время с помощью приставок могут образовываться и существительные, и прилагательные: *перестройка, прехитрый*. В ряде случаев для производных отдельных частей речи можно назвать и специфические в словообразовательном отношении явления. Так, для прилагательных уникальным является такой способ образования, как сращение (*долгоиграющий, быстрорастворимый*), а для существительных – универбация (*зачетная книжка – зачетка*).

Связь словообразования и синтаксиса является «двунаправленной». С одной стороны, пропозиции, лежащие в основе производной номинации, могут иметь синтаксическую форму выражения (словосочетание, предложение): *небольшой ветер – ветерок; тот, кто играет в шахматы – шахматист*. Обозначение пропозиции с помощью краткой и емкой единицы лексикона – одна из функций словообразования. С другой стороны, производное слово функционирует в определенном синтаксическом окружении, типе текста. Словообразование выступает проекцией синтаксиса на лексику. Например, связки *отличаться, выделяться, славиться* допускают обычно употребление существительных с качественным значением, большая часть которых представляет собой производные слова, причем только в форме творительного падежа – *отличаться красотой / вздорностью / решительностью; выделяться высотой, рассудительностью*.

Производные существительные активно используются в предложно-падежных конструкциях, выражающих различные универсальные смыслы

(прежде всего обстоятельственные): время, причину, условие, уступку и др. Такие конструкции занимают определенное место в ряду других разноразрядных средств русского языка, которые также работают на выражение той или иной семантики, в первую очередь сложных предложений, например: *Аня поехала домой после защиты диплома. – Аня поехала домой сразу после того, как защитила диплом.* Синтаксические дериваты обладают способностью выступать своеобразными «лексико-грамматическими синонимами» к глаголам или прилагательным, от которых они образованы: *Андрей решил не ехать. – Андрей принял решение не ехать; Так как Лена решила не поступать на медицинский факультет, ее мама очень расстроилась. – Решение Лены не поступать на медицинский факультет сильно расстроило ее маму.*

В то же время следует помнить «об ограничении возможностей синтаксических трансформаций, связанном с отсутствием синтаксических дериватов: *Петров решил (предложил, выступил) – Решение (предложение, выступление) Петрова, но Петров считает (полагает, думает) в подобную синтаксическую конструкцию с помощью словообразовательных средств не трансформируется»* [Милославский 1985: 60]. В равной мере важны стилистические и стилевые ограничения.

Важным является вопрос о стилистической принадлежности словообразовательных средств. Словообразовательные аффиксы литературного русского языка могут быть стилистически охарактеризованы как нейтральные (*по-*, *о-*, *пере-*, *-ник -н-* и др.: *по-смотреть, обо-йти, работ-ник, лес-н-ой*), как книжные (*-(е)ниј, -ость, -от* и др.: *распредел-ениј-э, благодарн-ость, чист-от-а*; в том числе терминологические деривационные форманты: *фон + ема, морф + ема, алло + фон*), или как разговорные (*-к-, -ах-, -як-, -ун, -аг(а), -енн-, на-* и др.: *табурет-к-а, дев-ах-а, гул-як-а, молч-ун, труд-яг-а, высоч-енн-ый, на-собирать*). Производные слова часто стилистически отличаются от мотивирующих их слов: *морковь – морковка*. Словообразовательные средства могут входить в парадигматические ряды, противопоставляя производные с разной стилистической окраской: *читатель – чтец – читака; бег – беганье – бегожня*. Однако парадигматические ряды, состоящие из трех производных (стилистически нейтрального, книжного и разговорного) встречаются в русском языке достаточно редко. Обычно противопоставляются производные: нейтральное и книжное (например, имеющее окраску официально-делового стиля: *читать – зачитать* или нейтральное и разговорное: *учительница – училка*). В качестве нейтрального члена парадигмы часто выступает словосочетание, включающее формально производящее слово, например: *манная крупа – манка, читальный зал – читальня – читалка*.

Производные слова участвуют в построении высказывания и целого текста, проявляя их стилистическую принадлежность. Функционально-стилистические разновидности создаются «особым, специфическим отбором и организацией общелитературных средств, а также особыми языковыми сред-

ствами, определяющимися задачами общения в соответствующей сфере» [Лобанова, Слесарева 1980: 117]. В текстах книжно-письменной разновидности литературного языка широко представлены аффиксы, маркированные как книжные, в разговорных текстах используются разговорные аффиксы. Так, широкая представленность в тексте суффиксов *-(е)ние, -ость, -изм, -ство* с достаточной долей достоверности свидетельствует о его книжном характере. В иностранной аудитории необходимо развивать «стилистическое чувство» учащихся, обращая внимание на функционально-стилевую окраску деривационного аффикса и показывая неуместность использования, например, в научном стиле аффиксов, охарактеризованных как разговорные. Следует отметить, однако, специфику отдельных жанров (напр., репортаж) газетно-публицистического стиля, в которых наблюдается взаимодействие языковых элементов разных стилей.

Производные слова играют большую роль в реализации связности текста, в его тема-рематическом развертывании. Приведем примеры из художественного текста, в которых производные выступают одним из средств выражения связности: *Заложив руки за спину (...), Служкин стоял у доски и ждал тишины. В общем-то, это ожидание было не более чем жестом доброй воли, ритуалом;*

Жена Надя: Если бы я на Будкина не цыкнула, он бы и сейчас еще сидел.

Служкин: (Ему на работу завтра, вот он и ушел, а цыканья твоего даже не заметил) (А. Иванов. Географ глобус пропил).

Производные слова формируют семантическую и коммуникативную структуры предложения / высказывания, актуализируя свою внутреннюю форму через взаимодействие с другими элементами [Резанова 1996]. При обучении русскому языку как иностранному необходимо учитывать теснейшие связи элементов разных языковых уровней при их функционировании в речи. При этом, выходя на коммуникативный уровень (высказывание, текст / дискурс), необходимо представлять вклад единицы определенного уровня, в частности словообразовательных единиц, в решение общей коммуникативной задачи общения, уметь понимать пути взаимодействия единиц разных уровней.

На наш взгляд, при работе над словообразовательными моделями в аспекте преподавания РКИ необходимо представлять либо в эксплицитном виде в формулировке учебного задания, либо в имплицитном виде в самом языковом материале упражнения следующую языковую информацию:

- 1) часть речи производящего слова;
- 2) семантизацию деривата через указание на его вхождение в определенную лексико-семантическую группу (что в определенных случаях дает возможность предсказать значение производного);
- 3) релевантные грамматические характеристики производящего слова (род существительного, вид глагола, переходность / непереходность);
- 4) формант;

5) морфонологические явления – чередования, усечение, наращение, совмещение морфем;

6) часть речи производного слова;

7) значение производного;

8) релевантные грамматические характеристики производного (род существительных, для существительных важно определить систему флексий производного и указать отсутствие, если оно имеет место, форм множественного числа; вид глагола и т. п.);

9) стилистическую окрашенность производного (соотношение стилистических характеристик производящего и производного);

10) возможные акцентологические особенности производного по сравнению с производящим;

11) релевантные сочетаемостные особенности производного (управление приставочного глагола и отглагольного существительного, типичная сочетаемость приставочного глагола с наречием определенной семантики или прилагательного с производным существительным и др.).

Проиллюстрируем на примерах значимость учета выделенной языковой информации.

(1) Слова конкретной части речи обладают способностью образовывать производные определенного частеречного набора. Так, качественные прилагательные могут выступать в качестве производящих для прилагательных, существительных, глаголов и наречий (*зеленый* – *зеленький*, *зелень*, *зеленеть*, *зелено*).

(2) Слово *зеленый* входит в тематическую группу прилагательных со значением «название цвета», от которых регулярно образуются глаголы со значением «приобретать признак, названный производящим словом», присущим и глаголу *зеленеть*. Существительные со значением ‘город, страна, территория’ при добавлении суффикса *-ец* со значением лица предсказывают возможность появления у производных значений ‘житель, гражданин, уроженец’ – *саратовец*, *американец*, *горец*.

(3) Существительные в зависимости от рода присоединяют определенный вид суффикса субъективной оценки: *рука* – *ручка*, но *глаз* – *глазик*, *дуб* – *дубок*.

(4) Формант дифференцирует синонимические модели: *пиан(ино)* + *ист*, *труб* + *ач*, *удар* + *ник*, *барабан* + *щик*.

(5) Уменьшительный суффикс *-к(а)* после односложных корней с исходом на два согласных выступает в виде *-очк(а)* – ср. *косточка*, *кофточка* (но суффикс имен действия *-к(а)* всегда сохраняется в неизменном виде – ср. *чистка*, *варка*, что помогает различить морфемы-омонимы).

(6) Производное и производящее слова могут относиться как к одной части речи, так и к разным (*дом* – *домик*, *грустить* – *грусть*).

(7) Значение производящего в производном может сохраняться, модифицироваться или изменяться (*удивляться – удивление, комната – комнатка, футбол – футболист*).

(8) Существительные с суффиксами увеличительности *-ищ(е), -ин(а)* обычно не изменяют род производного по сравнению с производящим: *огромный домище / домина*. Отглагольные и отадективные существительные с отвлеченным или абстрактным значением обычно не образуют форм множественного числа (*дружба, справедливость*).

(9) Производные с суффиксом *-к-* от названий прежде всего конкретных предметов или веществ имеют разговорную окраску: *свечка, картошка*.

(10) В личных существительных с формантом *-ист* ударение падает на суффикс: *футболист*.

(11) Управление глагола и отглагольного имени может определяться в первую очередь такой грамматической характеристикой глагола как переходность и непереходность (*читать что – чтение, читка чего, руководить чем – руководство чем*). В то же время на особенности глагола может влиять семантика глагола и соответствующего существительного. Так, для глагола *свидетельствовать* в современной речи характерно, прежде всего, управление *о чем*, однако существительное *свидетельство* в зависимости от значения управляет именем в предложном падеже с предлогом или в родительном падеже: *свидетельство о чем, свидетельство чего*.

Покажем в обобщенном виде возможное описание словообразовательной модели в учебном курсе для иностранных учащихся-филологов на примере глаголов типа *вычитать*. От глаголов несовершенного вида со значением конкретного физического или интеллектуального действия, связанного с бытовой стороной жизни, с помощью префикса *вы-* образуются глаголы совершенного вида со значением ‘добыть, найти, получить посредством интенсивного действия, названного мотивирующим словом’, характерные для разговорной, стилистически окрашенной речи: *высмотреть, вычитать, высидеть, выискать*. В данных производных глаголах ударение переходит на приставку *вы-*. Производные глаголы, как и производящие, сочетаются с существительным в винительном падеже, называющим предмет – цель действия: *высмотреть в толпе знакомого, вычитать любопытную информацию, высидеть идею, выискать ошибку*.

Такое представление словообразования в целях преподавания русского языка в иностранной аудитории относится к описаниям интегрального типа. Оно базируется на рассмотрении функционирования словообразовательных элементов в сочетании с единицами смежных языковых уровней, в тесной связи с вопросами семантики и стилистики, морфологии, синтаксиса и т. д.

Комплексность в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку должна проявляться не только при работе над видами речевой деятельности, но и при освоении единиц разных уровней языка.

Литература

1. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2001. №6. С. 215–233.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный словарь. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.
3. Земская Е.А., Кубрякова Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе (в связи с 12-м Международным конгрессом лингвистов) // Вопросы языкознания. 1978. №6. С. 113–122.
4. Катлинская Л.П. Функциональное словообразование (активные процессы словопроизводства в русском языке): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1986. 440 с.
5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
6. Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения) / Под ред. В.Г. Гака. 2-е изд. М.: Русский язык, 1984. 368 с.
7. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.
8. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 296 с.
9. Милославский И.Г. Принципы описания словообразования в грамматике русского языка для иностранцев // Русский язык за рубежом. 1985. №6(98). С. 55–59.
10. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное слово. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. 218 с.
11. Рожкова Г.И. Избранные труды. М.: МАКС Пресс, 2011. 300 с.
12. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

Сведения об авторе:

Лидия Васильевна Красильникова,
докт. пед. наук, доцент
зав. кафедрой РЯ для иностранных учащихся
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lydia Krasil'nikova,
Doctor of Education, Docent
Head of Department of Russian Language for Foreign Students
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Марија Ѓорѓиева Димова

Наративните мемории како места на колективната меморија
(наративната продуктивност на фигуриите
на меморија низ примери од македонскиот роман)

Анстракт: Предмет на интерес на овој текст е топосот фигури на меморија, чијшто статус на споделено наследство ќе се толкува на две рамништа:

1. Фигуриите на меморија како споделено наследство помеѓу неколку мемориски практики – митот, фолклорот, историјата и книжевноста.
2. Фигуриите на меморија како споделено наследство за припадниците на одредена интерлитерарна заедница.

Овие две рамништа ќе се илустрираат низ примери од македонската книжевност, којашто е парадигматична со оглед на нејзината континуирана интертекстуална отвореност кон митските / фолклорните прототекстови и интердискурзивната поставеност кон историјата, но и со оглед на нејзината припадност кон неколку интерлитерарни центризми (словенските, југословенските, јужнословенските, балканските). Притоа, осамостојувањето од федералната заедница и потребата од рedefинирање на рамките на сопствената национална литература, ја интензивира книжевната реактуализација на фигуриите на меморија. Вака контекстуализираното толкување има неколку теориски импликации.

1. Ја илустрира палимпсестната димензија на книжевноста, потврдена низ бројните реконтекстуализации и реинтерпретации на фигуриите на меморија.

2. Ги демонстрира мнемоничките димензии на книжевноста и историјата: заедничкиот интерес за фигуриите на меморија го овозможува нивното текстовно надоврзување, што претставува еден начин на ефективно присуство на историјата во книжевноста.

Клучни зборови: фигури на меморија, наративна меморија, роман, книжевност, историја

Abstract: This text focuses on the figures of memory, whose status of shared heritage is to be interpreted on two levels.

1. Figures of memory as a shared heritage among several memory practices: myth, folklore, history, literature.

2. Figures of memory as a shared heritage of the members of a certain interliterary community. These two levels is illustrated by examples from Macedonian literature, paradigmatic for its intertextual openness to mythical / folklore prototexts and its interdiscursive position in relation to history, but also its membership in several interliterary centrism (Yugoslav, South-Slavic, Balkan). Furthermore, its independence from the Federation and the need to redefine the framework of its own national literature intensify the literary reemphasis of the figures of memory. Thus contextualised, the interpretation has several implications:

1. It illustrates the palimpsestic dimension of literature, verified by the numerous recontextualisations of the figures of memory.

2. It demonstrates the mnemonic dimensions of literature and history: the common interest in the figures of memory allows their (inter)textual adjoining;

Key words: figures of memory, narrative memory, novel, history, literature

Меморијата и процесите на паметење секогаш биле важна, ако не и доминантна тема во книжевноста. Бројните текстови ги илустрираат начините на коишто индивидуите и групите го паметат сопственото минато и начините на коишто ги конструираат сопствените идентитети врз основа на тие сеќавања. Овие текстови се занимаваат со мнемоничкото присуство на минатото во сегашноста, ги преиспитуваат односите меѓу минатото и сегашноста и ги илуминираат функциите што мемориите ги имаат во однос на конституирањето на идентитетот. Таквите текстови истакнуваат дека нашите мемории се високо селективни и дека правењето мемории, потенцијално, ни говори многу повеќе за сегашноста на оние коишто се сеќаваат, одошто за вистинските настани од минатото... Затоа, литерарните фикции дисеминираат влијателни модели за индивидуалната и културалната меморија, како и за природата и функциите на сеќавањето.

Биргит Нојман

Теориски контекстуализации Појдовни дефиниции

1. «Секоја личност, секој историски факт, доаѓајќи во паметењето, се транспонираат во некаков поим, симбол; на тој начин, тие добиваат смисла... Од играта меѓу поимите и искуството настанува она што го нарекуваме фигури на сеќавање» [Халбваск 1985: 389].

2. «Под фигури на меморија ги разбираме културно обликуваните, општествено обврзувачките слики на сеќавање, а поимот фигура го преферираме во однос на поимот слика, бидејќи тој не се однесува само на иконичкото, туку и на наративното обликување» [Асман 2005: 44].

3. «Фигурите на меморија упатуваат на значајни личности, наследени од историјата, со кои се поврзуваат места, предмети, традиции, култури, верувања, идентитети на народите, односно етнокултурни и интеркултурни фигури»

ри кои упатуваат на наднационалните и на општоцивилизационските вредности и идентитети» [Кулавакова 2009: 43]¹.

Појдовните дефиниции имплицираат неколку факти во однос на фигурите на меморија.

1. Нивната *амбивалентност*: со оглед на тоа дека станува збор за гранични, «споделени» фигури, коишто се дел од колективната меморија на повеќе народи, фигурите на меморија имаат најмалку двоен статус: прво, тие се составен дел од националната историја и од колективната меморија на одделни етникуми, па, во таа смисла, овие фигури ги означуваат потенцијалните точки за иницирање на етнички поделби и манипулации; второ, фигурите на меморија се точките каде што се иницираат меѓуетничките и меѓукултурните дијалози. Тоа, понатаму, ги прави податливи за различни видови интерпретации, за различни реконтекстуализации, за мноштво трансформации и симболизации, особено, во книжевен контекст.

2. Нивната *поливалентност*: фигурите на меморија претставуваат «споделено наследство»² меѓу различни етнички заедници, но, исто така, тие се дел и од споделиениот мемориски простор помеѓу книжевноста и историјата, помеѓу фолклорната и книжевноуметничката традиција, што, пак, може да се следи во дијахрониска и во синхрониска перспектива.

3. Нивната *наративна продуктивност*: во принцип, основната фабуларна рамка се задржува на рамниште на препознатливост во сите текстовни конкретизации, што, секако, говори за виталноста на приказната, додека, разбирливо, се варираат само дискурзивните интервенции. Наспроти инваријантноста на приказната, поставени се сижејните варијации, коишто се реализираат во согласност со жанровските конвенции, во зависност од тенденциите за афирмативно или за пародиско / ирониско надоврзување на топосот фигури на меморија, вклучително, и тенденциите за демитологизација и за дестереотипизација на постојните митологизирани и стереотипни претстави. Меѓутоа, дури и во овие случаи, неопходно, е знаењето на приказната во однос на која се изведуваат дискурзивните интервенции. Впрочем, како што тврди Ренате Лахман, фабулата станува интересна дури со разновидните акценти кои ги ставаат дополнителните прераскажувања [Лахман 2002: 192]. Во поширока смисла, сите интервенции на дискурзивно рамниште ја осведочуваат творечката ангажираност на авторот, дополнително мотивиран со потребата да обезбеди што покреативен, што поинвентивен, што „поочуден“ пристап кон веќе експлоатираниите фигури на меморија.

¹ Македонската академија на науките и уметностите во ноември 2009-тата година организираше конференција на тема Црна Арапина како фигура на меморија, чијашто цел беше низ интердисциплинарна призма да се разгледува оваа фигура како споделено наследство.

² Станува збор за синтагма што академик Катица Кулавакова ја употребува во врска со фигурите на меморија, како на пример, Црна Арапина, Марко Крале, Болен Дојчин итн [Кулавакова 2009].

*Фигурите на меморија како точка на дијалог
меѓу книжевноста и историјата*

Циркулирајќи во триаголникот фолклор, книжевност, историја, како три дискурзивни практики кои се поврзани низ заедничката мнемоничка димензија, фигурите на меморија ја илустрираат комплементарната и интерактивната релација меѓу овие подрачја. Комплементарноста, како принцип врз којшто се темели тријадата книжевност – историја – меморија, се потврдува на две рамништа: прво, книжевноста и историјата се дискурзивни практики, чијшто однос во последниве децении е подложен на повеќекратни редефиниции, коишто, меѓу другото, се темелат и врз потенцирањето на заедничките мнемонички аспекти; второ, книжевноста и историјата се идентификуваат како два дискурса за минатото, како две мнемонички практики, како два начина на паметење на историската стварност, но и на нејзино пре-обликување. Низ призма на оваа релација, книжевноста, во континуитет, ја пополнува и ја дополнува историјата – нејзините празнини, белини, «темни места» – низ постапките на фикционализација, на ре-интерпретација, на ревизија и на пре-осмислување. Континуируваниот книжевен и историски интерес за фигурите на меморија, уште повеќе, ја нагласува мнемоничката димензија на книжевноста и на историјата. Прво, во онаа смисла во која Ренате Лахман ја препознава литературата како «мнемотехничка уметност *par excellence*... таа го креира просторот на паметење во којшто текстовите – претходници се преземаат преку различни степени на трансформација» [Лахман 2002: 209]. Имено, текстуализациите на фигурите на меморија сугерираат дека референтното подрачје на конкретниот текст е ситуирано во другите текстови, конституирајќи се притоа како меморија во текстот, во којашто, со посредство на другите текстови, се архивира културалното и семиотичкото искуство. Следствено, конкретната (интер)текстуална реализација на топосот фигури на меморија, не е само сеќавање на претходната текстовна конкретизација, туку и сеќавање на претходните негови интерпретации. Второ, во онаа смисла во којашто Јуриј М. Лотман ја именува историјата како паметење на човештвото: «И, ако историјата е меморија на културата, тогаш тоа значи дека таа не е само трага од минатото, туку и активен механизам на сегашноста» [Лотман 2006: 302]. Впрочем, актуелните историски и книжевни претстави на фигурите на меморија ја потенцираат инверзивната игра меѓу минатото и сегашноста и неизбежноста на нивното текстовно надоврзување. Хејден Вајт, препознавајќи ги заедничките наративни аспекти на историјата и книжевноста, сфатени како две «конкурентни нарации» за минатото, констатира дека наративните претстави не содржат само фактички искази и аргументи, туку и поетски и реторички елементи со коишто пописот факти се трансформира во приказна [Вајт 2003: 35–37]. Книжевните и историските реактуализации и наративизации на минатото резултираат со «нови» приказни, а приказната е «едно од најсимболичните места на меморија» [Кулавакова, 2009: 48]. И не

случајно, токму приказната ги поврзува книжевноста и историјата, но и меморијата, затоа што, во крајна линија, и меморијата се гради според принципот на приказна.

Топосот фигури на меморија во македонската книжевност

Македонската книжевност од крајот на XX и почетокот на XXI век и, особено, романот, манифестираат зголемен интерес за фигурите на меморија, што се должи на неколку причини:

1. Специфичниот социо – политички и културно – историски контекст во којшто се развива македонската книжевност, а којшто е резултат на педесетгодишното создавање на колективната меморија со други етнички заедници, припадници на пошироката федерална заедница (Социјалистичка Федеративна Република Југославија)¹.

2. Развојот на македонската книжевност во рамки на неколку «интерлитерарни центрисми», односно «меѓулитерарни заедници» – југословенските, јужнословенските, балканските².

3. Процесот на осамостојување од пошироките административно-политички и интерлитерарни заедници: од почетокот на 90-те години на XX век тоа се реализира како долготраен процес на транзитирање од еден во друг политички и идеолошки систем, од федерална партиципација во државна еманципација, што се рефлектира во сите сфери, па и во уметноста, односно во книжевноста. Оттаму, видливо е префокусирањето од интерлитерарниот врз националниот аспект на литературата: децениски создаваното и негуваното заедничко историско, фолклорно, книжевно минато треба да се ремеморира, да се «национализира» и да се прекодира во нов, повторно, мултинационален и мултиконфесионален контекст.

Еден индикатор на комплексните ревизии и реинтерпретации е токму книжевниот интерес за фигурите на меморија и, првенствено, за оние кои имаат статус на гранични, споделени митски, фолклорни, историски фигури, како конструкти кои постојат во културната меморија на југословенските / јужнословенските / балканските народи. Интензивното будење на колективната меморија се дополнува и со чувствувањето на хронолошката меѓа (XX–XXI век): чувството на крај на деценијата, крај на векот и крај на милениумот. Процесот на преиспитување на границите и на перспективите ја илустрира реконструктивноста, која, според Јан Асман, претставува една од одликите на фигурите на сеќавање, односно на паметењето, воопшто: «Минатото не

¹ Ако се оди подалеку во историјата, треба да се земе предвид и петвековното партиципација во составот на Отоманската империја.

² Дионис Ѓуришин ги внесува меѓулитературните заедништва, т. е. интерлитерарните заедници или центрисми во категоријалниот систем на компаратистиката, дефинирајќи ги како наднационални книжевни целисти, втемелени врз неколку критериуми (етнички, географско-јазични, административно-политички, идејно-уметнички), а коишто функционираат како «живи и променливи формации» [Ѓуришин 1997: 127].

може да се сочува во паметењето како такво. Тоа постојано се реорганизира во склад со промените на рамките на сегашноста во прогрес... Следствено, колективното паметење оперира во двете насоки: и назад и напред. Памтењето не го реконструира само минатото, туку го организира и искуството на сегашноста и на иднината» [Асман 2005: 48–49].

*Интерпретативни контекстуализации
Историските фигури како книжевни фигури на меморија*

Македонската книжевна продукција од крајот на XX и почетокот на XXI век¹ на историската фигура на Александар Велики ѝ доделува статус на фреквентен «транссветовен идентитет». Романот *Александар и смртта* (1992) на Слободан Мицковиќ е меѓу првите извонредни книжевни актуализации и илустрации на оваа фигура на меморија. Романескната ре-интерпретација на Мицковиќ се концентрира врз «темните места» на историјата, т. е. врз оние «аспекти за кои официјалните записи не известуваат» [Мекхејл 2001: 87]. Во фокусот на романескната приказна е еден настан којшто останува недоволно познат во историографијата – смртта на Александар Велики и неговиот погреб. И, додека историјата го архивирала постоењето на големиот император, главно, низ призма на неговите освојувачки подвизи, остануваат «празнините» во однос на оние аспекти што ги зумира романот: неговата смрт и погребот. Мицковиќ, искористувајќи го овој вакуум во историографските записи, ќе се «ослободи» и од присуството на императорот: присутни се само сеќавањето на него и желбата да се влезе во трагата на последните денови од неговиот живот и, уште повеќе, неговата судбина по смртта. «Темните места» во историографијата се повод за воспоставување на ревизионистичките релации кон историските записи и за афирмирање на постапките на ре-интерпретативно пополнување на вакуумот. Апокрифната историја што ја конструира романот може да се чита и во насока на ревидирање на постојните (книжевни и историски) текстуализации на историскиот референт во еден нов романескен, фикционален контекст.

«Тој беше Александар и за него треба да се пишува поинаку од она што е напишано» [Мицковиќ 1992: 10].

Сугерирањето на постоењето различна верзија на историјата ја доведува во прашање доверливоста на официјално етаблираните верзии на историографијата, па апокрифното поткопување и релативирање на тие верзии интервенира и во односот меѓу историјата и романот / книжевноста. Историјата на големиот император е видена «оздола» – од гледна точка на оружарот Архидеј, фикционален лик во романот: тој, повикувајќи се на својот авторитет на учесник и сведок, ја застапува екс-центрираната перспектива на

¹ Книжевната актуализација на Александар Велики ја разгледува Ранко Младеноски во својот текст «Александар Македонски како интеркултурен код» // Спектар, бр. 62. Скопје: Институт за македонска литература, 2013. С. 62–71.

маргинализиран лик во големата историја, обидувајќи се да ја де-центрира и да ја ревидира историската претстава за императорот. Оттаму, фокусот е поставен врз демистификација на историскиот лик, со истакнување на неговата «земска», човечка димензија, со сите слабости и пороци.

«Но, да, знаеш и ти дека можеше или умееше да биде и човек со многу добродетели, со многу мали, секојдневни слабости. Самољубен и чувствителен како и некои од музите и хировит и своеглав како хетера. Чудни споредби, мислиш? Но јас барем знам дека имаше во него некоја устојчива женска каприциозност која не умееше да ја сокрие иако се срамеше од неа. Во тие мигови, кога ќе видеше на моето лице дека го препознавам тој негов проклет привик на природата, ќе светнеше, двобојно во неговите очи омраза. Омраза кон мене кој ја знае неговата слабост. Но, таа болна точка која самиот тој најмногу ја чувствуваше беше најневината и најзабавната страна на неговиот карактер. Можеби само во кругот на некогашните твои ученици од Миеза, тој бидуваше подобар, попитом и помек одошто во миговите на таа своја смешна каприциозност» [Мицковиќ 1992: 15].

Крал Марко (Марко Мрњавчевиќ), историска фигура од периодот на XIV век, е една споделена фигура во јужнословенската / балканската усна епика¹, каде што, вообичаено, е претставен како бинарен опозит на Црна Арапина – како бранител на локалното население и на православието од отоманските освојувања. Фолклорните претстави на историската фигура, главно, се фокусираат врз митските хиперболизации и фолклорните мистификации на кралот Марко. Оваа историска фигура е главен лик во романот *Крале Марко* (2003) на Слободан Мицковиќ. Романот ги активира жанровските и наративните потенцијали (постапките на мултиперспективност, полифоничност, доминација на нарацијата во однос на приказната) во функција на реконструктивна актуализација на историската личност: демитологизација, деидеализација и деепизација на фолклорните претстави на кралот Марко, а во корист на неговата антропоморфизација, интимизација, лиризација. Оттаму и индикативноста на насловите на четирите дела *Пад*, *Страв*, *Бес*, *Бог*, кои ги следат емотивните и психолошките кризи на кралот, што претставува една потврда на неговата трансформација, предизвикана од реконтекстуализацијата во еден романескен текст од XXI век. Мозаично конструираната приказна го ревидира традиционалното фолклорно паметење на јунакот, втемелено врз хиперболичните претстави на неговите физички особини. Од друга страна, романот ја сугерира и конструираната димензија на фигурите на меморија: историскиот Марко влегува во книжевното паметење како типично интертекстуална и палимпсестна фигура, носејќи ги врз себе засеците на фолклорните и на историските визури. Во романот на Мицковиќ тој палимпсест се препишува и се допишува преку селекцијата на историските факти, преку интертекстуалното реферирање на претходните фолклорни и книжев-

¹ Подеднакво и во епските песни и во легендите и во преданијата, коишто се поврзани со создавањето на топоними и географско-историски локалитети.

ноуметнички актуализации на ликот¹, но и преку проекцијата на потребите од постоење таков лик во колективното паметење на секој народ: «Им требаш онаков каков што те создале», вели еден од ликовите во романот, упатувајќи притоа на дуалитетот, но и на мултиплицитетот на историската фигура, што, несомнено, е резултат на мнемоничките проекции, понудени во рамки на различните дискурзивни практики.

«Ни треба тој нам и онаков каков што поколенијата го опејале, а ни треба и онаков каков што бил. Ни треба и нам за да го опејуваме, зашто сега веќе немаме јунаци за опејување. А ни треба Марко Крале, тој јунак над јунаци, и сега ни треба, да нè зацврстува во надежта и да ни ја јакне верата» [Мицковиќ 2003: 99].

Заклучокот на нараторот, недвосмислено, ја сугерира временската дистанца меѓу минатото и сегашноста, но исто така, упатува и на неопходноста од постојано интерпретативно враќање кон минатото и, уште повеќе, упатува на неопходноста од постоење механизми на негово паметење и реактуализирање во контекстите на сегашноста.

Скендербег, историски лик од XV век, е актуелизиран во *Мојот Скендербег* (2006) на Драги Михајловски². Авторот поаѓа од двојниот, православно – муслимански идентитет на оваа историска фигура (Ѓорѓија Кастриот, односно Ѓерѓ Кастриоти и турскиот псевдоним Скендербег)³, и алузивно – реминесцентно упатува на постојните контексти на неговата, главно биполарна, интерпретација:

«Можеби луѓето пред налетот на заедничката опасност од идечкиот ислам ги контаминирале во една личност за да се охрабрат во борбата против заедничкиот непријател? Митот и стварноста во едно?!» [Михајловски 2006: 144].

Ситуиран во различни контексти – не само историски, туку и културни, книжевни, научни, егзистенцијални, политички и идеолошки, Скендербег на Михајловски се препушта на наративно - мозаичното ре-конструирање од страна на читателот. Во истовреме, авторот упатува на дуалитетот на Скендербег и низ призма на неговиот статус на споделена фигура меѓу историјата

¹ Романот интертекстуално се надоврзува на легендите и преданијата за Марко Крале, собрани од страна на Марко Цепенков, но и на лирската поезија на Блаже Конески од Циклусот песни за Марко Крале. Впрочем, таа интертекстуална врска авторот Мицковиќ ја назначува во посветата (Во спомен на Марко Цепенков и Блаже Конески), како и во поговорот каде што вели: «Во секоја глава се вградени по стих или два од песните на Конески и синтагми од легендите на Цепенков, така да бидат препознатливи и кога се парафразирани, да му дадат свој печат на ракописов кој ним им е посветен» [Мицковиќ 2003: 100]. Дел од парацикличката структура на романот е и есејот на Мицковиќ, каде што се толкува споменатиот циклус песни на Конески, а којшто е напишан неколку години пред создавањето на романот.

² Оваа историска фигура е опејана и во поемата Скендербег (1861) на Григор Прличев којшто, пак, се јавува како еден од ликовите во Скендербег на Драги Михајловски.

³ Iskander Bey (Александар) е прекарот што Османлиите му го даваат, алудирајќи на воената вештина на античкиот Александар, препознаена и во воинственоста на Скендербег.

и книжевноста, меѓу фактот и фикцијата, кои, пак, нудат свои текстуализации, интерпретации и конструкции на чисто историските факти. Оттаму, во поглавјето *Магистрант* главниот лик, во рамки на истражувањето за магистерската теза, нуди исцрпен библиографски и коментаторско – фуснотен преглед на книжевните и научните афирмации на оваа историска фигура. Ова двојство во книгата се мултиплицира, па Скендербег се доловува низ призма на неговата сеприсутност како историски лик, како книжевен лик (во македонската, албанската, американската, англиската, југословенската книжевност), како тема во магистерски и во докторски трудови, во научни студии, како топоним, како име на воена формација¹, како митска проекција... Меѓутоа, сугерираните реконтекстуализации на Скендербег имаат и друга функција. Прво, тие се обид за надминување на предрасудите и на стереотипите коишто ги следат контекстуалните селидби на историската фигура, но и обид за освестување на «погрешните перцепции на Скендербеј од незнаење» [Михајловски 2006: 60]. Второ, тие реконтекстуализации се обид за надминување на строго етноцентрираните, изолирани аспекти на посматрање на историските настани и фигури:

«Луѓето многу грешно го имаат сфатено човекот... Со Скендербег работата е што луѓето од незнаење, само оти надимакот му звучи турски, му се плашат само од името кога ќе го чујат... Еден голем јунак од 15 век што се борел за слободата на својот народ, албанскиот, но и за одбрана на христијанска Европа го истиснавме од историското помнење само заради обична заблуда» [Михајловски 2006: 55].

Конечно, амбивалентниот и мултиплицираниот идентитет на историската фигура е сугериран и преку хибридниот жанровски идентитет на книгата: таа стои на границата помеѓу роман и збирка раскази коишто се поврзани со заедничкиот лик Скендербег. Реинтерпретативните и ревизионистичките рамништа се индицирани парацитатно – во насловот и во поднасловот. Курзивната обележаност на присвојната заменска форма во насловот (*мојот*) ја сугерира рецепцијата на текстот како придонес кон текстуалниот (книжевен / историски) комплекс за овој историски лик. Поднасловот, пак, експлицитно укажува на ревизионистичката намера на Михајловски: «Тринаест современи наративни напаѓања на оваа мошне малтретирана тема од гледна точка на едно непристрасно македонско перо со одбрана библиографија и заклучок». Значи, авторот го реконтекстуализира овој топос во современ (наративен) контекст, претендирајќи да понуди само уште една верзија / перспектива / контекстуализација на оваа фигура на меморија, т. е. «да придонесе за расветлувањето на ‘темните’ делови од неговата историја и култура» [Михајловски 2006: 145]. Притоа, самосвеста за дискурзивните интеракции книжевност – историја коишто се илустрирани во *Мојот Скендербеј*, во еден

¹ Овде се алутира на македонско-албанскиот конфликт од 2001-та година на територијата на Македонија.

миг поентира со свест за реинтерпретативната надмоќ на фикционалните контекстуализации на историската фигура, што нуди можност «да се менува според наша желба минатото» [Михајловски 2006: 127]. Во поширока смисла, авторот го освестува токму мнемоничкиот, интертекстуалниот и транс-контекстуалниот аспект на фигурите на меморија, кои, на тој начин, стануваат маркери на споделеното минато:

«Скендербеј е голем како Шекспир. Како што Шекспир можеш да го пикаш колку сакаш во романтичари, реалисти, симболисти, модернисти, постмодернисти, па секаде ќе го збира, ама никаде целиот и до крај зашто тој е над секое ограничување, така и Скендербеј можеш да го пикаш колку сакаш само во православни, или само во муслимани или само во католици, или само во Албанци, или само во Македонци, Срби, Власи, Грци, па секаде е го собира, ама никаде поединечно нема да биде целосен. Зашто тој е сите заедно и над сите заедно» [Михајловски 2006: 312].

Во таа смисла, Михајловски иронично си поигрува со темата на еднодимензионалните, строго етнички присвојувања на «споделеното наследство», а на сметка на препознавање на глобалните, цивилизациски и културни придобивки од тоа наследство.

«Свезда што болсна на темното балканско небо и освои максимум од просторот на можното... Горд син на православието, атлет на католичанството, љубимец на мухамеданството» [Михајловски 2006: 312].

«Вака го опишува статусот на Скендербег како гранична фигура еден од ликовите, кој по долгогодишното компаративно истражување на темата на Скендербег во книжевен и во научен контекст, односно во национални и во интернационални рамки, се откажува од финализирањето на магистерската теза, со чувство на задоволство поради можноста „да размислувам и пишувам за еден значаен Европеец уште пред да се роди идејата за самото европејство» [Михајловски 2006: 311].

Историската фигура на конвертитите како фигура на меморија

Верските конвертити претставуваат посебна варијанта фигури на меморија коишто се актуализирани во македонскиот роман на преминот меѓу двата века. Нивната атрактивност се должи токму на проблематичниот конвертиран идентитет, којшто отвора простор за различни интерпретации и, секако, за манипулации. Тематизирањето на конвертитите низ научно-истражувачката и интимната, лично-семејната призма го следиме во романот *Промена на бога* (1998) на Слободан Мицковиќ. Авторот ја користи постапката на паралелни наративни и хронолошки текови (ситуирани во XVII и во XX век) и се фокусира врз можноста од нивно испреплетување: приказната за потурчувањето на македонското население во Тројчанец (1670) како подготовка за посетата на султанот Мехмед Четврти и семејната драма на главниот, фикционален лик Дина Муратовска. Нејзиниот научен интерес спе-

цијалистички е фокусиран врз верските прашања и, особено, врз верските конвертити, па преку темата на своето научно истражување, паралелно, ја разоткрива и историјата на своите предци, коишто биле зафатени од вителот на верските конверзии. Апокрифното пополнување на историските празнини има поширока функција во романот: да ги сугерира неминовните испреплетувања помеѓу личната / семејната и колективната историја, но и испреплетеноста помеѓу индивидуалното и колективното трауматично искуство, стекнато во турбулентните историски периоди и, конечно, да ја осведочи нужната поврзаност меѓу минатото и сегашноста. Во таа смисла, романот го демонстрира процесот на интерпретативно фокусирање врз текстуализираните траги од и за минатото, коишто се реконтекстуализираат во рамки на една нова перспектива – и историска, и професионална, но и приватна. Во истовреме, романот го отвора прашањето и за одговорноста на потрагата и на воспоставувањето на тие конекции – не само во научна, туку и во етичка смисла: «Оној што ќе ја каже вистината, ја сноси вината за тоа каква е таа вистина» [Мицковиќ 1998: 122], заклучува главниот лик.

Романот *Вежби за Ибн Пајко* (2001) на Оливера Николова нуди апокрифно-фикционално алтернирање на «темните места» во историјата од XV–XVI век: идентитетот на градителот на една џамија во Скопје, кој «првин бил христијанин, а потоа се потурчил» [Николова 2008: 20]. Во согласност со жанровските и со наративните конвенции, романот реконструира три можни верзии за потурчувањето на ибн Пајко / Бајко / Тајко, коишто самата авторка ги именува како вежби:

«А најпосле и – кога заправо живеел тој син на Пајко, Бајко или Тајко? Во кое време?.. Или пак е тој веќе човек на сите времиња за кого може да се каже што и да е и да се претпостави што било? Човек врз кого, едноставно, се вежбала историјата, а се вежбале и луѓето» [Николова 2008: 20].

Дилемите што се отвораат во предговорот на романот, несомнено, упатуваат на интерпретативната отвореност на мистифицираната фигура на градителот.

«Уште порано, многу порано, постоел само еден човек, по име син на Пајко или ибн Пајко, ибн Бајко, а можеби и ибн Тајко. Кој е вистинскиот? За него не знам ништо, а сакам да знам» [Николова 2008: 19].

Понатаму, мултифокално раскажаната приказна нуди интерпретативно проблематизирање на идентитетот на историските конвертити, сугерирајќи го нивниот статус на мнемонички конструкт, создаден во пресекот на различни дискурзивни и мемориски практики. Како и во *Промена на бога*, и во романот на Николова, ја следиме проблематизацијата на прашањето за Вистината: нејзината конечност и непорекливост се дисперзира во процесот на (мултиплицирано) генерирање вистини како партикуларни верзии коишто се продуцирани од различни перспективи, но и во процесот на транспонирање

на историските настани во факти. Начините на кои се конструираат фикционалните верзии на историските настани и фигури, честопати, ги доведуваат под сомневање и самиот настан, односно историската фигура, покажувајќи ја релевантноста на дискурзивно конструираниите факти, на селективно-интерпретативните и на наративизирачките процедури, на приоритетите од типот *чија* вистина, односно *чија* приказна ќе добијат легитимитет.

«Размислувам за него многупати. Вежбам и јас. Вежбањето и така често го придружува незнајното. Го придружува, се врзува за него и така обично го раѓа знајното, како едно од многуте чеда на вистината. Нели е најубаво кога сè се меша едно со друго» [Николова 2008: 28].

Заклучок

Поставени во мнемоничкиот пресек меѓу фолклорот, митот, историјата и книжевноста и во дијалогот меѓу минатото и сегашноста фигурите на меморија стануваат повеќекратно индикативни и во поширока смисла:

1. Тие реализираат една од функциите на текстот за коишто говори Јуриј Лотман – функцијата на текстот како «кондензатор на културното паметење» [Лотман 2006: 21], а не само функцијата на генератор на нова смисла. Оттаму, секоја текстовна партикуларизација на топосот фигури на меморија поседува капацитети да го чува сеќавањето за своите претходни контексти, па за оној којшто го усвојува, актуелниот текст воспоставува метонимиски однос кон интегралното значење кое се реконструира и кое, следствено, го дополнува. «Семантичката аура што текстот ја создава околу себе стапува во одредени односи со паметењето на културата (традицијата), сочувано во свеста на аудиториумот» [Лотман 2006: 22].

2. Фигурите на меморија учествуваат и во обликувањето на т.н. креативно паметење што го постулира семиотиката на културата, а како опозит на информативното паметење (Лахман, 2002: 221): паметење кое е панхроно, просторно континуирано, отпорно кон времето, и каде што потенцијално е активен целокупниот текстуален масив на културата, подеднакво, активен за и активираан и од страна на авторот, и од страна на читателот.

3. Во крајна линија, фигурите на меморија, како експлоатиран книжевен топос, ја демонстрираат авторефлексивноста на авторската / творечката меморија, нејзината насоченост кон самата себе, со оглед на тоа што писателот го памети процесот на паметење, а неговиот книжевно текст функционира како упатување на упатувањето.

4. Фигурите на меморија како книжевен топос, но и како интертекстуална варијанта, преку своите текстовни манифестации, потврдуваат дека референтното подрачје на конкретниот текст е ситуирано во подрачјето на другите текстови, конституирајќи се притоа како меморија на текстот во којашто со посредство на другите текстови, се архивира семиотичкото и културалното искуство. Следствено, конкретната (интер)текстуална реали-

зација на топосот, не е само сеќавање на некоја претходна текстовна конкретизација (прототекст), туку и сеќавање на сите негови претходни интерпретации. Во таа смисла, фигурите на меморија претставуваат механизми коишто се во функција на потенцирање на интертекстуалната и палимпсестната природа на книжевноста, но, и пошироко, на историјата и на фолклорот.

Литература

- Assmann, Jan. 2005. *Kulturno pamćenje*. Zenica: Vrijeme.
- Astrid Erll, Ansgar Nünning. Eds. 2010. *A Companion to Cultural Memory Studies*. Berlin / New York: De Gruyter.
- Halbwachs, Maurice. 1985. *Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen*. Frankfurt.
- Kulavkova, Kata. 2009. "From a Black God to a Black Arab: different mythical and historical actualizations of the universal matrix of Black", Ed. by Kata Kulavkova. *Interpretations: The Black Arab as a Figure of Memory*. Skopje: Macedonian Academy of Science and Arts. No. 3, pp. 21–48.
- Lachmann, Renate. 2002. *Phantasia, Memoria, Rhetorica*. Zagreb: Matica hrvatska.
- Лотман, Јуриј. 2006. *Семјуосфера*. Прев. М. Ѓорѓиева, Скопје: Три.
- McHale, Brian. 2001. *Postmodernist Fiction*. London and New York: Routledge.
- White, Hayden. 2003. "Fabulacija povijesti i problem istine u reprezentaciji povijesti", *К.*, br. 1, str. 33–54.
- Ѓуришин, Диониз. 1997. *Шта је светска књижевност*. Сремски Карловци / Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића.

- Михајловски, Драги. 2006. *Мојот Скендербеј*. Скопје: Каприкорнус.
- Мицковиќ, Слободан. 1992. *Александар и смртта*. Скопје: Култура.
- Мицковиќ, Слободан. 1998. *Промена на бога*. Скопје: Детска радост.
- Мицковиќ, Слободан. 2003. *Крале Марко*. Скопје: Слово.
- Николова, Оливера. 2008. *Вежби за Ибн Пајко*. Битола: Микена.

Сведения об авторе:
Мария Георгиева-Димова (1973),
профессор
кафедры общего и сравнительного литературоведения
Филологический факультет им. Блаже Конеского
университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье
(Республика Македония).

Преподает дисциплины:
теория литературы и литературная герменевтика.
Член общества литературоведов-компаративистов Македонии
и международной ассоциации компаративистов-литературоведов
(AILC / ICLA),
член Европейской сети сопоставительных исследований
(REECL / ENCLS).

Область научных интересов:
теория романа, теория интертекстуальности,
отношение литературы и истории.

Опубликованные монографии:
«Модели интертекстуальности в романе» (2003),
«Метатексты» (2009), «Интенция и интерпретация» (2011),
«Повторная встреча Клио и Калиопы» (2012),
пер. с рус. «Семиосфера» Ю.М. Лотмана.

Maria Georgieva-Dimova,
Professor
Department of General and Comparative Literature
Faculty of Philology them. Blaj Koneski
University. Sts. Cyril and Methodius University in Skopje
(Macedonia).

Teaches discipline:
theory of Literature and literary hermeneutics.
Member of the Literary society-comparatists Macedonia and
the International Association comparatists-literary
(AILC / ICLA),
member of the European Network of Comparative Research
(REECL / ENCLS).

Research interests:
theory of the novel, theory of intertextuality,
relation of literature and history.

Published monographs:
«Model of intertextuality in the novel» (2003),
«Metatexts» (2009), «Intention and Interpretation» (2011),
«Repeated meeting Clio and Calypso» (2012),
translation from Russian «Semiosphere» of Y.M. Lotman

Марија Ѓорѓиева Димова (1973),
е вонреден професор
на Катедрата за општа и компаративна книжевност
на Филолошкиот факултет «Блаже Конески»
при Универзитетот Св. Кирил и Методиј
Скопје, Република Македонија.

Ги предава предметите:
Теорија на книжевност и Книжевна херменевтика.
Член е на Друштвото за компаративна книжевност на Македонија,
член е на Меѓународната асоцијација за компаративна книжевност
(AILC / ICLA),
како и член на Европската мрежа за компаративни истражувања
(REECL / ENCLS).

Потесно подрачје на научен интерес:
теорија на романот, теорија на интертекстуалност,
односот книжевност-историја.

Објавени книги:

*Модели на интертекстуалност во романот (2003),
Метатекстови (2009), Интенција и интерпретација (2011),*

Повторната средба на Клио и Калиона (2012).

Превод од руски јазик на *Семиосфера* од Јуриј М. Лотман.

А.А. Смирнов

**А.С. Пушкин и труды пионеров
европейских компаративистов
начала XIX века
(по материалам библиотеки поэта)**

Аннотация: Проблема «Пушкин и книга» остается важной и для сегодняшнего исследования, великий поэт тщательно следил и оценивал все новое в литературном процессе своего времени. Следы концептуальных размышлений Пушкина о литературе, о его суждениях по поводу искусства поэзии рассматривались в таких значительных трудах, как статьи Б.В. Томашевского (собраны частично в сборнике «Пушкин и Франция». М., 1960), в работе С.М. Бонди «Историко-литературные опыты Пушкина (Литературное наследство. Т. 16–18. М.; Л., 1934. С. 421–442). Наконец необходимо назвать капитальную энциклопедию, составленную сотрудниками ИРЛИ РАН, «Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии» (СПб., 2004). В ней представлен обширнейший фактический материал о литературных взаимосвязях Пушкина и европейских литератур.

Для данной работы важно выделить основные фигуры пионеров сравнительного литературоведения начала XIX века, которые привлекли внимание Пушкина, имеются в его библиотеке и оказали определенное воздействие на формирование и развитие его взглядов на современный литературный процесс. Описание библиотеки поэта, предпринятое Б.Л. Модзалевским (СПб., 1910), стало фундаментом для дальнейших исследований. Состав библиотек великих поэтов свидетельствует об исключительной широте и многоплановости их интересов. В ней есть книги по статистике, философии, этнографии, естествознания, юриспруденции, языковедения, многотомные работы ученых историков и литературных критиков. Библиотека частично отвечает на вопрос, какие проблемы истории литературы и культуры европейских народов были в центре его внимания. Перед нами предстает своеобразная «история мировой литературы», это и пример глубокой переработки литературного наследия многих веков. Много ценнейших сведений содержит его переписка, свидетельствующая о глубоком проникновении в суть литературных процессов в Европе. Не находя образцов в русской критике, Пушкин часто обращал свои взоры на Запад. В статьях и письмах он ссылается на эстетику А. Шлегеля, Лессинга, Винкельмана. Глубоко он проник в проблематику шекспировских творений благодаря Гизо, Летуэрну. Мнения

французских и английских критиков в европейских литературно-политических журналах и газетах имели подчас решающее влияние. Общеизвестно, что критическое дарование Пушкина не раскрылось в полной мере, так как все затмили шедевры его поэзии.

В рамках романтически ориентированного литературоведения появляются работы сравнительно-исторического характера «Литература стран южной Европы» Сисмонди, «Курс всеобщей литературы» Лемерсье, «Курс французской литературы» Вильмена, «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра в 16 веке» Сент-Бева. В Англии появились «Лекции о Шекспире» Колриджа, его же «Литературные биографии»; важное место занимают исторические труды по литературе В. Скотта, У. Хэзлитта, Ч. Лэма (в журнале *London Magazine*), Т. Карлейля (о немецкой литературе). Важнейшей фигурой в этот период выступает госпожа де Сталь (трактат «О влиянии страстей на счастье людей и народов»).

Выдающимся деятелем раннего этапа французской компаративистики был А.Ф. Вильмен – и как историк и как критик. Он принадлежал к блестящей плеяде учеников Руайе-Коллара. Среди которых уже упоминавшиеся Гизо, Тьерри. Будучи профессором «Нормальной школы», он вслед за Женгене пропагандировал необходимость изучения французского средневековья в контексте мировой литературы, тем самым поддерживая тезис госпожи де Сталь об изучении каждой национальной литературы в сопоставлении с соседними европейскими (английской, немецкой).

Пушкина интересовали связи, изменения, общности и различия между национальными литературами Европы, то, что осуществлялось поверх языковых границ. Шекспир был в центре его внимания как литературный феномен, обусловленный своим сверхнациональным значением. Влияние и воздействие таких мировых величин, как Гомер, Данте, Мольер, Гете он ощутил в своем творчестве. Проблема ценностей в литературе, осмысляемая ведущими литературными критиками и писателями Европы, также формировала его культурно-исторический горизонт.

Ключевые слова: Пушкин, компаративистика, французские критики и историки литературы начала XIX века, английские журналы, немецкая эстетика

Abstract: The problem of «Pushkin and the book» remains important for today's research, the great poet carefully watched and evaluated all new in the literary process of his time. Traces of conceptual thinking about literature, Pushkin's judgements about art poetry considered significant works such as articles of B.V. Tomashevsky (partially collected in the book «Pushkin and France». Moscow, 1960), in S.M. Bondi's «Historical and literary works of Pushkin» (Literary Heritage. V. 16–18. L., 1934. P. 421–442). Finally, it is necessary to name the capital encyclopaedia composed by IRLI RAS employees: «Pushkin and World Literature: Materials for “Pushkin Encyclopaedia”» (St. Petersburg, 2004). It provides extensive factual material about the literary relationships between Pushkin and European literatures.

For this work, it is important to identify the main figures of the pioneers of comparative literature and early nineteenth century, which attracted the attention of

Pushkin, are available in the library and had an impact on the formation and development of his views on the modern literary process. Library Description of poet undertaken by B.L. Modzalevsky (St. Petersburg, 1910) became the foundation for further research. The library of great poets indicates exceptional breadth and diversity of their interests. It has books on statistics, philosophy, ethnography, natural science, law, linguistics, multi-volume work of scientists historians and literary critics. Library partially answers the question, what are the problems of literary history and culture of the peoples of Europe were at the centre of his attention. Before us is a kind of «history of world literature», is an example of deep processing and literary heritage of many centuries. Contains a lot of valuable information in his correspondence, indicating deep penetration into the essence of literary processes in Europe. Not finding samples in Russian criticism, Pushkin often turns their attention to the West. In his articles and letters he refers to the aesthetics of A. Schlegel, Lessing, Winckelmann. Deeply into the problems he wilted Shakespearean creations thanks to Guizot, Letourneur. Opinions of French and English critics in European literary and political journals and newspapers had often a decisive influence. It is well known that the critical talent of Pushkin does not fully revealed, because all was overshadowed by the masterpieces of his poetry.

Within romantic literary works appeared comparative historical character «Literature of the South of Europe» by Sismondi, «Course of world literature» by Lemerrier, «Course of French literature» by Villemain, «Historical and critical review of French poetry and theatre in the 16th century» by Sainte-Beuve. In England there were «Lectures on Shakespeare» by Coleridge, his «Literary biography» occupied an important historical place.

Proceedings of the literature by Sir Walter Scott, William Hazlitt, Charles Lamb (in the *London Magazine*), T. Carlyle (German literature). Most important figure in this period – Madam de Staël (treatise «On the influence of the passions on the happiness of the people and nations»).

Outstanding figure in the early stage of the French Comparative studies was A.F. Villemain and as a historian and as a critic. He belonged to brilliant students of Royer-Collard. These include the already mentioned Guizot, Thierry. As a professor of «Normal School» he followed Guinguené advocated the need to study the French Middle Ages in the context of world literature, thereby supporting the thesis of de Staël on the study of each of the national literature in relation to neighbouring European (English, German).

Pushkin interested in communication, change, similarities and differences between national literatures of Europe, that was carried out over the language borders. Shakespeare was at the centre of his attention as a literary phenomenon, due to its excess of national importance. Influence and impact of such global variables as Homer, Dante, Molière, Goethe, he felt in his work. Problem of values in the literature, conceptualised by leading literary critics and writers of Europe also formed its cultural and historical horizon.

Key words: Pushkin, comparative studies, French critics and literary historians of the early XIXth century, the British magazine, German aesthetics

Проблема «Пушкин и книга» остается важной и для сегодняшнего исследования, великий поэт тщательно следил и оценивал все новое в литературном процессе своего времени.

Следы концептуальных размышлений Пушкина о литературе, о его суждениях по поводу искусства поэзии рассматривались в таких значительных трудах, как статьи Б.В. Томашевского (собраны частично в сб.: Пушкин и Франция. М., 1960), в работе С.М. Бонди «Историко-литературные опыты Пушкина (Литературное наследство. Т. 16–18. М.; Л., 1934. С. 421–442), в смелых обобщениях акад. П.Н. Сакулина «Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу» (А.С. Пушкин [Соч.] / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., Пг., Т. 1–6. 1907–1915. Т. 5. С. 372–388), в сообщении П.Н. Беркова «Пушкинская концепция литературы XVIII века» (Пушкин: Исследования и материалы. Т. IV. М.; Л., 1962. С. 75–93), в обстоятельных комментариях и вступительной статье Н.В. Богословского в сборнике «Пушкин-критик: Пушкин о литературе» (М.; Л., 1934. С. 446–668). Наконец необходимо назвать капитальную энциклопедию, составленную сотрудниками ИРЛИ РАН, «Пушкин и мировая литература: Материалы к “Пушкинской энциклопедии”» (СПб., 2004). В ней представлен обширнейший фактический материал о литературных взаимосвязях Пушкина и европейских литератур.

Для данной работы важно выделить основные фигуры пионеров сравнительного литературоведения начала XIX века, которые привлекли внимание Пушкина, имеются в его библиотеке и оказали определенное воздействие на формирование и развитие его взглядов на современный литературный процесс.

Описание библиотеки поэта, предпринятое Б.Л. Модзалевским (СПб., 1910), стало фундаментом для дальнейших исследований, как и составленный В.В. Лобановым каталог-описание библиотеки В.А. Жуковского (Томск, 1981). Состав библиотек великих поэтов свидетельствует об исключительной широте и многоплановости их интересов. В ней указаны книги по статистике, философии, этнографии, естествознанию, юриспруденции, языковедению, многотомные работы ученых историков и литературных критиков. Библиотека частично отвечает на вопрос, какие проблемы истории литературы и культуры европейских народов были в центре его внимания. Перед нами предстает своеобразная «история мировой литературы», это и пример глубокой переработки литературного наследия многих веков. Много ценнейших сведений содержит его переписка, свидетельствующая о глубоком проникновении в суть литературных процессов в Европе. Не находя образцов в русской критике, Пушкин часто обращал свои взоры на Запад. В статьях и письмах он ссылается на эстетику А. Шлегеля, Лессинга, Винкельмана. Он глубоко проник в проблематику шекспировских творений благодаря Гизо, Латурнеру. Мнения французских и английских критиков в европейских литературно-политических журналах и газетах имели подчас решающее влияние. Общеизвестно, что критическое дарование Пушкина не раскрылось в полной мере, так как все затмили шедевры его поэзии.

Библиотека Пушкина позволяет проследить важнейшие стороны самосознания романтической литературы и критики не только России, но и Европы в тот момент, когда произошло возникновение сравнительного литературоведения, становление его методов и системы. Процесс освоения Пушкиным основных закономерностей европейской истории литературы был тесно связан с процессом их критической переоценки.

В библиотеке отчасти сохранились те книги, на которых он воспитывался дома и в Лицее. Пушкин, как и Жуковский, до конца своих дней сохранял пиетет по отношению к трудам тогдашних лицейских авторитетов. Программы по теории словесности и риторике обладали известной общностью как в Лицее, так и в Университетском Благородном пансионе, где учился Жуковский. Курс французского критика и драматурга Лагарпа «Лицей, или Курс древней и новой литературы» (La Harpe, J.F. Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne, V. 1–16, Paris 1779–1805, у Пушкина имелось в библиотеке издание 1834 г. – №1063 и русский перевод, ч. 1–5, Спб., 1810–1814), вышедший в Париже в 16 томах в течение 1799–1805 гг. Он был принят за основу изучения словесности в начале XIX века. В нем и в своих лекциях в лицее Сент-Оноре, в журнале *Correspondance littéraire* автор неодобительно отзывался о произведениях Шекспира, противопоставлял ему произведения Корнеля, Расина и Вольтера, защищал каноны классицизма, проявляя нетерпимость и догматизм. Пушкин черпал свои сведения о французских писателях из этого труда, в его библиотеке имелось и собрание сочинений Лагарпа (La Harpe, J.F. Oeuvres diverses de La Harpe. Paris 1820–1826. – №1064, 1065).

Присутствие трудов Блэра, Зульцера, Бутервека ощутимо в сознании поэта. Характерной чертой интересов Пушкина является его внимание к авторам XVIII века и в зрелый период его творчества: том Винкельмана во французском переводе (Winkelmann, J.J. Histoire de l'art chez les franciens. Paris 1803. – №1502), учебник по истории немецкой литературы А. Коберштейна (Koberstein, Au. Manuel de l'histoire de la littérature national Allemande. Paris 1834. – №1018. Перевод был осуществлен известным литератором Кс. Мармье), который до сих пор переиздается в Германии (последнее издание в 5 томах было осуществлено в 1974 г.), тем самым сохраняет свою фактологическую ценность. Бутервек, по поводу которого Пушкин шутит в своих лицейских стихотворениях, был отмеченной вниманием книгой в библиотеке Жуковского (Bouterwek, Fr. Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des 13 Jahrhunderts. Berlin 1804. Bd. 1–4, в последнем немецком издании в 12 томах. Книга представляет собой краткую историю поэзии и красноречия с середины XIII в., посвящена европейским литературам. Эшенбург в русском переводе был настольной книгой лицеистов – «Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским (СПб., 1816. Т. 1). Наконец следует отметить и собрание сочинений крупного педагога, писателя и просветителя Мармонтеля, которого Пушкин тщательно изучал (Marmontel, J.F. Oeuvres

complètes. Paris 1818–1819. – №1136, 1137). В этих трудах отчетливо выделяются элементы историко-литературных сравнений, однако принципы сравнительно-исторического изучения не приобрели еще у автора методологического значения.

Важнейшим толчком к возникновению сравнительного изучения литературы стал пристальный интерес романтиков к истории. Многочисленные исторические сочинения составляют обширную часть его библиотеки, которую он тщательно собирал и хорошо знал. Из общего круга историков выделяются сочинения основоположников историко-критического и сравнительного методов Барант, Гизо, Тьерри, Минье, Тьера. Историю европейской цивилизации Пушкин изучал по Гизо, профессору истории в Сорбонне, отличавшемуся исключительной эрудицией (Guizot. F.P. Cours d'histoire moderne. Paris 1828. – №958; а также Histoire générale de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la révolution {1789}. En 5 v. Paris 1829–1832. – №959). Гизо был последователем Сен-Симона, выдвинул принцип исторического детерминизма и классовой борьбы, будучи соперником Тьера (его книга по истории французской революции есть в библиотеке Пушкина – Thiers, Ad. Histoire de la révolution française. Liège 1828. – №1434) создал свой вариант истории английской революции. Сочувствие молодого Пушкина вызвала книга Минье об истории французской революции, в которой он оправдывал действия третьего сословия в борьбе с феодальной аристократией (Mignet, F.A. Histoire de la révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. 2 v. Bruxelles 1828. – №1168). Прогрессивные французские историки вызывали у Пушкина явные симпатии; наряду с О. Тьерри следует упомянуть и друга госпожи де Сталь де Баранта. Он прославился как историк, последовательно проводивший идею исторического прогресса (de Barante, G.P. Histoire des ducs de Bourgogne et de la maison de Valois. V. 1–13. Paris 1826. – №573, а также его Mélanges historique et littéraires. Bruxelles 1835. – №574). Де Баранту принадлежит и очерк истории французской литературы XVIII века (de Barante, G.P. Tableau de la littérature française au XVIII-e siècle. Paris 1832. – №575).

О. Тьерри продолжил традиции просветителей Монтескье и Вольтера в материалистическом понимании истории как процесса, он призывал к тщательному критическому изучению национальных хроник, в которых раскрывается роль народа в событиях и действиях правителей. Будучи секретарем Сен-Симона, он был адептом повествовательного метода в изложении событий, создав особую методику создания сочинений по истории (Thierry, A. Dix ans d'études historiques. Paris 1835. – №1432; Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. V. 1–3. Paris 1830. – №1433).

Вторым важным моментом становления сравнительно-исторического метода в критике и истории литературы стало взаимодействие естественных и гуманитарных наук в поисках нового метода изучения своего предмета. Появились труды Кювье по сравнительной анатомии, Бленвиля по сравнитель-

ной физиологии, Костеса по сравнительной эмбриологии, Риттера по сравнительной географии, сходные процессы проявились в гуманитарных науках: аббат Трессо создает труд по сравнению мифологии и истории, де Геррандо по сравнению систем в философии, Собри создал сравнительную поэтику живописи и литературы, многочисленные исследователи создали работы по сравнительной политологии, правоведению и языкознанию.

Перед литературоведением встали те же вопросы по методике типологического и генетического сравнения, по проблемам рецепции в иноязычном культурном контексте, литературного перевода, тематологии. Главное же заключалось в том, что необходимо было найти всем этим явлениям объяснение.

Характерной особенностью эстетического развития Пушкина является его пристальное внимание к новым явлениям в критике и литературе как в Западной Европе, так и России. Мысли Гердера, братьев Шлегелей, госпожи де Сталь о сущности литературы стали знаковыми не только для романтиков и историков литературы, но и для Пушкина. Принципы романтизма и историзма стали определяющими началами нового этапа европейских литератур, что было осознано Пушкиным. Во Франции романтические теории литературы формировались под влиянием мысли о том, что характер цивилизации определяется своеобразием духа народа и его литературы, а не канонами древних авторов.

В рамках романтического литературоведения появляются работы сравнительно-исторического характера «Литература стран южной Европы» Симонди, «Курс всеобщей литературы» Лемерсье, «Курс французской литературы» Вильмена, «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра в 16 веке» Сент-Бёва. В Англии появились «Лекции о Шекспире» ??? Колриджа, его же «Литературные биографии», существенное значение имеют исторические труды по литературе В. Скотта, У. Хэзлитта, Ч. Лэма (в журнале *London Magazine*), Т. Карлейля (о немецкой литературе).

Важнейшей фигурой в этот период выступает госпожа де Сталь, которая в своих трактатах «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (*De l'influence des passion sur le bonheur des individus et nations*, 1796), «О литературе, рассматриваемой в ее связи с общественными установлениями» (*De la littérature, considérée dans ses rapports avec les institutions sociales*, 1800) устанавливает зависимость литературных явлений от социальных условий, нравов народов, особенностей законодательства, философии, религии и климата. В трактате «О Германии» (*De l'Allemagne*, 1810) она восторгается немецкой литературой и философией, утверждает веру в прогресс искусства, восхищается Шекспиром и средними веками. Пушкин был хорошо знаком как с общим пафосом взглядов писательницы, так и ее оценкой французской революции (*Considération sur les principaux événements de la révolution française*, 1818), ценил ее мемуары (*Dix années d'exil*, 1821), в его библиотеке было многотомное собрание ее сочинений (*Staël = Germaine Necker, baronne de Staël-Holstein, dite M-me de, Oeuvres complètes*. Paris 1820). Госпоже де Сталь принад-

лежат и первые попытки дихотомического рассмотрения литературного процесса – таково ее, вслед за Сисмонди, историческое противопоставление «*littérature du Nord et littérature du Midi*», а также ее собственные: «*imaginative / spiritual*», «*ancien / antique*», «*loyal / ironique*», «*profond / superficiel*».

Пушкин опирался не только на ее размышления о политическом процессе развития Европы, но и на ее литературные постулаты, среди которых интерес к частному быту людей, их субъективной составляющей, непохожей на посредственные умы, удовлетворенные обыденностью. Она восторгается героической моралью, энтузиазмом, выходящими за пределы, которые ставит воображение. Пушкин, восхищаясь ее идеей о влиянии характера народа на создаваемую им литературу, соглашаясь с необходимостью поиска уникальности этнического мышления каждой нации, прослеживая зависимость литературы от истории народа и его географии, однако остается несогласным с ее взглядами на назначение литературы как основного средства «пропаганды идей». Признавая просветительское значение литературы, он остается при мнении, что просвещение не должно заслонять в ней искусства. Отголоски этих мыслей заметны в «Евгении Онегине», где поэт подчеркивает наивность и искренность Татьяны, счастливо избежавшей поучений госпожи де Сталь.

Выдающимся деятелем раннего этапа французской компаративистики был А.Ф. Вильмен – и как историк и как критик. Он принадлежал к блестящей плеяде учеников Руайе-Коллара (Royer-Collard, Pierre-Paul), среди которых уже упоминавшиеся Гизо, Тьерри. Будучи профессором «Нормальной школы», он вслед за Женгене пропагандировал необходимость изучения французского средневековья в контексте мировой литературы, тем самым поддерживая важность тезиса госпожи де Сталь об изучении каждой национальной литературы в сопоставлении с соседними европейскими (английской, немецкой). В 1814 г. в статье «Рассуждение о критике» он заявил о важности исторической критики и возражал против суждений о стиле с позиций догматики классицизма с его моралистическим подходом к литературе. Вильмен поставил на повестку дня вопрос о критике как литературном жанре, положив начало научной методологии критики. В «Курсе французской литературы», который он уже как академик читал в Сорбонне, сопоставляются литературы европейских наций (начиная со средневековья), при этом обнаруживаются различия, вызванные особенностями исторических обстоятельств и общественных учреждений. Особенно настойчиво он подчеркивал различие в поэтическом мирозерцании в Италии и Франции. В библиотеки Пушкина имелись три его важнейших труда А.Ф. Вильмен «Курс французской литературы» = {*Villemain, A.F. Cours de littérature française: Littérature du Moyen Age en France, en Italie, en Espagne et en Angleterre. Paris 1830. – №1484*}, «Панорама французской литературы» = {*Villemain A.F. Cours de littérature française: Tableau du dix-huitième siècle. Paris 1829. – №1485*}, «История Кромвеля по мемуарам и парламентскому собранию» =

Histoire de Cromwell, d'après les Mémoires du temps et les recueils parlementaires. Bruxelles 1831. – №1486).

Труды Вильмена не только ознаменовали победу романтического требования историзма в критике и истории литературы – в своей педагогической практике в Сорбонне он реализовал новаторские начинания, ратуя за решительное реформирование высшего образования. Сопоставляя литературы разных народов, он требовал воссоздания духа изображаемой эпохи, ее колорита, призывал обнаруживать исторические законы; поставив литературную критику на историческую почву, он положил начало ее научной методологии.

Еще больший резонанс имели исторические и литературные пристрастия Сисмонди, швейцарского экономиста и историка. Он предложил анализ историко-экономического и одновременно историко-культурного контекста развития различных наций на территории Европы. В библиотеке Пушкина два из его важнейших трудов: многотомное исследование «История итальянской республики в Средние века» = {Sismondi, J.Ch.L. Histoire des république italiennes du Moyen Âge, Paris 1826. – №1393} и «История падения римской империи» = {Sismondi, J.Ch.L. Histoire de la chute de l'Empire Romain et du déclin de la civilisation, de l'an 220 à l'an 1000. Bruxelles 1836. – №1392}. Но наибольшее значение для Пушкина имела его книга «О литературе юга Европы» = {Sismondi, J.Ch.L. De la littérature du Midi de l'Europe. V. 1–4. Paris 1829. – №1391}. Страницы отдельных томов были им разрезаны и глубоко продумано их содержание. Пушкин почерпнул из этой книги многочисленные свидетельства об особенностях творчества итальянских писателей – Данте, Петрарки, Пиндемонта, об испанских корифеях сцены – Лопе де Вега, Кальдероне, португальце Камозэнсе, проникаясь глубокими историческими познаниями о европейских классиках.

Жан-Жак Ампер, как и Вильмен, ставил в центр своих исследований в первую очередь изучение французской литературы. Сын великого физика, Ампер сделал блестящую карьеру на университетском поприще, став профессором Коллеж де Франс, членом Академии надписей, наконец, Французской академии. Им созданы «История литературы во Франции 12 века», «История формирования французского языка».

Именно ему принадлежит честь определения понятия «наука о литературе», которая должна быть основана на союзе философии и истории литературы.

Не меньшую славу принесли ему путешествия, которые стимулировали интерес к иностранным литературам, предоставив обширный эмпирический материал для сравнительного литературоведения. В библиотеке Пушкина сохранился след его впечатлений на основе многочисленных путешествий на родину Данте и Петрарки, в Грецию и другие страны в виде книги «Литература и путешествия» {Ampère, J.J. Littérature et voyages. Bruxelles 1834. – №537}. Жанр путешествия стал в эпоху романтизма одним из постоянных импульсов к размышлению о различии и сходстве литератур различных национальностей.

Еще одним из ярких представителей романтической компаративистики стал П.Л. Женгене; он должен быть «поставлен» между госпожой де Сталь и Лагарпом как основоположник истории литературы, осознанной ими в форме самостоятельного предмета изучения. Соученик Парни, участник музыкальных споров эпохи романтизма, автор авторитетной работы о творчестве Рабле, редактор влиятельного журнала *La Décade philosophique* (1795–1807), член многих иностранных академий, в библиотеке Пушкина он представлен знаменитым на всю Европу многотомным сочинением «История литературы в Италии» = {Ginguené, P.L. Histoire littéraire d'Italie. Paris 1809–1819. – №944}. Эта книга помогла Пушкину сформировать свой взгляд на Ариосто и частично Данте

Наиболее известным среди названных авторов до сих пор остается Сент-Бев; его соперники Вильмен, Низар, Планш остались в тени. Он прежде всего один из крупнейших французских критиков XIX в., который обосновал литературное новаторство романтиков, утвердил на прочном основании их литературную программу, подчеркнув их новаторство – введение в литературу героев из народа, в обновлении поэтических форм. Пушкин неоднократно обращался к этому имени, в его библиотеке находятся два важнейших новаторских труда Сент-Бева: «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра 16 века» = {Sainte-Beuve, Ch.A. Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au seizième siècle. Paris 1828. – №1347} и новаторский по открытию нового жанра, жанра литературного портрета, – «Литературно-критические портреты» = {Sainte-Beuve, Ch.A. Critiques et portraits littéraires. V. 1–8. Paris 1836. – №1346}. Позднее почти в течение полувека он печатал свои «портреты» французских писателей и поэтов. Этот жанр пытался воссоздать в России Пушкин. В связи с этим намерением поэта следует обратить внимание на еще одного автора из группы романтиков, пионеров компаративистики, – Г. Планша. Сын известного французского эллиниста Иосифа Планша, наш автор прославился как активный участник литературного кружка романтиков «Сенакль», сотрудничал в ведущих французских журналах: *Le Globe*, *L'Artist*, *La Revue des Deux Mondes*. Большая часть его статей была собрана в книге «Литературные портреты» = {Planche G. Portraits littéraires. Paris 1836. – №1266}, которую Пушкин тщательно проработал, изучая творчество Ш. Нодье, А. Ламартина, П. Мериме, Б. Констан, Ш.А. Сент-Бёва, Ж. Санд, Э. Скриба, К. Делавиня, А. Дюма, В. Гюго.

Некоторые важные труды романтиков по истории литературы остались вне поля зрения Пушкина. Это книги Ф. Шаля (Ph. Casles, 1798–1873), французского литературного критика и будущего профессора «Коллеже де Франсе», пытавшегося определить место литературы в системе европейской цивилизации и тот индивидуальный характер, который присущ каждой нации.

Не обнаружено в библиотеке одно важное сочинение компаративистов Ж.Ф. Ноэля (1755–1841) и Ж. де ла Пласа «Курс сравнительных литератур» (Noel, J.F.M. et De la Place, G. Cours de littérature comparée: Leçon française de littérature et de morale, ou Recueil en prose et en vers des plus beaux morceaux de notre langue dans la littérature des deux derniers siècles, 1804); ими же была составлена антология образцовых французских текстов в 1816 г., а в 1825 были добавлены итальянские тексты. В библиотеке отсутствует и знаменитый курс всеобщей литературы Л.Ж.Н. Лемерсье (Lemercier, L.J.N. Cours analytique de littérature générale. V. 1–4. Paris 1817), автор которой занимал промежуточную позицию в борьбе литературных течений – выступая сторонником классицизма и одновременно ратуя за романтический театр.

Книги и статьи защитников классицистических традиций в драматургии сохраняли для Пушкина свою ценность; такова работа активного участника литературных боев во Франции Дезире Низара (1806–1888) «Этюды о нравах и критике у латинских поэтов эпохи декаданса» (Nisard, D. Études de mœurs et de critique sur les poètes latin de la Décadence. Paris 1834. – №1216). Свой восторг перед шедеврами прошлого он выражал на страницах влиятельных журналов: *Journal des Débats*, *Le National*, *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*. Позднейшие его труды остались за пределами нашего обзора («История французской литературы» – Nisard, D. Histoire de la littérature française. Paris 1844–1861).

Непосредственным проводником на пути к английской литературе стал для поэта Ф.А. Шатобриан; в библиотеке Пушкина сохранилось 27 томов его собрания сочинений (№731). Суждения Шатобриана о Шекспире, Мильтоне, Байроне вошли в его «Опыт об английской литературе» (Chateaubriand, F.A. Essai sur la littérature anglaise. V. 1–2. Paris 1836. – №1174;732). Сохранилась и книга малоизвестного автора Л. Мезьера «История английской литературы от Бэкона до 18 века» (Mézières, L. Histoire critique de la littérature anglaise depuis Bacon jusqu'au commencement du dix-neuvième siècle. V. 1–3. Paris 1834. – №1160). Интерес Пушкина вызывали и его английские современники: Hunt, J.H.L. Lord Byron and some of his contemporaries. V. 1–2. London 1828), Lamb, Ch. Tales from Shakspeare. London 1807. – №1013, Hazlitt, W. The Spirit of the Age, or contemporary portraits. 1825. – №973; Table-Talk, or original essays. 1825. – №974. Английская литература в лице таких ее представителей, как Шекспир, Байрон, Милтон, В. Скотт, Вордсворт, Колридж, Саути, в процессе сравнения с французской постепенно стала занимать первое место.

В формировании новых романтических воззрений на природу немецкая литература стала также важным источником знаний Пушкина. С помощью французских переводов он осознал роль И. Винкельмана (Winkelmann, J.J. Histoire de l'art chez les anciens. V. 1–3. Paris 1803. – №1502) – в развитии эстетики и искусствознания, А.В. Шлегеля (Schlegel, A.W. Cours de littérature dramatique. V. 1–3. Paris 1814. – №1356) – драматического искусства. Ф. Шле-

гель обрисовал литературную эволюцию от древности до современности, создав новейшую концепцию литературы, основанную на оппозиции романтизм – классицизм (Schlegel, F. *Histoire de la littérature ancienne et moderne*. V. 1–2. Paris 1829. – №1357; книга была переведена на русский язык и издана в Петербурге в 1829–1830 гг.). В этих трудах Пушкин познакомился с новейшей последовательно романтической философией, с пробуждением национальных чувств у романтиков, подчеркнул важность соотношения исторических и эстетических концепций. Август Шлегель впервые стал говорить о «классовости» литературы, анализируя эпоху средних веков. Ему же принадлежит новаторская работа по компаративистике (сопоставил сюжет Федры у «древних» и «новых» авторов), в которой он действовал по примеру своего дяди И.Э. Шлегеля, предложившего сопоставлять интерпретации сюжетов у двух авторов (пьесе Шекспира он сравнил с пьесой Грифиуса).

Неизученными остаются обращения Пушкина к статьям в периодических изданиях Франции и Англии. В его бумагах имеются выписки из иностранных журналов, известен его интерес к тем или иным журналистам. Приведем список периодических изданий, к которым Пушкин (в той или иной мере) проявлял внимание: французские *Journal des Débats*, *Le Globe*, *Conservateur littéraire*, *Revue encyclopédique*, *Temps*, *Le National*, *Revue de Paris*, *Revue britannique*, *Revue Rétrospective*, *Mercure de France*, *Publiciste*, *Revue des Deux Mondes*, *La décade philosophique, littéraire et politique*, *Revue de francais*; английские *Edinburgh Review*, *Quarterly Review*, *Westminster Review*, *The Reviewer*.

Итак, можно подвести итог сказанному. Пушкина интересовали связи, изменения, общности и различия между национальными литературами Европы – то, что осуществлялось поверх языковых границ. Шекспир был в центре его внимания как литературный феномен, обусловленный своим сверхнациональным значением. Влияния и воздействия таких мировых величин, как Гомер, Данте, Мольер, Гете, он ощутил в своем творчестве. Проблема ценностей в литературе, осмысляемая ведущими литературными критиками и писателями Европы, также формировала его культурно-исторический горизонт. В конце XVIII – в начале XIX вв. был сделан решающий шаг к созданию новой литературной конфигурации. Деятели литературы стали интересоваться письмами, описанием путешествий, переводами с одного языка на другой. В результате образовался огромный интертекстуальный резервуар тем, топосов, жанров, мотивов. Круг историко-литературных и литературно-критических представлений Пушкина с достаточной степенью отчетливости позволяет видеть в нем знатока и критика общего и сравнительно-исторического литературоведения на заре его возникновения и развития.

Конечно, следует отметить, что окончательная институализация компаративистики становится возможной лишь на рубеже XIX–XX вв.

Литература

- 1) *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; [Т. 17]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959.
- 2) *Алексеев М.П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
- 3) *Алексеев М.П.* Пушкин; Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.
- 4) *Ла Барт Ф.Г.* Литературное движение на Западе в 1 трети 19 века. М., 1914.
- 5) *Ла Барт Ф.Г.* Критические очерки по истории романтизма. Киев, 1908.
- 6) Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание) / Б.Л. Модзалевский. СПб., 1910.
- 7) *Пушкин А.С.* [Соч.] / Под ред. С.А. Венгерова. СПб., Пг., 1907–1915. Т. 1–6.
- 8) *Пушкин А.С.* Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1885–1997. Т. 1–8.
- 9) Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. М., 1997.
- 10) Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
- 11) *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л., 1960.
- 12) Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004.
- 13) *Реизов Б.Г.* Французская романтическая историография. Л., 1956
- 14) *Шахов А.А.* Очерки литературного движения в первую половину 19 века. СПб., 1913.

Сведения об авторе:
Александр Андреевич Смирнов,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Smirnov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a41smir@yandex.ru

Александра Вранеш

С Његошем у библиотеку и библиографију

Анотација: В статье анализируются роль и судьба богатого личного собрания книг владыки Черногории и выдающегося писателя XIX в. П.П. Негоша. Это собрание послужило основой для формирования национальной черногорской библиотеки. Подчеркнуты тесные связи библиотеки на Цетине с сербской национальной библиотекой. Трагические исторические обстоятельства не позволили библиотеке Негоша сохраниться полностью. Библиография его собрания и книжного фонда того времени является сложной исследовательской проблемой. С этим тесно связана задача составления полной библиографии произведений самого П.П. Негоша .

Ключевые слова: Национальная библиотека, библиография, биобиблиография, П.П. Негош, Черногория, Сербия

Abstract: In the article is given the analysis of the place and destiny of the ruler of Montenegro and outstanding writer of XIX Peter Negosh's rich collection of books. This collection became the basis for creating the national Library of Montenegro. In this connection close ties between the Cetinje library and the Serbian National Library were marked. Tragic historical circumstances prevented from keeping this library intact. Making the bibliography of this collection and the other books of that epoch is a complex problem for researchers. The solving of this problem will help to create whole bibliography of the works of Negosh.

Key words: National library, bibliography, biobibliography, Peter Negosh, Montenegro, Serbia

Из бележака Димитрија Владисављевића, српског учитеља из Трста, спознаје се да је Његош од ране младости волео да чита, те да је поступно допуњавао библиотеку коју је наследио од митрополита Петра I, што је бројала око 500 књига. Пошто је упознао Његоша, који се кроз Трст 1833. запутио у Москву, Владисављевић у писму Јосифу Рајачићу, епископу у Шибенику, датираном 10. децембра 1833, сведочи да се Његош «јачо заљубио у читање књига српских и руских. (...) није их само читао, него чисто и напамет изучио, тј. тако запамтио, да многе комаде из различних летописа и на памет знао рецитирати, и о њима доста лепо судити. Особито им је мила поезија српска и руска» [Секулић, 316]. Владисављевић је 1836. Његошу уручио

«словницу илирску» коју му је Бабукић поклонио, што није био неуобичајен пут књиге од писца дародавца до поклонопримца. Било да су књиге Његошу самоиницијативно поклањали, или да их је он сам наручивао, попут љубљанских Новица (1851), односно куповао, најчешће је то везивао за своја путовања. Током путовања 1833. Његош је «набавио повећи број књига» [Дурковић Јакшић, 116], али су их аустријске власти задржале у Котору, због чега Његош у писму изражава своје незадовољство: «Куда сам год прошао из Русије, враћајући се у мое отечество, нигди ми ниесу биле забрањене књиге, које сам са собом носио, само у Котору (...)» [Вуксан, прир, 93].

Ипак, има четрдесетих година 19. века и систематске бриге за развијање библиотеке на Цетињу. Да ли је та библиотека лична, владарска и влади-чанска, или је државна, односно национална, тешко је разлучити, и појмовно и суштински. У своме тексту Нешто о узајамности нашој, објављеном у Србским новинама, Милорад Медаковић, тадашњи Његошев сапутник у Бечу, прекорева постојеће институције културе, науке и образовања и подсећа на потребу братске узајамности: «У Пешти има Матица србска, која различна, а често и веома полезна сочиненија издаје; у Београду Правителствена печатња и Друштво србске словесности, у Загребу исто основана је Матица. Ово су три главне тачке, које садржавају у себи врховност и принцип наше литературе. (...) Могли бисте свагда на једном екземплару, који се печата, одмах одозго кратким рјечма назначити: За Библиотеку црногорску. Ви ћете нам кроз то велику усрдност братске слоге и љубави показати». Прихватајући Медаковићев апел, Милош Поповић шири по овом питању утицај својих новина у Пешти, Бечу, Загребу. А. Чепилић из Беча 27. фебруара 1847. пише да су «љепу збирку многих наших народних и иних (...) занимљивих књига» сложили и по једном експедитору послали у «црногорску књижицу». Студент у Бечу Стјепан Пејаковић обраћа се истим поводом и Гају и Бабукићу. Црногорска захвалност ишчитава се из следећег цитата: «Ваша ће имена у овим гордим и крвљу обливеним горама са благодарношћу уписана бити. Свакоме правоме Србину Црна Гора је љубкозвучеће име, а највише благородним огњем запаљеним милим грудима». Целу акцију прикупљања књига Милош Поповић не само иницира, већ и прати, и иако је прикупљено педесет књига, «умољава се», како пишу, «свакиј родољуб да књиге ил које излишне има, или иј изда на жртву пренесе Црногорској библиотеци». Вратимо се поново питању карактера библиотеке, сродном оном које се везује и за српску националну библиотеку. Да ли је она библиотека Глигорија Возаровића, настала у његовој књижари, или је јавна библиотека, како ту вест доносе Новине Читалишта београдског, или је национална библиотека, с обзиром да почиње да прима обавезни, односни цензорски примерак, достављан из Државне штампарије по налогу Милоша Обреновића. Историја се овде у Београду сложила да је тада узростала национална библиотека, али шта је у братском окружењу институција: Његошева или национална библиотека? «Све књиге које су стизале на Цетиње биле су упућене Његошу, а само поне-

кад Библиотеци Црногорској, итд, али су и те књиге улазиле у састав Његошеве библиотеке. О томе сведочи случај Владислава Залеског, која је 1833. адресирана Библиотеци црногорској, а која се налази и сада у Његошевој библиотеци» [Дурковић Јакшић, 119]. У Музеју на Цетињу сачувано је 819 књига из Његошеве библиотеке, оних са екс либрисом, објављених и обрађених до 1833. године, или каснијих издања, вредних по себи, и као Његошева лектира, али вредних и по бризи која им је посвећивана од каснијих читалаца, попут кнегиње Даринке, жене кнеза Данила Првог, или по скоро духовној везаности за реликвију, какву потврђује прича о Исаилу Томићу из Дробњака, који је добио књигу од Симе Матавуља, када је он уређивао Његошеву библиотеку 1886. године, из које су потом сви листови разнешени као спомен, а један, из Томићевих руку, сачуван је у Шавничкој читаоници с белешком: «Приложи као спомен да се чува (...), јер је рука великог пјесника овај лист дофањала и тим је освешан»¹ [Дурковић Јакшић, 120]

Непотписани Његошев савременик објавио је у јануару и фебруару 1851. у аугсбуршким новинама текст Један излет у Црну Гору и у њему белешку пуну поштовања према Његошевој библиотеци: «Имао сам прилику видјети Владичину библиотеку. Одмах се примјеђују многобројна значајна руска и француска дјела, затим Хомерова Одисеја и Илијада, што још и данас представља алфу и омегу живота и духа славенско-гршког ориента. Надаље ту се налази један руски превод Лорда Бајрона, чији дух и чије пјесме су исто тако свестрано повезане са овим ориентом. Ту су такођер граматике нових живих језика, француског и руског, које владика уз свој матерински српски говори и пише, талијанског који разумије, а разумије по мом мишљењу и нешто њемачки. Пожелио сам, да бих си могао учинити један исцрпни каталог ове мале библиотеке, који би сигурно био вриједан прилог за упознавање овог знаменитог човјека, садањњег владара Црне Горе, и који би врло корисно освијетлио његов озбиљни пјеснички дух» [Лисац, 160]. Но, то што је желео анонимни путописац није обавезивало његовог наследника на престолу, нити је он то желео, већ је својм немаром и допринео растуру библиотеке и архиве. Краљ Никола је пожртвовано у бегу из земље понео сва значајна докумената, али она нису укључивала Његошеву преписку и исходне протоколе. Преписку је немар сачувао, а архиву, чак и из доба Немањића, Балшића и Црнојевића, брига је упропастила, закопана у земљи 5 година, она је потрулила. Општу небригу потврђују најразличитија преписка сачувана по књигама, разасутост књига по целој Црној Гори, политичке несугласице због којих су се књиге губиле, сачувани ретки примерци у Манастиру, Цетињској Богословији, Државној библиотеци, још увек у приватним рукама брижника, рекли бисмо ипак несавесних према своме културном наслеђу.

¹ Љубомир Ђурковић Јакшић наводи: «Благодарећи помоћи Душана Милачића, управника НБ у Београду и његовог пријатеља у Паризу, утврђено је да је овај лист из књиге: Jules Sandeau, "Mademoiselle de la Seigliere", Paris 1873, а да је гравира на њему француског сликара Maurice Leloir-a (1853–1877)».

Његош је, по свему судећи, био библиофил, пажљив и страствен читалац, који је оставио белешке на белинама својих књига. Владимир Отовић је неке од њих ишчитавао и анализирао утицаје Његошеве лектире на његово стваралаштво. Његош је подвлачио и наслове 19 књига, које је поседовао или желео да набави на основу, срећом сачуваног, каталога петроградског књижара Александра Смирдина.

На измаку века у коме је стварао Његош освануће једном умесечнику Зора, листу за забаву, поуку и књижевност, забринута белешка: «Имамо једну неуређену, неукусну, разбацану хрпу књига, која је представник српске књижевности, онакве каква је». «И том је јаду тешко одједном помоћи. Све спалити, па све у новом издању издати, то је немогуће. Али, једно је могуће, а то је да знамо шта и каквих све књига имамо у тој хрпи наше књижевне сиротиње». Поступно и аналитично аутор прво прави паралеле у стања у странијој и домаћој књижевности и библиографији: «Туђе књижевности, то су поплаве силних издања, и у тој поплави не прођени једна капљица неопажена, необјављена и неуведена у онај велики зборник свију издања те књижевности, у – библиографију». На супротњим стоји и неред наше издавачке и библиографске праксе: «Ми немамо ни најпримитивнијег инвентара овог нашега логумног блага»¹. Затим се критика усмерава на значајне институције културе, Српску Краљевску Академију, Српску Матицу и Српску књижевну задругу, које су недовољно свесне своје друштвене улоге и «часности» задатка израде српске библиографије. Аутор текста свој ентузијазам покушава да пренесе на уредништва свих српских листова и «трију књижевних корпорација», па библиографију надахнуто описује као «ручну књигу сваког књижевника, кондуктер на пут у његова књижевна позива, а осталим читаоцима не оцјењив компас камо да упре своје очи, да би задовољио своје умне захтјеве и нашао потребне интелектуалне хране». За очекивање је да су овакав, истовремено рационалан и полетан текст, пренели у целости, или у изводу, сви српски листови и да су озбиљно приступили организованој изради српске библиографије. Међутим, «на овај чланак није се ниједан лист осврнуо, нити га регистровао са напоменом његове умјесности». Једино је Књижевно одељење Матице српске на седници од 22. марта 1901. године одлучило да распише конкурс за Пријегледни садржај свију књижевних листова српских у 19. вијеку и да само изради план за обављање тог одговорног и обимног задатка².

Давидовић је први профилисао биобиблиографију код Срба, али је Георгије Магарашевић једини у то време нагласио њен значај и потребу за њом у свакој, па и нашој средини. У тексту Биографическе черте славни Сербалаон с уважавањем истиче да «совершена биографија» захтева «изображенија ума (...), человјекопознанства и способности». Стога он моли све родољубиве Србе да у име «народне чести и ползе» саопште све што знају о «славнима у

¹ Српска библиографија / Semper // Зора. С. 217

² Зора. 6, 3–4 (април 1901). С. 86

роду нашем људма и њи о видјели да се то у Лѣтопис Сербску стави и роду познатије учини»¹.

На тим основама, кроз две-три деценије, у повременим библиографским исписима, јављају се, мада ретко и подаци о објављивању Његошевих дела.

У четвртој деценији 19. века у периодици се срећу библиографски записи Антонија Арновљевог Арнота, адвоката, публицисте, професора физике у крагујевачком Лицеуму, уредника економског додатка Српских новина, образованог књижевника, покретача Магазина за уметност, књижество и моду, у којем је објављивао Српску библиографију, насталу по угледу на Хорањијев Библиографски лексикон мађарских писаца, са којим Арнотова библиографија има додира у алфабетском, а унутар овога хронолошком распореду писаца, уз које су наведени и основни биографски подаци. Током прве године излажења часописа, Арнот је, из свог рукописа, одабрао 191 српског писца, с чијим је делима упознао публику, ширећи опис чак и критичком анотацијом, а за још 26 писаца је упућивао на Додатак, који је имао намеру да штампа. У 47 бројева у другој години излажења Магазина Арнот је написао 62 писца са 195 библиографских јединица. Поводом Његошевог Пустиняка цетињског Арнот је забележио да је то дело у стиховима прво које се у новије време у Црној Гори печатало. У напомени, односно примјечанију ове библиографске јединице записано је: Петровић је митрополит просвештеније у својој области разсејавати почео својим сочиненијем. он је год. 1833. из Русије, где се неко време бавио донео писмена росијска, и тако књигопечатњу у Црној Гори (на Цетињу основао)².

Александар Андрић, официр, штампар и уредник Зимзелена, објављује Српску библиографију за године 1845, 1847, у поменутом календару 1846, 1848 и 1849. године, доносећи и вести о књигама које други библиографи нису бележили, или су то чинили погрешно, укључујући чак и Стојана Новаковића. За Огледало србско у одредницу је ставио Његоша, али је датирао 1846. годином, како је пренео и Димитрије Кириловић. Иста књига је код Стојана Новаковића (бр. 1377) вођена на наслов и лоцирана у 1845. годину, како је записано и у Каталогу Народне библиотеке Србије (бр. 1799). Мада Милош Поповић у Подунавци, у бр. 13, 29. марта 1846. године не везује Огледало српско за Његоша, у овој јединици уноси правило тачног преносења арапске и римске пагинације, што библиографији претходно није било познато.

Биобиблиографски прилог о Петру II Петровићу Његошу потекао из пера А.Г. (Андра Гавриловића) допуна је ранијим студијама Светислава Вуловића³ и самог писца Андра Гавриловића⁴. У њему не само да су сакупљени непознати подаци о нештампаним Његошевим песмама, већ је исправљена греш-

¹ Исто.

² Зимзелен. 2, 17 (26. фебр. 1839), 67.

³ Годишњица Николе Чупића. Књ. 1 и 7.

⁴ Исто. Књ. 19.

ка у датирању једне штампане. Ту исправку омогућила је, управо, једна у низу књижевних вести, које су у овом раду истакну те као надокнада за континуирану библиографију. Вест је објављена, како преноси Андра Гавриловић, у 35. броју Скоротече од 4. маја 1844. и захваљујући њој година настанка песме Три дана у Тријесту померена је са 1847, како је претпостављао Св. Вуловић, на 1844, како је касније преносе и Љубомир Ђурковић Јакшић (Библиографија о Његошу, Београд, 1951) и Црногорска библиографија (том 1, књ. 3). Она гласи: «Књижевна вест. Владика Црногорски дао је у Бечу печатати једну сербску песму под насловом Три дана у Триесту, која се, гледајући на форму, као и управо поетическим мислима верно одликује. Он пева у њој о изображењу, морју, трговини, бродарству и душевном животу». Ова вест је утолико вреднија што поменуто дело, не обавестивши се претходно у Скоротечи о њему, није пописао ни Стојан Новаковић у Српској библиографији.

Горски вијенац забележили су библиографски прилози у Летопису (бр. 78), Подунавци (бр. 16 за 1947) и Зимзелену за 1849. годину. Једина смесица у Подунавци број 3 од 17. јануара 1847 јесте она којом се најављује да се печата драматически спев Горски вијенац, господара владике црногорског. Најава је опремљена садржинском апликацијом и романтичарски обојеним поносом рода због посвете Карађорђу. У броју 16 од 18. априла 1847, сада у рубрици Нове књиге, дат је потпуни библиографски опис објављене књиге као историческог собитија при свршетку 17. века, штампаном у Бечу, с ликом Данила Владике црногорског, назнаком формата осмине, са римском и арапском пагинацијом и обавештењем о цени књиге и књижари Григорија Возаровића у којој се може купити. У броју 27 од 4. јула (108) и 28 од 11. јула 1847, на шест стубаца, нализирана је структура, садржај и поруке Горског вијенца.

Допринос књижевних часописа настајању библиографије српске књижевности у преводимана друге језике био је скроман, али се на њихови страницама није шкртарило у изрицању похвала оним институцијама, које су на том пољу оствариле значајан допринос. Веселиновићева Звезда је срдечно препоручила Француску библиографију о Србима и Хрватима¹ Николе С. Петровића у издању Српске Краљевске Академије, која је израђена "са колико интелигенције, са толико исто брижљивости", те је «за историчаре и политичаре право благо». Ценећи напоре Српске Краљевске Академије, Звезда све чешће доноси податке о преводима српских писаца у страним часописима, попут приповетке Светозара Ђоровића у немачком листу Боснисцхе Пост², приче Заклетва Јанка Веселиновића на чешки³. Придружује јој се и Колообјављивањем библиографије Његош у талијанској књижевности Данила А. Живаљевића, у којој је представљено не баш обилато бављење италијанских научника Франческа Карара, Пачифика Валусија, Николе Томазеа,

¹ Звезда. 5, 3, 3–4 (март-април 1901). С. 466.

² Исто. 5 (10.3.1912). С. 318–319.

³ Исто. 8 (25.4.1912). С. 509.

Јакова Ђудине, Доменика Чамполија, Његошевим стваралаштвом¹. У истом броју своје место је нашао и приказ Зорке Ховоркове Његош у Чеха, у коме су представљени радови Јана Худеца и Јосифа Карасека².

Целовитим, доследним, унапредо смишљеним описивањем текуће продукције у једном научном гласилу Стојан Новаковић је ободрио своје савременике да се баве истим послом. Излазећи у Гласнику Српског ученог друштва под насловом Библиографија српске и хрватске књижевности, с белешкама онога што на страним језицима о нама писано, пратила је нове на слове и нова издања монографске и периодичне природе од 1868. до 1876. године, када је бележење библиографије у своје руке преузео редовни члан Српског ученог друштва Јован Бошковић. Новаковићева ретроспективна библиографија, која је претходила текућој, објављена 1869, обухватала је само српске књиге, и то оне писане ћирилицом, јер је њеном писцу било «неудесно» да описује хрватска издања до којих није могао лако доћи. Уз то, постојала је већ и Хрватска библиографија Ивана Кукуљевића Сакцинског. Ипак, оваква Новаковићева одлука проуз роковала је низ пропуста, ко је је уочио њего в савременик и вршњак, француски слависта и будући академик Луј Леже³. Ћирилица, као једини критеријум за увођење у библиографију, била је и њена најслабија тачка, јер је искључила дела српских аутора штампана латиницом. Изостављене су, на пример, поједине књиге Петра Петровића Његоша, заједно са књигама Јована Сундечића, Ђуре Даничића само зато што су биле штампане латиницом. Текућа библиографија, објављивана у Гласнику, је, поред српског, обухватала и хрватско стваралаштво. Новаковић је, било по сопственом нахођењу, било по саветима Луја Лежеа, прошириопредмет своје библиографије. Појам књижевности у њој је схватан шире него што се то данас чини, обухватао је целокупну издавачку делатност из свих области људског знања. Библиографија српске и хрватске књижевности Стојана Новаковића била је редовно пропраћена прикази мау текућој периодици. И часопис Јавор у јануару 1876. представљајући Гласник Српског ученог друштва⁴, нарочито у њему истиче библиографију за 1874. годину.

Наредне године донеле су бројне допуне и исправке Новаковићеве библиографије, међу којима су, свакако, најшире биле оне које је у три наврата формулисао Ђорђе Рајковић⁵. Међу делима Христифора Жефаровића, Захарија Орфелина, Јована Рајића, Атанасија Стојковића, Викентија Ракића, Јоакима Вујића, Михаила Витковића, Милована Видаковића, Лукијана Мушицког, Јована Суботића, Саве Мркаља, Јована Хацића, Светозара Милетића,

¹ Kolo. 2, 8 (16.10.1901). S. 445–448.

² Isto. S. 453–457.

³ Приказ Луја Лежеа Српске библиографије за новију књижевност 1741–1867 Стојана Новаковића у париском часопису *Revue critique d'histoire et de littérature*, 1869, no 29 // Сусрети библиографа у спомен на др Георгија Михаиловића, 1989. Инђија, 1990. С. 59–65.

⁴ Јавор. 3 (18.1.1876). С. 95.

⁵ Летопис Матице српске. Књ. 113. С. 310–353; (1875). С. 91–134.

Рајковић библиографски представља и дела Петра Петровића Његоша, обогативши српску библиографију за укупно 343 библиографске јединице.

Након кратког затишја библиографско бележење наставио је за период од 1882. до 1884. године Драгутин Посниковић. У напомени уз наслов ове библиографије уредништво Гласника је пружио следеће објашњење: «Ово је наставак Библиографији за год. 1876, у Гласнику 46 (...). А Библиографија за год. 1877. до 1882. изаћиће у једној од потоњих књига Гласника за свих шест година у један пут». Његова библиографија разликује се од Новаковићеве и Бошковићеве по две значајне карактеристике. Псеудониме и иницијале Посниковић није остављао у одредници неразрешене. Пракса бележења имена преводиоца у одредници и даље је задржана. Страни писци пак је добио уочљивије место од онога који му је раније припадало, јер је са његовог презимена и имена упућивано на име преводиоца, као носиоца главне библиографске јединице. Изводећи писца из анонимности, макар и кроз упутну каталожку јединицу, Посниковић је наслутио праксу преиначавања одреднице са преводиоца на аутора, што ће бити уобичајено с почетка 20. века. Он сам је то први учинио у Библиографији српске и хрватске књижевности за годину 1884, када је у одредницу ставио име писца, а име преводиоца заступио кроз напомену и упутну јединицу. Систем упутница, који је код Посниковића новина у односу на његове претходнике, успостављен је у следећим случајевима: за страног аутора чије је дело преведено; за домаћег аутора, ако је његово име у зависном падежу у односу на наслов публикације; за власника, главног и одговорног уредника периодике; и, попут Бошковића, за наслов едици је, под којим је за сваку припадајућу јој свеску израђена упутница. (На пример, између 306. и 307. јединице стоји општа упутна јединица «Народна библиотека браће Јовановића. Св. 49. Види: Петар Петровић Његош»¹).

Кратка персонална библиографија скривала се у претходном веку и у белешкама о смрти истакнутих културних радника или у сећањима на њих. Библиографски записи у њима били су кат када уклопљени у основни текст, а понекад су додати као типична библиографска анотација. Мада се некролози пишу из поштовања према преминулом и његовом делу, којим је задужио своје савременике, те не претендују систематичности, потпуности и прецизности библиографских бележака, ипак представљају користан извор података. У сваком од њих се наглашава да поменута дела чине само избор покојничког стваралаштва, а напомене којима се подсећа на његову сарадњу у различитим часописима драгоцен су извор за библиографа. Такав је случај и са некролозима посвећеним Његошу.

Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор објавили су у два наставка прилог Сувремена библиографија Његошева и Његошеве Црне Горе 1833–1854, те допуни и поправци библиографије о Његошу 1855–1954, ауто-

¹ Библиографија српске и хрватске књижевности за 1883 / Драгутин Посниковић // Гласник СУД. Књ. 59 (1884) С. 8–9.

ра Андрије Љубомира Лисца. У предговору овој библиографији износи се оштра критика Библиографије о Његошу Љубомира Ђурковића Јакшића (Београд: Просвета, 1951), у предговору названа покушајем библиографије: «Тешко да је наука оваковим издањем ишта придобила, јер је нажалост практички једна четвртина тамо објављених података непотпуна или неточна, или се пак подаци уопће не односе на Његоша» (Лисац, 7). Допуне Ђурковићевој библиографији објавили су исте 1951. године Божидар Ковачевић (Књижевност, 6/13, 540–542) и Б. Ђулић (Бразда, 4, 888–889). Специфичност библиографије објављене у Прилозима у односу на оне које су пре ње штампане садржи се у критичким напоменама, у којима се заправо крије библиографија литературе о Његошевим делима.

Уз библиографију Љубомира Ђурковића Јакшића запажена је и аотирана библиографија Југословенска издања Његошевих дјела Николе Рацковића, у издању Централне народне библиотеке «Ђурађ Црнојевић», Цетиње, 1997. године. Она обухвата сва Његошева дела штампана на «српском (језику Срба и Црногораца), хрватском, словеначком, македонском, албанском и мађарском језику» (Рацковић, 7), као и издања објављена ван Југославије.

Један од најпродуктивнијих библиографа данашњице свакако је Добрило Аранитовић, који се већ двадесетак година бави прикупљањем и обрађивањем библиографске грађе о Његошу. Селективну библиографију посебних издања о Његошу објавио је као прилог монографији Радомира В. Ивановића Његошева психологија и филозофија стварања (Нови Сад: Градска библиотека, 1997). У припреми је, поводом великог и значајног јубилеја, обухватна библиографија Његошевих дела и дела о Његошу, која броји око 20.000 библиографских јединица, а треба да се појави у издању Матице српске. Аранитовићева библиографија биће, верујем, најобимнија и најобухватнија персонална библиографија, из које ће драгоцене податке моћи да користе аутори националне ретроспективне библиографије.

И у веку у коме је рођен, и у овоме у коме је читан и слављен, Његошева библиотека и библиографија још нису добиле свога тумача. Напротив, данас их муче тешке бриге националне припадности, па наше државне оквире, баш као и Стојан Новаковић грешком у 19. веку, сужавамо географским и административним границама, уместо да их ширимо лингвистичком покривеношћу.

Литература

Biblioteka vladike Rada / Dušan D. Vuksan // Cetinje i Crna Gora / [priredilo Profesorsko društvo. Beograd : Rajković i Ćuković, 1927. (Naša zemlja; 3). S. 192–219.

О Његошевој библиотеци / Љубомир Ђурковић-Јакшић // Библиотекар. ISSN 0006-1816. God. 3, br. 3/4 (1951). S. 115–120.

Kako je Njegoš čuvao arhivsku građu i cenio arhive / Ljubomir Đurković-Jakšić. [B. m.: b. i.], 1951 ([b. m. : b. i.]). S. 32–36; 24 cm. P. o.: Arhivist; 1, sv. 2, 1951. Rezime na franc.

Njegoš život i rad / Božidar Kovačević. Beograd: Narodna knjiga, 1953 (Beograd: Prosveta). 59 str.: ilustr.; 18 cm. (Znameniti ljudi; 3)

Писма. 2. 1838–1842 / Петровић, Петар Његош. Кићовић, Мираш (прир.). Београд: Просвета, 1953. 561 str.

Knjiga o Njegošu Isidore Sekulić / priredila Slobodanka Peković. Novi Sad: Izdavački centar Matice srpske, 2014 (Novi Sad : Sajnos). 305 str.; 24 cm. (Antologijska edicija Deset vekova srpske književnosti; knj. 113)

Jugoslovenska izdanja Njegoševih djela: bibliografija / Nikola Racković // Bibliografski vjesnik. ISSN 0409-3739. God. 27, br. 1–2 (1967). S. 7–136.

Сведения об авторе:

Александра Вранеш,
доктор филологије,
професор,
декан филолошког факултета
Београдски универзитет
(Србија)

Александра Вранеш,
др., професор
Декан Филолошког факултета
Универзитет у Београду
(Србија)

Alexandra Vranesh,
Ph.D, professor
Dean of the Faculty of Philology
University of Belgrade
(Serbia)

aleksandra.vranes@gmail.com

В.В. Добровольская

Характеристика урока по его месту в учебном процессе

Аннотация: В статье анализируется преподавательская стратегия в процессе обучения русскому языку как иностранному на разных этапах обучения. На начальном этапе предполагается взаимодействие по линиям: преподаватель – учащиеся, преподаватель – учащийся, учащиеся – учащийся и учащийся – учащийся, что позволит определить как возможности группы учащихся в целом, так и способности каждого из учащихся. На основе полученных данных формируется преподавательская стратегия, применяемая в дальнейшем процессе обучения, когда уроки диагностического тестового этапа сменяют уроки регулярного стабильного обучения с включением в них уроков регулярного промежуточного контроля, а затем – при переходе в заключительную фазу обучения – уроки предфинишного периода. Таким образом создаются условия для полноценного усвоения материала начиная с подготовки его восприятия и кончая активизацией процесса выдачи усвоенного. При этом преподаватель всегда, на всех этапах обучения является информатором группы и лицом, направляющим познавательную деятельность учащихся, что не отменяет важности в образовательном процессе самостоятельной работы учащихся, сопровождающей аудиторские занятия на всем протяжении учебного процесса.

Ключевые слова: проблема типологизации уроков русского языка как иностранного, фазы общения конкретного преподавателя с конкретной группой, уроки стартового периода, уроки регулярного стабильного обучения с включением в них уроков регулярного промежуточного контроля, уроки предфинишного периода

Abstract: The article deals with a teacher's strategy in the process of teaching Russian as a foreign language on its different stages. On the beginning stage the interaction is formed onto the lines: a teacher – students, a teacher – a student, students – a student, a student – a student, and by this method it will be possible to diagnose abilities of all the group and everyone. It helps teachers to create a strategy, using in the further teaching, when the diagnostical and test lessons will be replaced by the regular stable lessons including the lessons of regular intermediate control; during the transition to the concluding phase of teaching – the lessons of the pre-concluding period. On the basis of the findings will be created the conditions for the full-fledged adoption of the material – from the moment of preparation for its adoption

to the moment of its active using. At that, the teacher always, on each phases of the teaching is the main informer and the person who directs the cognizing activity of students, but it does not cancel in the educational process the importance of the independent working of students, which accompanies the lecturing at all length of learning.

Key words: the problems of the typology of the lessons teaching Russian as a foreign language, the phases of the communicating of the concrete teacher with the concrete group, the start lessons, the diagnostical and test lessons, the regular stable lessons including the lessons of regular intermediate control, the lessons of the pre-concluding period

Как известно, к проблеме типологизации уроков русского языка как иностранного можно подойти с разных позиций. Урок можно типологизировать:

– по способу его организации: аспектный или комплексный, посвященный одному аспекту языка или одному виду речевой деятельности, или посвященный одному аспекту языка или одному виду речевой деятельности, или посвященный работе по нескольким аспектам языка, нескольким видам речевой деятельности;

– по доминирующей дидактико-методической задаче в рамках комплексного урока: ввод нового материала и его первичное закрепление, тренировка, активизация материала в речи, обобщение, контроль усвоения, повторение и коррекция речевых навыков и т. п.;

– по характеру использования средств обучения: урок на материале учебника, учебного пособия, на лексико-грамматическом материале информативной темы и т. п.;

– по форме и месту проведения: аудиторный урок, урок в компьютерном классе, урок-экскурсия и т. п.

– по коммуникативно-целевой направленности, т. е. по стадии формирования навыков и умений в определенных видах речевой деятельности и уровня овладения языковым материалом.

Можно назвать и другие принципы типологизации уроков, которые, так же как и перечисленные выше, рассматривают урок с общих позиций всего курса обучения в отрыве от временного протекания конкретного учебного процесса.

В то же время очевидно, что существуют – и при этом играют немаловажную роль – и такие характеристики урока, которые связаны именно с его местом в конкретном учебном процессе. Они, естественно, изменяются в зависимости от стадии учебного процесса, в рамках которого они протекают. При этом изменение характеристик этих уроков коррелирует с изменением характера деятельности преподавателя на уроке, с изменением его функций и составляют как бы фазы общения конкретного преподавателя с конкретной группой.

Если мы хотим проанализировать и охарактеризовать типы уроков, исходя из их места в учебном процессе, то первыми следует назвать **уроки старто-**

вого периода. Непосредственно после начала занятий в группе проводятся уроки, которые условно можно назвать уроками стартового периода, тестового, диагностического этапа. Подчеркнем, что эти уроки чрезвычайно важны для организации работы преподавателя с группой, для осознания перспективы обучения. В этот период через тестирование, опрос, собеседования, цикл проверочных работ выявляется уровень обученности учащихся: их словарный запас, грамматическая компетенция, срез развития (уровня сформированности) навыков и умений в различных видах речевой деятельности, уровень фоновых знаний и т. п.

В этот же период выявляется и другой важнейший для организации последующей работы в группе фактор – характер обучаемости каждого из членов группы, который проверяется в течение определенного периода набором диагностических работ, проводимых под контролем и при пристальном наблюдении преподавателя.

Знание, с какого среза следует начинать обучение (обученность) и как (через что) лучше всего обучается каждый из членов группы (обучаемость), определяет стратегию преподавателя на весь период работы с конкретной группой. Именно поэтому материал этих уроков строится с целью диагноза возможностей, интересов и желаний учащихся в соотношении с общей заранее известной преподавателю программой обучения.

Что касается деятельности преподавателя в этот период, то для него это фаза формирования коллектива и выбора стратегии работы в нем. В его задачу, как это уже говорилось выше, входит изучение потребностей, возможностей и интересов каждого члена учебного коллектива и коллектива группы в целом и установление в группе правильных межличностных контактов по линии: преподаватель – учащиеся, преподаватель – учащийся, учащиеся – учащийся и учащийся – учащийся. Другими словами говоря, в этот период происходит так называемая стыковка возможностей коллектива группы и параллельно продумывается индивидуальная стратегия по отношению к каждому из членов группы.

Важную роль на уроках диагностического периода играет дифференцирующая функция преподавателя, так как без предварительного понимания потребностей и возможностей каждого из членов учебного коллектива невозможно само создание единого работоспособного коллектива. При этом важно напомнить, что наряду с языковыми, так сказать, предметными показателями характеристик учащихся значимыми являются и их психологические характеристики.

С этой точки зрения желательно, чтобы преподаватель знал:

- каков потолок возможностей каждого из учащихся (низкий, средний, высокий, непредсказуемый);
- каков у него скрытый период обработки получаемой информации, основанный на работе различных видов памяти;

– существует ли у него зависимость, предпочтение к какому-либо виду речевой деятельности, или он универсален, равно восприимчив ко всем видам речевой деятельности;

– обладает ли он так называемой учебной выносливостью, т. е. способностью к длительному погружению в предмет или, наоборот, нуждается в частой смене видов работ или перерывах на отдых;

– есть ли у него способность к самостоятельной организации работы: он старательный исполнитель, ищет авторских форм предложенной работы или не может создавать свои формы исполнения работы и не принимает предложенных преподавателем;

– насколько высока у него чувствительность к стилю работы преподавателя: понимает ли он необходимость приспособиться к манере работы преподавателя, может ли и хочет ли это сделать;

– какой путь решения конфликтов, возникающих в группе пролонгированного обучения, он предпочитает: личный (обращение непосредственно к преподавателю), верхний (обращение в вышестоящие инстанции), нижний уровень (обращение к группе);

– каково у него чувство самооценки, понимание своих достижений и ошибок: объективное (принимает критику и способен сам критиковать свою работу), завышенное (переоценивает свои возможности и реальные достижения) или безразличное (не склонен или не способен задумываться над самооценкой);

– как он относится к коммуникативно-деятельностной ориентации преподавания русского языка как иностранного: принимает такое направление организации курса, отвергает, не осознает.

Эти и некоторые другие показатели, полученные преподавателем в первый период обучения, дают ему более или менее четкую картину соотносительных возможностей группы.

В итоге этого периода обучения в группе определяется своя система приоритетов, закладываются основы ценностно-ориентированного единства коллектива, выявляется лидер (или лидеры) в разных аспектах речевой учебной деятельности, вырабатывается общая стратегия обучения.

Эта общая стратегия проявляется в таких показателях, как:

– ведущие формы контакта с группой;

– средний темп работы в группе при подаче материала, тренировке и контроле усвоения;

– характер и способы коррекции речи учащихся;

– место обобщения и контроля в рамках занятия и в курсе обучения в целом;

– объем и формы индивидуальной работы с целью достижения среднего уровня усвоения материала;

– объем, возможность и характер самостоятельной работы учащихся.

Уроки диагностического тестового этапа сменяют **уроки регулярного стабильного обучения с включением в них уроков регулярного промежуточного контроля**. Эти уроки объединяют регулярное коллективное обучение группы, индивидуальное обучение отдельных членов учебного коллектива (в соответствии с конкретными потребностями учащихся) и сопровождающую их самостоятельную работу учащихся. Именно на уроках этого этапа реализуются такие важнейшие принципы организации учебного процесса, как проблемность и осознанность обучения, складываются отношения партнерства и сотрудничества с учащимися.

Основная цель этих уроков – обеспечение для учащихся возможности решения языковыми средствами реальных поведенческих задач. Говоря другими словами, в результате этих уроков учащийся должен четко осознавать, какую реальную задачу прогнозируемого общения на русском языке обеспечивает использование того или иного изучаемого языкового материала.

Что касается непосредственно деятельности преподавателя в этот период, то ее можно охарактеризовать следующим образом. Это прежде всего целенаправленное руководство деятельностью коллектива учащихся, поддержание в нем отношений сотрудничества и взаимопонимания. При этом информативное (смысловое) поле учебной коммуникации, в рамках которого протекает обучение, понятно учащимся, если можно так выразиться, принято ими, значимо для них. Лингвистическая компетенция учащихся, этапы ее развития и формирования имеют открытые, понятные учащимся установки и на каждом этапе коррелирует с задачами прогнозируемого реального общения на русском языке. Преподаватель регулярно комментирует этапы усвоения учащимися языкового материала курса. Общую направленность этого периода обучения можно охарактеризовать как движение от сообщения новых знаний и формирования навыков и умений их использования в речи, к формированию языковой личности учащихся.

Фазы контроля, как это уже говорилось выше, включаются в учебный процесс периодически через определенное количество регулярных занятий с учетом стадии усвоения учебного материала. Они представляют собой обобщение, момент качественного скачка в процессе усвоения материала курса. При проведении контроля указываются ориентиры контроля, объекты и показатели, дающие учащимся возможность осознать свое продвижение в предмете. Говоря другими словами, в сознании учащихся происходит как бы фиксация уровня их обученности, ее количественных и качественных показателей. В процессе обучения соблюдается единство, органическое сочетание регулярного контроля преподавания с взаимоконтролем и самоконтролем учащихся.

Подчеркнем еще раз, что уроки обобщающе-контрольного плана являются регулярной заранее планируемой составляющей частью учебного процесса. Их правильная организация и своевременное проведение создают перспективу сведения к минимуму стрессовой ситуации итогового контроля, не-

редко мешающей объективной оценке обученности группы на экзамене. Важно и то обстоятельство, что, поскольку контроль сложных умений возможен только на смысловом уровне, а смысловой уровень проверки возможен в свою очередь только при языковой, информативной и коммуникативной готовности учащихся, регулярное запланированное проведение уроков контроля и обобщения в течение всего учебного процесса создают для учащегося регулярную ситуацию, в которой он выступает в роли контакт-партнера преподавателя, готовясь тем самым к реальному прогнозируемому общению на русском языке.

Последнюю, заключительную фазу в процессе работы конкретной группы составляют **уроки предфинишного периода**, непосредственно предшествующие итоговому экзамену по русскому языку. Эту фазу можно назвать обобщающей, предэкзаменационной.

Общая цель этого периода работы в группе – активизация в речи учащихся определенного смыслового (информационного) поля, т. е. информационного материала тем всего пройденного курса обучения и повторение частотных (оптимальных) единиц его языкового прочтения.

Отстояние этой фазы от экзамена и ее длительность определяются особенностями и потребностями конкретного контингента учащихся и общей стратегией работы в группе.

Главная задача преподавателя на этом этапе работы в группе состоит в максимальной активизации речевой деятельности учащихся в форме собственно коммуникативных заданий, построенных на пройденном информативном материале курса обучения.

Основными формами работы являются обсуждение (обмен мнениями), беседа, дискуссия, доклад по ведущим информативным темам пройденного пролонгированного курса, а также написание сочинений, рефератов, эссе и т. п. опять-таки на основе изученной ранее информации. Естественно, что информативное поле обучения едино для всей группы и немаловажную роль в речи учащихся играет так называемая оценочная информация, выражающая их мнение, их личное отношение к затронутым в ходе обсуждения вопросам.

Очевидно, что такая форма работы с группой возможна при определенных условиях. Назовем некоторые из них:

- учащиеся и преподаватель выступают в роли равноправных контакт-партнеров, причем желательно, чтобы контакт осуществлялся в форме сотрудничества;

- информативный материал, проблемы, затрагиваемые в ходе обсуждения, значимы, интересны для учащихся, а его языковая база обеспечена всем предшествующим процессом обучения;

- иницилирующая сторона диалога, в рамках которого протекает обучение, в равной степени принадлежит и преподавателю, и учащимся, а вся работа представляет собой как бы развернутое во времени собеседование;

– параллельно в ходе работы идет ликвидация «белых пятен» и «темных мест» в языковой базе обсуждаемых тем. Лексический и грамматический материал курса корректируется и – по мере необходимости – пополняется. Отметим, что занятия этого периода обучения отличаются от этапа традиционной подготовки к экзамену тем, что в них нет прямого повторения материалов обучения, что нередко имеет место в предэкзаменационной серии контрольных работ и тестов.

Подведем итоги сказанному. Названные выше виды занятий – уроки стартового периода, уроки регулярного стабильного обучения с включением в них уроков обобщения и контроля и уроки итогового предэкзаменационного периода – сменяют друг друга, образуя органический процесс усвоения материала начиная с подготовки его восприятия и кончая активизацией процесса выдачи усвоенного. Работа преподавателя в конкретной учебной группе проходит с учетом специфики каждого из перечисленных выше типов занятий. И при этом преподаватель всегда на всех этапах обучения является информатором группы и лицом, направляющим познавательную деятельность учащихся.

Нам остается добавить несколько слов о самостоятельной работе учащихся. Она сопровождает аудиторные занятия на всем протяжении учебного процесса, снимая проблему дискретности обучения, компенсируя недостаточность тренировки и коммуникативной практики на занятиях и способствуя выработке навыков автоматизации усвоенного материала в комфортном для каждого учащегося индивидуальном режиме.

Сведения об авторе:
Валерия Васильевна Добровольская
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Valeria Dobrovol'skaya
Docent
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Н.А. Ганина

Рукописный сборник из Страсбурга (РГБ, Ф. 68, №446): результаты и перспективы исследования

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, результаты и перспективы исследования уникальной немецкой средневековой рукописи из Страсбургского монастыря св. Марии Магдалины в собрании Российской государственной библиотеки (ф. 68, № 446).

Ключевые слова: Российская государственная библиотека, немецкие средневековые рукописи, Страсбург, Иоганн Кройцер

Abstract: The article calls attention to the research problems and perspectives of an unique German manuscript from the 15th century in Russian collections (Moscow, Russian State Library, F. 68, № 446) which comes from the convent of St. Mary Magdalene in Strasbourg and contains the lives of St. Catherine and St. Barbara (parchment) and the works by Johannes Kreutzer OP (paper).

Key words: Russian State Library, German medieval manuscripts, Straßburg, Johannes Kreutzer

Сборник XV в. из страсбургского монастыря св. Марии Магдалины (РГБ, ф. 68, №446, olim ф. 183, №1310) относится к наиболее интересным немецким рукописям в собраниях России. Прежде всего, это рукописная книга большого объема. Далее, Страсбург является важнейшим культурным центром немецкоязычного юго-запада, однако многие рукописи, созданные в этом городе, погибли (сгорели) во время различных войн или были перемещены из упраздненных монастырей в другие собрания [2]. И наконец, монастырь кающихся (Reuerinnenkloster) св. Марии Магдалины представляет собой один из наиболее значительных монастырей средневекового Страсбурга как по интенсивности духовной жизни, так и по своей рукописной и литературной деятельности. Основанный примерно в 1225 г. наряду с другими подобными монастырями Германии ради покаяния женщин легкого поведения, он уже с середины XIII в. стал обителью для девушек и женщин из среды богатых горожан и славился неизменной строгостью устава и чистотой жизни монахинь [3].

Сборник из Страсбурга, поступивший в РГБ в 1929 г. из собрания Библиотеки Генерального и Главного штаба в Санкт-Петербурге, был подробно описан в каталоге западноевропейских иллюстрированных рукописей И.П. Мокрецовою и Л.И. Щёголевою [4]. В качестве значительного памятника, заслуживающего подробного исследования с точки зрения истории немецкого языка и литературы, Московская рукопись была впервые упомянута Н. Палмером в 2007 г. [5]

Рукописный сборник (154 л.) состоит из двух частей – пергаментной и бумажной. Пергаментная часть включает в себя жития святых Екатерины и Варвары, оба текста в прозе, с прибавлением чудес (лл. 1–74) [6]; бумажная часть (лл. 75–154) содержит трактаты эльзасского доминиканца, проповедника и мистика Иоганна Кройцера (1424–1428 – 16 июня 1468) – «Духовный май», «Духовная жатва», «Духовное осеннее ликование (I)», «Духовное осеннее ликование (II)». Оригинальные названия трактатов в Московской рукописи: «Ein geistlicher Meug» (75^r, заголовок красными чернилами), «Ein geistliche Erne» (128^r, 26), «Ein geistlicher herbst, wie man den lesen, rotten vnd zu vaß tragen sol» (149^v, 21–22), «Ein geistlicher herbst von eim süssen most» (152^r, 9). Два последних названия буквально означают «Духовный урожай, как его нужно собирать, давить, и сносить в сосуды» и «Духовный урожай, о сладком молодом вине», поскольку в трактатах эльзасского мистика развивается метафорика осеннего сбора винограда. В немецкой традиции два последних трактата были обозначены исследователем творчества Кройцера Ф. Ландманном как «Herbstjubel I», «Herbstjubel II». Здесь и далее представляется целесообразным ориентироваться на сложившуюся традицию.

По первой части сборник определяется в российских каталогах как легендарный, однако ввиду того, что тексты второй части являются авторскими, это определение требует пересмотра. Следует также отметить, что именно трактаты Кройцера, до сих пор не изданные ни в Германии, ни в России, сообщают этой рукописи особую ценность. В базе данных ‘Manuscripta medevalia’ книга описана как «Сборник на тему девственности» (‘Sammelhandschrift zur Jungfräulichkeit’) [7], но это определение весьма условно, так как жития святых дев и трактаты Кройцера объединены более значительными магистральными темами: мистическое Богосозерцание (unio mystica), мистика Св. Причастия. С учетом этого уместно определять Московскую рукопись из Страсбурга как «Духовно-мистический сборник». В контексте истории немецкого языка и литературы Московский сборник представляет собой Московскую рукопись Иоганна Кройцера, новую для науки, так как в предшествующих исследованиях трудов Кройцера она не рассматривалась [8]. Здесь и в дальнейших исследованиях следует присвоить этой рукописи сиглу «Mo».

Пергаментная часть рукописи датируется 17 октября 1477 г. по колофону писца, монахини Катарини Ингольт (Katherin Ingoltin), 17 октября 1477 г.: Vnd wart volbrocht an sant lucas oben Anno. M.cccc. LXXVII. ior durch die hende soror katerin ingoltin (58^v, 26–28) ‘и была завершена в навечерие свято-

го Луки в лето Господне 1477 года руками сестры Катарини Ингольт' [9]. Писец бумажной части неизвестен, по водяному знаку она также датируется 1470-ми гг. (подробнее см. ниже), что свидетельствует о фактически синхронном создании пергаментной и бумажной части. Однако вопрос о том, были ли пергаментная и бумажная часть рукописи соединены сознательно или, скорее, механически, остается проблемой для дальнейшего осмысления с учетом общей практики оформления рукописных сборников этого монастыря.

Исследования рукописи в 2013–2014 гг. позволили установить, что факты, представленные в имеющихся ныне ее описаниях [11], в той или иной мере нуждаются в корректировке (количество листов в сборнике в целом и в отдельных частях, датировка бумажной части, проблемы сохранности текстов, интерпретация отдельных контекстов). Рассмотрим некоторые аспекты, представляющие общий интерес.

Поскольку рукопись пострадала от пожара 1900 г. в Библиотеке Генерального штаба и тексты пергаментной части местами сильно повреждены сажей и водой, сложилось мнение, что в рукописи есть нечитаемые места и лакуны. Это впечатление усугублялось тем фактом, что листы как в пергаментной, так и бумажной части были перепутаны либо после пожара, либо, возможно, еще ранее в XIX в. Полная транскрипция текстов при сопоставлении их с соответствующей рукописной традицией позволила установить, что все тексты сохранились в полном объеме.

Имеющаяся в рукописи нумерация листов карандашом также вносила путаницу в предшествующие описания. Исследование рукописи в 1013–1014 гг. показало, что л. «71» в нумерации карандашом в действительности представляет собой л. 72, и, таким образом, л. «72» и «72а» карандашной нумерации являются лл. 73 и 74 (л. 73^v и 74^v с разлиновкой, пустые). Подсчет листов при работе с рукописью на месте позволяет установить, что пергаментная часть состоит из 74 листов, бумажная – из 80 листов, итого 154 л. (не 153 л., как ранее указывалось в каталогах).

Датировка бумажной части рукописи 1473–1479 гг. по водяному знаку, предложенная И.П. Мокрецовою и Л.И. Щеголевою и отраженная в других описаниях [10], была произведена по каталогу Брике и требует уточнения. Исследование водяных знаков рукописи с учетом каталога Пиккара позволяет выделить два сходных типа страсбургских водяных знаков «Р», датированных 1472 и 1475 г.

Текст, открывающий житие св. Екатерины, не является «молитвой» [11] или «хвалой св. Екатерине» [12]. Это введение, в котором монахиня Катарина Ингольт, поясняет пользу молитв св. Екатерине и ее почитания в целом. Катарина Ингольт была одаренным писцом и иллюстратором [13] и весьма почитала свою святую покровительницу: житие св. Екатерины снабжено особым введением и колофоном, а также изображением монахини с надписанием «Ora pro nobis», что в сопоставлении с выполненной тем же писцом

Берлинской рукописью «Vitaspatrum» (Berlin, SBB-PK, Ms. germ. 2° 863), где имеется аналогичное изображение с инициалами «k.i.», следует идентифицировать как автопортрет Катарины Ингольт.

Диалект текстов рукописного сборника следует определить как нижнеалеманский (ср. наблюдения над языком рукописей страсбургского монастыря св. Марии Магдалины [14]). Житие св. Екатерины представляет собой так называемую «редакцию Hodie» (Hodie-Fassung; редакция XXII в общем реестре житий этой святой, другие рукописи: Straßburg BNU ms. germ. q. 2743, olim L germ. 640.4°, Bl. 62^r–149^v, Stuttgart, WLB, cod. theol. et phil. q. 77, Bl. 105^r–164^r, Berlin, SBB-PK, ms. germ. q. 192, Bl. 106^v–169^v, Karlsruhe, Landesbibl., Cod. St. Georgen 99, Bl. 2^r–161^r). Это житие основано на ряде латинских источников, восходящих к греческой традиции. Житие св. Варвары является уникальным в немецкой традиции и основывается на тексте «Legenda aurea» с привлечением других версий (в частности, «Der Heiligen Leben»), известных составителю. Содержащиеся в Московской рукописи чудеса св. Екатерины взяты из немецкого свода «Житий святых» («Der Heiligen Leben»), отсюда же происходят два чуда св. Варвары, тогда как третье также является уникальным и связывает страсбургскую традицию с баварским монастырем Пилленрейт. Весьма интересны также заключительная молитва св. Варваре и небольшое оригинальное добавление к этому житию, озаглавленное «Ein geistliches ingrün Schöpplin von andechtigem gebet gemacht» «Духовный вечнозеленый веночек, благочестивой молитвой созданный».

Бумажная часть рукописи содержит трактаты Иоганна Кройцера в полной версии, представляющей значительный интерес, возможно, даже наибольший по сравнению с параллельными рукописями этих произведений (Berlin SBB-PK, ms. germ. qt. 202, лл. 107^r–223^v, 243^r–266^v, 347^v–353^r, Stuttgart, WLB, cod. theol. et philos. 4° 190, лл. 1^v–118^v). Так, например, оригинальное заключение трактата «Духовный май» от первого лица, логически связывающее начало и конец этого текста, представлено только в Московской рукописи. С учетом того, что Кройцер проповедовал в Страсбурге, пользовался там большой славой среди благочестивых людей в монастырях и миру, но в 1456 г. был вынужден покинуть город из-за споров в среде духовенства, Московская рукопись, происходящая из монастыря св. Марии Магдалины, является важным свидетельством положительного отношения к Кройцеру в одном из центров духовной жизни Страсбурга.

Результатами исследования рукописи в 2013–2014 гг. являются уточненное описание, установление верной последовательности листов, полная транскрипция текстов и выяснение рукописной традиции как для житий святых Екатерины и Варвары и их чудес, так и для трактатов Иоганна Кройцера. К перспективам исследования в плане кодикологии и консервации относится реставрация рукописи, о чем имеется предварительная договоренность НИОР РГБ и ГосНИИР, в области филологии – публикация и введение в научный обиход всех содержащихся в рукописи текстов.

Примечания

[1] Ср. описание фондов Страсбургской городской библиотеки и библиотеки семинарии в базе данных «Handschriftencensus»:

<http://www.handschriftencensus.de/hss/Strassburg#bib8>

[2] См.: *Hornung H.* Daniel Sudermann als Handschriftensammler. Ein Beitrag zur Straßburger Bibliotheksgeschichte. Tübingen 1957 (Diss. Maschinenschr.). S. 98–122.

[3] *Palmer N.F.* Die Münchener Perikopenhandschrift Cgm 157 und die Handschriftenproduktion des Straßburger Reuerinnenklosters im späten 15. Jahrhundert // Kulturtopographie des deutschsprachigen Südwestens im späten Mittelalter. Studien und Texte. Hg. von B. Fleith und R. Wetzels. Berlin / New York, 2009. S. 263–300.

[4] *Мокрецова И.П., Щёголева Л.И.* Каталог западноевропейских иллюстрированных рукописей в собраниях Москвы. М., 2010. С. 71–72. Проф. И.П. Мокрецова обращалась к этой рукописи уже в 1960-х гг. Выражаю свою признательность проф. И.П. Мокрецовой (ГосНИИР) и главному хранителю НИОР РГБ О.Л. Соломиной за содействие в работе.

[5] *Palmer N.F.* Literaturbetrieb im Straßburger Reuerinnenkloster im Zeitalter Geilers von Kaisersberg (1470–1500). Ringvorlesung ‘Freiburger Büchergeschichten’ 17.07.2007. Albert-Ludwigs-Universität Freiburg: <http://www.yovisto.com/video/15087>.

Приношу глубокую благодарность проф. Найджелу Палмеру (Оксфорд), обратившему мое внимание на эту рукопись во время наших исследований в РГБ в марте 2013 г. – *Н.Г.*

[6] Здесь и далее указание листов рукописи по фактической последовательности, восстановленной в ходе изучения текстов. Представленная в рукописи нумерация карандашом неверна, листы были перепутаны.

[7] *Barow-Vassilevitch D., Heckmann M.-L.* ‘Sammelhandschrift zur Jungfräulichkeit’ (Moskau, Russische Staatsbibliothek, Fonds 68, Nr. 446) // ‘Manuscripta mediaevalia’:

<http://www.manuscripta-mediaevalia.de/dokumente/html/obj31301590>

[8] *Landmann F.* Johannes Kreutzer aus Gebweiler (+1468) als Mystiker und Dichter geistlicher Lieder. Der Bestand seiner Schriften und das Hauptwerk: Auslegung von Cant. Cant. Kap. I bis II, 13 // Archives de l’Église d’Alsace 21. N.F. 5 (1953–1954). S. 21–67; *Schmidt W.* Johannes Kreutzer. Ein elsässischer Prediger des 15. Jahrhunderts // Festschrift H. de Boor zum 75. Geburtstag am 24. März 1966. Tübingen, 1966. S. 150–192; *Vogelpohl E.* Lassen, Tun und Leiden als Grundmuster zur Einübung geistlichen Lebens. Studien zu Johannes Kreutzer. Altenberge, 1997 (Münsteraner Theologische Abhandlungen 50).

[9] По датировке см. также работы в прим. 3 и 4.

[10] См. прим. 7.

[11] Прим. 4; ср. также: *Squires C.* Handschriften in deutscher Sprache bis 1500 aus Moskauer Sammlungen // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas. Hg. von Astrid Breith u.a. (Zeit-

schrift für deutsches Altertum, Beiheft 15). Stuttgart, 2012. S. 74–75; «Handschriften-census»; <http://www.handschriftencensus.de/22476>

[12] См. прим. 7.

[13] Рукописи, созданные Катариной Ингольт, были введены в научный обиход Н. Палмером: см. прим. 3.

[14] См. прим. 3.

Сведения об авторе:

Наталия Александровна Ганина,
докт. филол. наук
профессор
кафедра германской и кельтской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ganina Natalija,
Doctor of Philology
Professor
Department of Germanic and Celtic Philology
Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University

И.К. Манучарян

Славянское местоимение в синхронии и диахронии

Аннотация: В статье исследуется славянское местоимение в синхронно-диахронном рассмотрении. Анализируются некоторые особенности славянского местоимения в разных славянских языках: супплетивизм в падежных парадигмах личных местоимений, энклитические формы личных местоимений, развитие местоимений 3-го лица, развитие залогового постфикса, артиклевая функция указательных местоимений. Выявляются универсалии и индивидуалии в сфере местоимения в разных славянских языках.

Ключевые слова: личное местоимение, энклитические формы, возвратное, указательное местоимение, постпозитивный артикль

Abstract: The article deals with a Slavic pronoun in synchrony and diachrony. The author analyzes the peculiarities of a Slavic pronoun in the different Slavic languages: suppletive forms of personal pronouns, forms of personal pronouns with enclitic, the personal pronouns of the third person, the postfixes forming the voices, the functioning of demonstrative pronouns as articles. The meanings of the universal and individual in the sphere of pronouns in the different Slavic languages.

Key words: a personal pronoun, enclitic forms, a reflexive pronoun, a demonstrative pronoun, a postpositive article

С глубокой древности местоимение было достаточно разветвленной и семантически многообразной частью речи во всех славянских языках. Являясь важным структурным элементом предложения и текста, местоимение во всех своих разновидностях было и является очень употребительным.

Местоимение не называет предмет или признак, а лишь указывает на него. Эта особенность местоимения четко просматривается уже в самом названии этой части речи, оно употребляется вместо имени, вариации этого названия присутствуют в разных славянских языках. Отметим некоторые из них: таково его русское наименование, а также *займенник* в украинском, *займеннік* в белорусском, *zájmeno* и *záměno* в чешском и словацком языках и др.

В первую очередь, отметим семантическое многообразие славянского местоимения, которое составляет две группы – личные и неличные местоиме-

ния. Именно семантические свойства местоимения и определяют его синтаксические функции в славянских языках.

Личные местоимения в славянских языках в прошлом составляли небольшую группу единиц, указывающих на собеседников в диалоге, т.е. выражающих 1-е и 2-е лицо. В течение веков в славянском местоимении получил развитие переход указательного местоимения *он – она – оно* в личное для указания на третье лицо, не являющееся собеседником, не участвующее в коммуникации. Указательное местоимение всего лишь указывает на лицо (предмет), о котором в диалоге «шла речь или который присутствует в акте общения» [Ремнева: 288]. К личным местоимениям примыкает по своим грамматическим свойствам также возвратное местоимение. Славянское возвратное местоимение выполняет в предложении очень важную роль в выражении залоговых отношений, что и объясняет его употребительность в текстах.

Неличные местоимения многообразны и по своим семантическим свойствам, и по своей функции в предложении. Они составляют целый круг рядов: указательные, притяжательные, вопросительные, определительные, неопределенные, отрицательные, относительные. Такое богатство значений и функций у славянского местоимения и объясняет его актуальность в предложении и тексте во всех славянских языках.

В современных славянских языках в целом местоимение сохранило генетически однородные, универсальные свойства, в то же время многовековое раздельное существование и развитие разных славянских языков, распространенных в обширном славянском языковом мире, привело к появлению и развитию его индивидуальных особенностей не только между группами славянских языков, но и между наиболее близкородственными языками, входящими в одну группу славянских языков.

Местоимение в славянских языках характеризуется целым рядом специфических особенностей, которые и излагаем ниже.

1. Одной из особенностей личных местоимений в славянских языках является супплетивизм в пределах падежной парадигмы. Данные других неславянских индоевропейских языков (английского, армянского и др.) подтверждают мысль о том, что супплетивизм в падежных формах личных местоимений в славянских языках восходит через праславянский к индоевропейскому праязыку (ср. местоимение первого лица в единственном и множественном лицах *я – мы* в английском *I – me, I – we* и армянском языках *Էս / ес – իմ և / индз , Էս / ес – մենք / менк).*

2. К числу особенностей личных местоимений в славянских языках относится сохранение в некоторых современных славянских языках двух рядов форм дательного и винительного падежей первого и второго лица, а также возвратного местоимения. Помимо полных падежных форм параллельно употребляются и краткие, или так называемые энклитические формы, которые в древности были характерной чертой личных и возвратного местоиме-

ний во всех славянских языках. Отметим, что энклитики широко функционировали и в старославянских текстах.

Энклитические формы местоимений не несут на себе логического ударения, эту функцию выполняют полные формы. Они не употребляются с предлогами, не могут находиться в самом начале предложения и примыкают к предшествующему слову. В ритмике предложения их «невыразительность» очевидна, но и важна.

Энклитические формы личных местоимений в восточнославянских языках не сохранились, за исключением отдельных случаев их употребления в диалектной речи. Во всех западнославянских языках энклитики достаточно хорошо сохранились. Так, в польском языке действуют энклитики в дательном падеже *mi* (*mnie*), *ci* (*tobie*), *cię* (*ciebie*), в винительном падеже *mię* (*mnie*), *cię* (*ciebie*). Широко употребляются энклитические формы личных и возвратного местоимений также в чешском языке *mi* (*mně*), *ti* (*tobě*), *se* (*sebe*) и в словацком языке *mi* (*mne*), *ti* (*tebe*), *si* (*sebe*).

В южнославянских языках также сохранились и употребительны энклитические формы местоимений. Так, в сербском языке энклитики используются не только в дательном и винительном падежах *mi* (*мени*), *me* (*мене*), но и в форме родительного падежа, омонимичной форме винительного падежа, *me* (*мене*). Энклитические формы этих местоимений функционируют также в хорватском и словенском языках *mi*, *ti*, *se*.

И хотя падежной системы в болгарском и македонском языках сегодня нет, энклитические формы местоимений сохранились и в них, занимая свое место в структуре предложения: *ми*, *ти* (болг. *мене*, *тебе* – макед. *мене*, *тебе*).

Со временем круг энклитических форм местоимения расширился и энклитики проникли также в сферу родительного падежа, очевидно, под воздействием энклитического местоимения в винительном падеже: ср. *mě* (*mne*), *tě* (*tebe*) в чешском языке; *ma* (*mňa*), *ŕa* (*teba*) в словацком языке. Отметим при этом, что и в южнославянских языках энклитики не только сохранились, но и расширились в своем объеме: так, краткую форму в них имеет и местоимение *он* – *она* – *оно*, являющееся по своему происхождению указательным: ср. макед. *му* (*нему*), болг. *го* (*него*), словенск. *ga* (*njega*). Энклитические формы местоимений, обычно употребляемые без предлогов, являются удобным средством оформления структуры предложения: служат для выражения в нем объектных отношений, не несут на себе логического ударения, помогают избегать повторов в связном тексте.

Личные местоимения в краткой форме были очень употребительны также в древнерусских и старорусских текстах разных жанров. Их утрата в древнерусском языке относится к XV в., но они употребляются в текстах вплоть до XVII в., причем не только в церковно-книжных памятниках («Повесть об Улянии Осорьиной»), но и в памятниках, написанных живым языком (например, повести демократической сатиры). Особой в славянских языках

оказалась судьба энклитических форм возвратного местоимения, ставших в славянских языках морфологическим средством выражения залоговых отношений. В русском литературном языке форма винительного падежа возвратного местоимения стала одним из аффиксов в слове – залоговым постфиксом *-ся (-сь)*, используемым для передачи возвратного или страдательного значения. Отметим, что в других славянских языках наблюдается несколько иная картина: так, в чешском языке сегодня функционируют две краткие формы возвратного местоимения *se* (из формы винительного падежа) и *si* (восходит к форме дательного падежа). Эти возвратные компоненты служат для выражения залоговых отношений и грамматикализованы в разной степени: *se* вводит в предложение сугубо залоговое значение, обозначая собственно-возвратное, а также взаимно-возвратное значения. Возвратный же компонент *si*, помимо грамматического значения, обладает и некоторым лексическим значением: *Koupil si novú oblek.* – Он купил (себе) новый костюм. В славянских языках энклитики возвратного местоимения в своем употреблении отличаются от соответствующих русских форм: они пишутся отдельно от глагола и могут находиться в препозиции, постпозиции и дистантно по отношению к нему, хотя интонационно примыкают к нему. В русском языке налицо завершенность процесса трансформации энклитической формы возвратного местоимения в один из аффиксов в структуре глагольного слова, в залоговый постфикс.

3. Интересной особенностью славянского местоимения стало развитие личного местоимения 3-го лица для указания на лицо, не участвующее в диалоге. Востребованность местоимения 3-го лица была удачно решена за счет указательного местоимения *он, она, оно*. Во всех славянских языках данное местоимение полностью перешло в разряд личных местоимений для указания на 3-е лицо. И в чешском языке функционирует личное местоимение 3-го лица того же происхождения, но в то же время оно еще сохраняется и как указательное местоимение: ср. личное местоимение *on, ona, ono* и указательное местоимение *onen, ona, ono*, указывающее на более отдаленный предмет. Интересно, что в славянских языках местоимение *он, она, оно* также приобрело по аналогии с этимологически личными местоимениями краткие формы не только в указанных падежных формах, но и в форме родительного падежа, исконно не имевшего кратких форм: ср. *ho* (*jeho* – чешск., словацк.), *go* (*jego* – польск.). И это обстоятельство является сигнализатором перехода данных указательных местоимений в разряд личных.

Исторический комментарий объясняет причину супплетивизма в падежной парадигме этого местоимения в славянских языках (ср. формы в падежной парадигме *он* и *его* – *ему* и др.). Это поздний супплетивизм, возникший в результате контаминации двух парадигм *он – она – оно* в форме именительного падежа и форм косвенных падежей указательного местоимения *и – я – е*. Вытеснение последних из формы именительного падежа формами *он – она – оно* достаточно убедительно объясняется невыразительностью форм *и – я – е*

вследствие их краткости. Интересна еще одна особенность местоимения *он – она – оно*, которое в формах косвенных падежей приобрело начальное *н* в предложных формах, между тем как исконно его не было: ср. *ответил ему* и *подошел к нему* (русск.), Начальное *н* в предложных формах появилось в глубокой древности в сочетаниях с предлогами *к, в, с* (из праславянских **къп, *въп, *сьп*). В пору действия фонетических законов, в частности закона открытого слога, согласный *н* отошел от предлога, который стал при этом открытым слогом, и присоединился к местоимению, а затем **н** начальное появилось в местоимениях и при остальных предлогах, в составе которых исконно не было *н* (*от, из* и др.)

Именно по причине того, что данное местоимение (*он – она – оно*) было указательным, оно, в отличие от личных местоимений, в систему которых и вошло, имеет родовые различия, как большая часть неличных местоимений, и этим значительно отличается от остальных форм личных местоимений.

4. В кругу неличных местоимений интересное развитие пережили указательные местоимения, которыми были богаты славянские языки еще с праславянского периода. Указательные местоимения составляли целую систему, куда входили рассмотренные выше *он – она – оно, и – я – е*, а также *тъ – та – то, овъ – ова – ово*, которые участвовали в организации цепных связей между предложениями в тексте. Указательные местоимения сигнализировали и о предупомянутости имени, т. е. создавали значение четко выраженной определенности. В таком употреблении они по своей функции приближались к определенному артиклю, или предартиклю (термин Р.Ф. Касаткиной).

В древности во всех славянских языках указательные местоимения выражали три степени удаленности: 1) близость к говорящему, 2) близость к собеседнику (т. е. бóльшая степень удаленности), 3) наибольшая удаленность.

В славянских языках первая степень удаленности выражалась указательным местоимением *сь – ся – се*, вторая степень вербализовывалась посредством указательного местоимения *тъ – та – то*, а третья степень выражалась с помощью указательного местоимения *онъ – она – оно*. Все эти древние формы четко отмечаются в старославянских текстах, которые, как известно, являются самой древней фиксацией на письме славянской речи.

В процессе исторического развития славянских языков исчезло из употребления указательное местоимение *сь – ся – се*. В современном русском языке указательные местоимения способны выражать лишь две степени удаленности по отношению к субъекту речи – близость к нему (*этот – эта – это – эти*) и удаленность от него (*тот – та – то – те*). В чешском языке местоимение *ten* для указания на ближайший предмет утратилось рано (в XV в. его уже не было), но на его былое присутствие указывают такие имена, как *dnes* в значении *сегодня*, *letos* – *в этом году* и др. Интересна судьба местоимения *и – я – е*, которое оставило свой след в полных формах прилагательных и склоняемых причастий, а также в косвенных падежах в парадигме склонения местоимения *он – его – ему* и др., об этом говорилось выше.

В славянских языках отмечается также указательное местоимение *овъ* (*ова, ово*), который в македонском языке перешел в постпозитивную артиклевую частицу (*-ов, -ва, -во*), наряду с другими артиклевыми частицами, происшедшими из указательных местоимений (*-т, -та, -то* и *-он, -на, -но*). Указательное местоимение *-ът, -та, -то* в качестве артикля функционирует, причем очень активно, в болгарском языке (*прозорецьт – это окно, масата – этот стол*). Указательное местоимение *тъ – та – то* не только в древнерусский, но и в старорусский период выполняло функцию, как было отмечено выше, близкую к артиклевой. Это подтверждают многочисленные примеры из памятников даже позднейшего старорусского периода XVII в. Показательны в этом отношении сочинения протопопа Аввакума, в которых фиксируется частое употребление постпозитивного *-т* именно в функции определенного артикля (*Она рожу-ту закрыла рукавом. Бес-от ведь не мужик...*). Употребление указательных местоимений в артиклевой функции в старорусских текстах показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу *-то*, употребляемую сегодня, в основном, в разговорном и диалектном русском языке. Интересные данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение *-т, -та, -то* имеет, с одной стороны, артиклевую функцию, а с другой стороны – не утратило окончательно связи с местоимением и употребляется в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки былого согласования с ним (*отец-от, изба-та, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу.

В русском литературном языке развития артикля из указательного местоимения не произошло, но в разговорной и диалектной речи функционирует частица *-то*, вносящая значение определенности при указании предмета (лица).

Отметим также роль указательных местоимений в образовании и функционировании специфических морфологических форм – полных форм прилагательных и причастий. Благодаря указательным местоимениям в ряде славянских языков возникали и возникли полные (членные, местоименные) формы прилагательных и склоняемых причастий, которые вносили в именные формы дополнительное значение определенности, что вытекало из семантики указательных местоимений. Такая картина наблюдается в русском языке, в котором полные формы склоняемых прилагательных и причастий образовались с помощью указательного местоимения *и, "*, *~* (*красива – красивая*), в болгарском языке посредством указательного местоимения *ят – та – то* (*нов – новият*), в македонском языке благодаря указательному местоимению *от – та – то* (*селски – селскиот*). Полные формы прилагательных появились в древности и в чешском языке от того же указательного местоимения, что и в русском, но в нем результат этого процесса не выступает явно, как в русском: выпадение интервокального *j* привело к ассимиляции одного из

гласных в окончании, а затем к удлинению гласного (krásnaja > krásnaa > krásná).

Подведем итоги нашего рассмотрения, которое позволяет проследить интересную и богатую историю славянского местоимения, увидеть динамику развития некоторых видов местоимения в разных славянских языках, разные этапы и логику этого развития в соответствии с востребованностью тех или иных форм местоимения в отдельных славянских языках. Бросаются в глаза не только типологические сходства, являющиеся результатом их генетического родства, но и различия, возникшие в результате исторического развития форм славянского местоимения в разных славянских языках, которые помогает понять их историческое комментирование. И как тут не вспомнить слова выдающегося русского историка В.О. Ключевского: «Историю надо изучать не потому, что она ушла, а потому, что, уходя, не умела убрать все свои следы»!

Литература

Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1955.

Ремнева М.Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004.

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Сведения об авторе:

Иветта Карапетовна Манучарян,
канд. филол. наук,

доцент кафедры русского языкознания,
типологии и теории коммуникации

Ереванский государственный университет.

Автор нескольких поколений школьных учебников
по русскому языку для старшей школы

Республики Армения (1995, 2000, 2011),
а также учебных пособий и программ.

(Армения)

Ivetta Manuchar'an,

Candidate of Philology

Associate Professor of Russian Linguistics
typology and communication theory

Yerevan State University.

Author of several generations of school textbooks on
Russian language for high school

the Republic of Armenia (1995, 2000, 2011),
training manuals and programs

(Armenia)

Материалы и сообщения

**Продолжение публикации материалов
Международной славистической конференции
«Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии»**

Н.Е. Ананьева

**Кафедра славянской филологии
в 2003–2013 гг.**

Аннотация: В докладе представлены достижения кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова за прошедшее десятилетие. Внимание уделено научной работе славистов Московского университета, активно участвующих в международных конгрессах, симпозиумах, конференциях и представляющих в своих докладах основные направления исследований. Автор доклада обращает внимание на деятельное участие сотрудников кафедры в подготовке и издании учебной, учебно-научной, справочной и художественной литературы. Определены принципы работы со студентами-славистами и намечены ее дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра славянской филологии, Институт славяноведения РАН, международные съезды славистов, преподавание славянских языков и литератур в Московском университете

Abstract: The report presents the achievements of the department of slavik philology of Lomonosov Moscow State University over the last 10 years. Attention is paid to scientific work of the slavists of Moscow University, which actively participate in international congresses, symposiums, conferences and represent in their reports the main directions of the research activity. The author marks the active participation of members of the department in the preparation and publishing of textbooks, teaching and research, reference literature and fiction. Are defined the principles of working with students of the department of slavik philology and outlines its future prospects.

Key words: Lomonosov Moscow State University, the department of slavik philology, Institute of Slavik Studies (RAS), international congresses of Slavik, teaching of Slavik languages and literatures at the Lomonosov Moscow State University

В настоящее время на кафедре славянской филологии трудится 23 штатных преподавателя. Из них 8 профессоров, докторов филологических наук (зав. кафедрой с 2010 г. Н.Е. Ананьева; В.Ф. Васильева, А.И. Изотов, Е.Н. Ковтун, К.В. Лифанов, А.Г. Машкова, Р.П. Усикова, А.Г. Шешкен), 12 доцентов, канди-

датов филологических наук (Е.В. Верижникова, З.И. Карцева, С.В. Клементьев, О.О. Лешкова, С.Н. Мещеряков, А.С. Новикова, О.А. Остапчук, О.С. Плотникова, О.А. Ржанникова, Т.С. Тихомирова, Г.П. Тыртова, Е.И. Якушкина), 3 старших преподавателя без степени (Н.В. Воробьева, С.А. Жук, Е.В. Тимонина). Кроме того, в статусе совместителей работают 2 доктора филологических наук, сотрудники Института славяноведения РАН Н.Н. Старикова и И.Е. Адельгейм. На отделении обучаются 43 студента и 12 аспирантов.

Преподаватели кафедры славянской филологии также ведут языковые занятия и читают курсы по выбору для студентов русского отделения (как дневного, так и вечернего) и магистрантов. В качестве языков и литератур основной специализации в настоящее время представлено 7 направлений: 3 западнославянских (полонистика, богемистика, словакистика) и 4 южнославянских (сербохорватистика, болгаристика, македонистика, словенистика). Читался также отдельный спецкурс по хорватскому языку.

Кафедра подготовила 2 выпуска украинистов, но сейчас украинский язык преподается как второй славянский (в группе полонистов) и читается в качестве курса по выбору на русском отделении.

В преподавании иностранных языков неоценимую помощь нам оказывают лекторы из славянских стран. В настоящее время на кафедре работают 8 лекторов: Мартин Браксаторис (словацкий язык), Марта Флис (польский язык), Бонка Даскалова (болгарский язык), Магда Лойк (словенский язык), Ружена Генкрихова (чешский язык), Деян Митевски (македонский язык), Милица Белогрич (сербский язык), Драженка Дувняк (хорватский язык).

За прошедшее десятилетие количественный состав сотрудников кафедры не претерпел особых изменений, в отличие от ее студенческой составляющей, о чем речь пойдет ниже.

Нас, к сожалению, покинули скончавшаяся в 2003 г. заслуженный профессор МГУ, заведующая кафедрой в 1970–1991 гг. А.Г. Широкова и ушедшая из жизни в 2011 г. старейший преподаватель кафедры, заслуженный профессор МГУ Е.З. Цыбенко. В 2013 г. ушел на заслуженный отдых многолетний заведующий кафедрой (1991–2010) доцент В.П. Гудков. Перешел на работу в РГГУ в 2009 г. богемист доцент С.С. Скорвид. До 2013 г. на кафедре работала специалист по украинской литературе преподаватель Е.В. Байдалова, перешедшая в Институт славяноведения РАН. Коллектив кафедры пополнился перспективным сербохорватистом, специалистом по лексикологии и лексической семантике к.ф.н. Е.И. Якушкиной.

Если в количественном составе преподавателей кафедры за 2003–2013 гг. особых изменений не произошло (основной костяк сотрудников кафедры формировался в предыдущие годы), то в области повышения профессионального уровня сотрудниками кафедры славянской филологии были достигнуты значительные успехи. Так, за прошедшее десятилетие были защищены 4 докторские диссертации: 2 по лингвистике и 2 по литературоведению. В 2005 г. Р.П. Усикова защитила докторскую диссертацию «Современный ли-

тературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики». В этом же году была защищена докторская диссертация А.Г. Машковой «Словацкий натурализм (30–40-е годы XX века)». В 2007 г. А.И. Изотов защитил докторскую диссертацию под названием «Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен», а в 2008 г. степень доктора филологических наук за защиту работы «Македонская литература XX века. Особенности формирования и развития» получила А.Г. Шешкен.

Число кандидатов на кафедре за прошедшее десятилетие не увеличилось, но были защищены кандидатские диссертации аспирантами кафедры (словакисткой Д. Анисимовой-Ващенко, полонисткой А. Семеновой, сербохорватистом В. Чарским, украинисткой М.М. Алексеевой, богемистами Д. Поляковым и Ю. Кирилловым и др.)

Подготовленные кафедрой молодые специалисты позволили омолодить кадровый состав Института славяноведения. Это словакистки Д. Ващенко (Анисимова) и А. Пескова, украинистка и полонистка М. Алексеева, сербохорватист Г. Пилипенко, богемист Д. Поляков, полонистка А. Семенова, македонистка Т. Ганенкова, украинистка Т. Курохтина.

Коллектив кафедры работает над реализацией трех фундаментальных исследовательских проектов: «Изучение и описание инославянских языков в сопоставлении с русским языком», «Диахронное и синхронное описание инославянских языков» (рук. Н.Е. Ананьева) и «Славянские литературы в контексте русской и западноевропейских литератур» (рук. А.Г. Машкова).

Остановимся на конкретном воплощении первых двух (лингвистических) направлений. Первое направление (описание инославянских языков в сопоставлении с русским) имеет на кафедре давнюю традицию, заложенную школой А.Г. Широковой, представленную в «Грамматике болгарского языка (для говорящих на русском языке)» Н.В. Котовой и М. Янакиева-Николова, трудах Т.С. Тихомировой, В.Ф. Васильевой и др. За прошедшее 10-летие это направление реализовалось в значительном числе статей, в которых в сопоставительном плане с русским языком анализируются морфологические, словообразовательные, морфонологические, синтаксические и лексические особенности того или иного инославянского языка, а также в монографиях и учебниках. В качестве примера приведу только 2 книги учеников А.Г. Широковой разных поколений: монография А.И. Изотова по категории императивности («Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским», Брно, 2005), и учебник В.Ф. Васильевой «Чешский язык и в чем его сходства и отличия от русского» (в ближайшее время выходит из печати в Чехии и России).

Двуязычные (русско-инославянские и инославянско-русские) словари также можно рассматривать как своеобразную лексикографическую реализацию сопоставительного аспекта. И на лексикографической ниве у кафедры также имеются за прошедшее десятилетие внушительные достижения. Это

ряд учебных словарей А.И. Изотова («Учебный чешско-русский словарь», 2008; «Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40000 слов и выражений», 2012; «Новый чешско-русский словарь: около 100000 слов и выражений» 2012; «Македонско-русский словарь» Р.П. Усиковой, З.К. Шановой, Е.В. Верижниковой и М.А. Поварницыной под редакцией Р.П. Усиковой и Е.В. Верижниковой, М., 2003; «Русско-украинский тематический словарь» О.А. Остапчук, М., 2010).

Сопоставительный аспект представлен также в исследованиях, посвященных конфронтативному описанию двух и более инославянских языков (например, в некоторых работах Р.П. Усиковой болгарский язык сопоставляется с македонским; в подготавливаемой кандидатской диссертации аспирантки кафедры М. Кулешовой пейоративы со значением лица рассматриваются на материале словенского и сербохорватского языков).

Второй исследовательский проект в области славистического языкознания, как явствует из его названия, одноименного названию сегодняшней конференции («Славянские языки в синхронии и диахронии»), охватывает самый широкий круг проблем.

Синхронному изучению отдельных славянских языков и их описанию в дидактических целях посвящено значительное число работ членов нашей кафедры. Особое внимание уделяется специфическим категориям того или иного инославянского языка. Так, болгарской категорией определенности-неопределенности в последнее время активно занимается О.А. Ржанникова, спецкурс по южнославянским языкам, входящим в балканский языковой союз, готовят Е.В. Верижникова и О.А. Ржанникова.

Не останавливаясь на многочисленных статьях, отмечу только книги (монографии и учебники). Это, например, «Грамматика украинского литературного языка в таблицах и упражнениях» О.А. Остапчук и М.И. Хазановой (М., 2012), монография А.И. Изотова «Императивность как прагмалингвистический феномен: на материале чешского языка» (М. 2008) и др. В Сербии только что вышла из печати книга В.П. Гудкова «Грамматические очерки», в которой представлены избранные работы автора, главным образом по проблемам варьирования на морфологическом уровне, а также по морфонологии сербохорватского языка и др.

Историческая и диалектологическая проблематика, столь характерная для первых десятилетий существования кафедры славянской филологии, хотя и не занимает сейчас преобладающего места, но тем не менее также представлена. Это работы К.В. Лифанова по истории формирования литературного словацкого языка; 4-е издание (М., 2013) учебника Н.Е. Ананьевой «История и диалектология польского языка» и ее же «Краткий очерк истории синтаксиса польского языка. Учебное пособие к курсу “История и диалектология польского языка для студентов филологических факультетов государственных университетов”» (М., 2008) и многочисленные статьи по польской диалектологии; учебное пособие К.В. Лифанова по словацкой диалектологии («Диалектология словацкого языка», М., 2012),

а также статьи историко-этимологического характера по славянской лексике Е.И. Якушкиной. В области палеославистики успешно работает А.С. Новикова. А.И. Изотов трижды переиздал пособие по старославянскому и церковнославянскому языку, а в 2010 г. издал работу «Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении».

В научно-дидактической деятельности сотрудников кафедры находят отражение новейшие исследовательские подходы (интегративность, интерес к семантике, в первую очередь лексической, реконструкции лексико-семантических полей, контактологии, интерес к языку Интернета, микроязыкам, лингвистическому анализу художественного текста и др.), а также использование новых технологий (хотя последнее представлено не у всех в должной степени, и в этом отношении надо совершенствоваться). Естественно, что в студенческих работах, которыми руководят специалисты кафедры, также отражены все новейшие исследовательские парадигмы. За последние 5 лет на кафедре было написано 149 курсовых и защищено 70 дипломных сочинений.

В настоящее время в связи с переходом к двухуровневому обучению (бакалавр, магистр) перед преподавателями кафедры стоит задача подготовки новых программ, образовательных стандартов для четырехлетнего бакалавриата и двухлетней магистратуры. Большая часть таких программ (по теоретическим курсам, некоторым спецкурсам и практическим языкам) сделана. Актуальной задачей остается подготовка программ для магистров. Идет постоянная работа по обновлению общих и специальных курсов, создаются новые спецкурсы (например, по метафоре в славянских языках – О.О. Лешкова, по корпусу чешского языка – А.И. Изотов, по польским элементам в русской литературе XIX–XXI вв. – Н.Е. Ананьева, по социолингвистике – О.А. Остапчук, О.А. Ржанникова и др.).

Студенты кафедры проходят разнообразные виды практик: во-первых, переводческую (как в устной форме, работая на различных мероприятиях, так и в письменном виде – например, участвуя в переводе художественной и публицистической литературы с инославянских языков на русский в издательстве «Вахазар» и др.). Так, студенты-полонисты были отмечены медалями МЧС за активное участие в помощи польской стороне после трагических событий под Смоленском. Во-вторых, студенты регулярно выезжают в летние школы в славянские страны, где повышают знания инославянского языка и близко знакомятся со странами изучаемых языков. В-третьих, возобновился (хотя и нерегулярно проводится) такой вид практики, как участие в диалектологической экспедиции (довольно регулярен был в начальный период формирования кафедры в связи со сбором материала для «Атласа болгарских говоров СССР», затем в 1960-е гг. в рамках экспедиций в Полесье, а позднее – в конце 1970-х гг. и в 1980-е гг. – экспедиций в болгарские села Молдавии и Украины и польские села Литвы). После длительного перерыва в 2010 г. состоялась диалектологическая поездка студентов-полонистов и бывших аспирантов кафедры под рук. Н.Е. Ананьевой в польское сибирское село Вершина Иркутской области, основанное в 1910 г. выходцами с терри-

тории Домбровского угольного бассейна. Экспедиция проходила при участии школьников из лицея на Донской, изучающих польский язык у выпускника филологического факультета, кандидата филологических наук В.В. Пазынина, и польских школьников из Гданьска.

Сотрудниками кафедры продолжается традиция, идущая от 1950-х гг., связанная с переводом на русский язык трудов зарубежных славистов (ср. «Общеславянский язык» Мейе, переведенный П.С. Кузнецовым под редакцией С.Б. Бернштейна, «Руководство по старославянскому языку» А. Вайана в переводе В.В. Бородич под редакцией В.Н. Сидорова и др.) Так, в 2012 г. вышел из печати переведенный и отредактированный О.О. Лешковой учебник Лиляны Мадельской «Практическая грамматика польского языка» (Kraków, 2012). Была возрождена традиция периодического кафедрального издания: прежнюю «Славянскую филологию» сменил «Славянский вестник» (Вып. 1 / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машковой. М., 2003; Вып. 2 / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. М., 2004; Вып. 3 / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машковой. М., 2009). К сожалению, с очередным выходом сборника возникли большие трудности.

Наряду со специализированной научной и учебной литературой лингвисты кафедры продолжают подготавливать издания, рассчитанные на массового читателя. Так, в 2006 г. первоначальный вариант книги Т.С. Тихомировой «Польский язык», вышедший в 1978 г. в серии «Языки мира», был переработан, исправлен и дополнен новыми материалами и издан под названием «Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты». Н.Е. Ананьева и Т.С. Тихомирова подготовили самоучитель по польскому языку («Польский язык. Самоучитель для начинающих», М., 2010), 7 раз переиздал А.И. Изотов свой «Русско-чешский разговорник» (последнее издание М., 2009), а также подготовил «Учебное пособие по развитию навыков устной речи на материале видеофильмов» (М., 2005).

Многие преподаватели кафедры успешно занимаются художественным переводом (З.И. Карцева, Н.В. Воробьева, Е.В. Верижникова, которая переводит не только прозу, но и поэзию). При этом нередко переводы издаются вместе с оригиналом, что дает возможность использовать их в дидактических целях (перевод Н.В. Воробьевой книги Ивана Крауса «Самый умный народ на свете», 2010; антология избранных стихотворений С. Есенина, подготовленная А.Г. Машковой). Ежегодно болгаристы кафедры в содружестве с болгаристами других учебных заведений проводят студенческие конкурсы по художественному переводу. На кафедре также читается специальный курс по теории перевода (доц. Г.П. Тыртова).

Характеристика научной деятельности кафедры славянской филологии была бы не полной без упоминания о многочисленных международных и отечественных форумах, в которых принимают участие и которые организуют ее члены. Кафедра традиционно широко представлена на Международных съездах славистов (на последнем, XV съезде в Минске с докладами выступили 3 постоянных сотрудника кафедры – Н.Е. Ананьева, А.Г. Шешкен,

О.А. Остапчук и оба совместителя – Н.Н. Старикова, И.Е. Адельгейм) и других международных встречах. Так, преподаватели кафедры активно участвовали в организованных на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 5 конгрессах «Русский язык: исторические судьбы и современность» (последний состоялся в марте 2014 г.) и двух международных научных симпозиумах «Славянские языки и культуры в современном мире» (2009, 2012). Сотрудники кафедры выступают с докладами на многочисленных конференциях, проводимых на базе Института славяноведения РАН или совместно с ним. В последние годы они участвовали, например, в международных славистических конференциях, посвященных творчеству Адама Мицкевича, творчеству Болеслава Пруса, поэзии Юлиуша Словацкого, 200-летию Н.В. Гоголя, русско-польским языковым, литературным и культурным контактам, 80-летию проф. В.А. Хорева, славянскому авангарду, 200-летию М.Ю. Лермонтова и мн. др. Ученые кафедры выступают с докладами также на традиционных Кирилло-Мефодиевских чтениях и заседаниях круглого стола по диалектологии, проводимых в Институте славяноведения РАН, участвовали в состоявшемся 5–6 ноября 2013 г. II Всероссийском совещании славистов, в ходе которого на пленарном заседании выступили с двумя докладами (Н.Е. Ананьева – «Некоторые итоги и перспективы славянской филологии в XXI в.», Е.Н. Ковтун – «О состоянии вузовской славистики»). Итоги конференции и заседаний представлены в сборниках статей, которым обычно предшествует издание тезисов.

Перечислить все международные и внутрироссийские конференции, в которых участвуют преподаватели кафедры славянской филологии, невозможно. Достаточно сказать, что ежегодно почти каждый член кафедры выступает с докладами на 2–3 конференциях, а некоторые принимают участие и в большем числе научных мероприятий. Из наиболее крупных научных форумов, на которых в последние годы выступали преподаватели кафедры, – это III Конгресс богемистов-литературоведов (Прага, 2006), V Конгресс зарубежной полонистики (Ополе, 2012), III Конгресс болгаристов (2013). Со своей стороны кафедра славянской филологии регулярно проводит совещания-семинары преподавателей славянских языков и литератур в российских вузах и шире – международные славистические конференции. Так, в 2009 г. состоялось «Совещание-семинар преподавателей болгарского языка, болгарской литературы и культуры». Е.Н. Ковтун в марте 2006 г. организовала Международную научную конференцию «Русская фантастика на перекрестке двух эпох и культур». Неоднократно проходили македонско-русские и русско-македонские научные конференции. Последняя из них состоялась в рамках Славянского симпозиума. В 2012 г. к 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского кафедра провела конференцию «Измаил Иванович Срезневский и славянская филология», в которой участвовали не только члены кафедры, но также сотрудники Института славяноведения РАН, преподаватели Санкт-Петербургского и Воронежского университетов.

Ряд конференций кафедры славянской филологии организует совместно с посольствами славянских стран. Особенно активно в этом отношении сотрудничает с кафедрой Посольство Словацкой Республики. Так, в 2008 г. была проведена конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Милана Руфуса, в которой участвовали не только отечественные и словацкие исследователи, но и студенты кафедры, а в 2012 г. состоялась словацко-российская конференция «Словацкая литература, культура, язык в 20 и начале 21 столетия».

Кафедра проводит также конференции, приуроченные к ее юбилейным датам. Так, в апреле 2004 г. в рамках традиционных Ломоносовских чтений состоялась конференция, посвященная памяти заслуженных профессоров МГУ имени М.В. Ломоносова Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой. С докладами выступили коллеги и ученики названных ученых – слависты МГУ имени М.В. Ломоносова, Института славяноведения РАН, Санкт-Петербургского и других университетов. В 2011 г. кафедра славянской филологии совместно с Институтом славяноведения РАН провела Международную славистическую конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения руководителя кафедры в 1944–1970 гг., заслуженного деятеля науки РФ С.Б. Бернштейна, на которую собрались ученые из ведущих университетских центров и академических институтов России, Украины, Болгарии, Венгрии, Словакии, Чехии, Польши, Словении, Македонии. Всего с разнообразными по тематике докладами выступило 118 человек. На дверях поточной аудитории №7 Первого гуманитарного корпуса МГУ имени М.В. Ломоносова появилась мемориальная доска в честь патриарха отечественной славистики.

Сотрудники кафедры регулярно участвуют в Ломоносовских чтениях, в том числе и на пленарных заседаниях (так, на юбилейных чтениях, посвященных 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, на пленарном заседании с докладом «Ода, выбранная из Иова М.В. Ломоносова и последующие образцы религиозной гимнографии 18 века (“Стансы Богу” Я.Б. Княжнина, “Бог” Г.Р. Державина и др.) Анализ лингвопоэтических особенностей и содержания» выступила Н.Е. Ананьева). Литературоведческие Ломоносовские чтения в 2013 г. были посвящены 90-летию юбилею Е.З. Цыбенко, к сожалению, не дожившей до этой знаменательной даты. В чтениях участвовали не только преподаватели кафедры, но также сотрудники академических институтов: Института славяноведения и Института мировой литературы РАН. По материалам выступлений планируется издание сборника.

Проведением международной славистической конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» кафедра славянской филологии отмечает свой 70-летний юбилей. Студенты кафедры участвуют в ежегодных Днях науки «Ломоносов», на которые приглашаются и школьники (в частности, из лицея на Донской).

Кафедра славянской филологии тесно сотрудничает с академическими институтами и другими вузами не только в научном, но и в дидактическом

плане. Для чтения лекций по отдельным славянским литературам на основе совместительства приглашаются сотрудники Института славяноведения РАН: доктор филологических наук И.Е. Адельгейм (современная польская литература), доктор филологических наук Н.Н. Старикова (словенская литература), Е.В. Байдалова (украинская литература). В 2010–2011 уч. г. лингвистам 3–4 курсов славянского отделения сотрудник Института славяноведения РАН, доктор филологических наук А.А. Плотникова прочитала спецкурс «Славянская духовная культура в лингвоэтнографическом аспекте», а в 2011–2012 уч. г. сербокроатисты 3 курса прослушали курс истории славян на английском языке (доцент РГГУ Т.И. Муратова).

С введением в программу обучения межфакультетских лекционных курсов перед кафедрой славянской филологии, как и перед другими кафедрами филологического факультета, встали новые задачи по созданию лекционных курсов. В 2012–2013 уч. г. такой курс по фантастике в славянских литературах был прочитан Е.Н. Ковтун. В I семестре 2013–2014 уч. г. читался межфакультетский курс «Мир славянской культуры» (исполнители – Е.Н. Ковтун, А.Г. Шешкен). Преподаватели кафедры выезжают для ведения занятий по инославянским языкам в Бакинский филиал МГУ (К.В. Лифанов, О.О. Лешкова, Н.В. Воробьева, аспиранты кафедры А. Индыченко, О. Зубкова).

Преподаватели кафедры представляют славистику в различных международных обществах и редакциях зарубежных и отечественных изданий. Так, Н.Е. Ананьева – член Диалектологической комиссии при Международном комитете славистов, Международной ассоциации геолингвистов и диалектологов, Ассоциации преподавателей польского языка как иностранного «Бристоль». Членом и одной из основательниц последней организации является Т.С. Тихомирова. Е.Н. Ковтун входит в состав ассоциации исследователей фантастики. А.И. Изотов – Ассоциации преподавателей чешского языка как иностранного (Чехия), О.А. Остапчук – Российской ассоциации украинистов, а А.Г. Машкова является членом Ассоциации писательских организаций Словакии. Н.Е. Ананьева входит в состав редакции следующих зарубежных славистических изданий: «Полонистика» (Минск, Белоруссия), *Rozprawy Komisji Językowej* (Лодзь, Польша). А.И. Изотов – член редколлегии периодического издания «Язык, сознание, коммуникация», на страницах которого печатаются статьи как самого Изотова, так и его коллег по кафедре.

Заслуги сотрудников кафедры высоко оценены странами, языки и литературы которых преподаются на славянском отделении. Многие преподаватели награждены государственными и ведомственными наградами славянских государств.

Основная беда кафедры – это уменьшение числа студентов (в 2 и более раза по сравнению с предыдущими десятилетиями, когда на каждом курсе было по 20 чел., т. е. одновременно обучалось 100 чел., а сейчас 43). Причины такой ситуации многообразны: это и общий с западноевропейской филологией конкурс («зарубежная филология»), и демографическая «яма», и

утрата (как это ни печально) мотиваций для занятия славистикой. Кафедра старается как-то преодолеть эти трудности, но не всё зависит от наших усилий и желаний. Необходимо изменение государственного подхода к славистике и вообще к гуманитарному знанию.

В целях популяризации славистики и привлечения возможных абитуриентов сотрудники кафедры славянской филологии активно устанавливают контакты со школами (лицеем на Донской и др.), участвуют в проведении дистанционных олимпиад филологического факультета (Е.В. Тимонина и др.). В 2006 г. под редакцией В.П. Гудкова издано пособие «Славянские языки для абитуриентов. Вып. I.», в котором в популярной форме излагаются сведения по болгарскому и польскому языкам (авторы Н.Е. Ананьева, О.А. Ржанникова, Е.В. Тимонина).

В конце 1970-х – начале 1990-х гг. на кафедре ежегодно проводились славянские вечера, на которых студенты выступали с театральными представлениями, песнями и стихами на изучаемых инославянских языках. Затем эта традиция несколько «приугасла», хотя по отдельным секциям продолжалось проведение вечеров. Так, чешские группы регулярно отмечают день св. Микулаша (под руководством Н.В. Воробьевой), а студенты-болгаристы проводят вечера, посвященные началу весны – 1 марта. В последнее время в связи с празднованием Дня славянской письменности как дня встречи выпускников славянского отделения старая традиция понемногу возрождается.

Таков вкратце путь, который прошла кафедра славянской филологии за последние 10 лет со всеми его достижениями и потерями. Будем надеяться, что кафедре удастся через 10 лет отметить очередной юбилей новыми достижениями в педагогической и научной деятельности.

Литература

Гудков В.П., Скорвид С.С., Цыбенко Е.З. Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета: Очерки истории. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 183–220.

Сведения об авторе:
Наталья Евгеньевна Ананьева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Natalia Ananjeva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Бонка Христова Даскалова

Лингвистическая прагматика на поле методических новаций

Annotatsiya: Двете най-важни компетенции при изучаване на чужди езици са лексикалната и граматическата. В областта на граматиката е направено не малко – създадени са различни видове граматика: описателна, функционална, практическа. В областта на лексиката също са създадени речници с цел улесняване на чуждоезиковото обучение – покрай традиционните разговорници се създават честотни, валентни и тематични речници. Все пак има още свободно поле на действие в тази област. В нашето пособие ние сме взели само глаголите като части на речта и сме ги представили във вид, удобен за изучаване от рускоговорещи.

Ключови думи: обучение по чужди езици; обучение на рускоговорещи; учебно пособие по български глаголи

Abstract: The two most important competencies in learning foreign languages are lexical and grammatical. Different types of grammar exist: descriptive, functional and practical. In the lexical field have been developed dictionaries in order to make foreign language teachings easier – besides the traditional phrase-books are also developed frequency, valence and thematic dictionaries. However there is still a free field of action in this area. In our textbook we have only taken the verbs as part of the speech and introduced them in a very convenient way for Russian speakers' learning.

Key words: foreign language teachings; teachings for Russian speakers'; textbook of bulgarian verbs

Во время преподавания болгарского языка как иностранного, я часто сталкивалась с проблемой, когда использование какой-то глагольной формы не всегда соответствует общепринятой грамматической теории. Кроме того, я в своем большом педагогическом опыте сталкиваюсь с вопросом: почему определенная глагольная форма выполняет столь непривычную функцию в данном контексте. Для носителя языка эти вопросы являются лишними, поскольку в его сознании действует языковая интуиция. Например, для болгарина вопросы «Трябва ли да отидеш там?» и «Трябва ли да отиваш там?» или «Нужно ли е да направиш това?» и «Нужно ли е да правиш това?» имеют тонкую семантическую разницу как обычный вопрос и оттенок сомнения или неодобрения. Вряд ли говорящий осознает, какую роль выполняет здесь

вид глагола. Но для иностранного обучаемого, в частности для русскоговорящего, у которого, тем более, существует понятие о виде глагола, эти языковые ситуации вызывают ряд вопросов: почему, как и когда появляется совершенный или несовершенный вид глагола?

Возникает вопрос, нужно ли при обучении иностранным языкам строго придерживаться норм официальной грамматики и осуществлять длинные объяснения. Не лучше ли будет, если обучение будет направлено на коммуникативные цели в развитии речи и обогащение языкового общения?

В обучении иностранным языкам две самые важные компетенции – лексическая и грамматическая. В сфере грамматики сделано немало; созданы разные виды грамматик: описательная, функциональная, практическая. В области лексикологии тоже созданы словари, имеющие целью совершенствование процесса обучения иностранным языкам: разговорники, частотные, валентные, тематические словари. Но в этой области осталось еще свободное поле для творческой работы преподавателя. И вот я решила создать такой глагольный грамматический словарь, в котором представила только глаголы болгарского языка как часть речи, и представила их в виде, удобном для изучения русскоговорящими студентами¹.

Что является новым в настоящем пособии?

До сих пор такого учебного пособия по методике преподавания болгарского языка как иностранного не было, тем более пособия для русскоговорящих учащихся. Пособие построено с учетом следующих особенностей обучаемых:

- этнопсихологическое своеобразие россиян, изучающих болгарский язык;
- различный возраст обучаемых, определяющий их восприятие болгарского текста.

Исходя из поставленных задач подача материала была построена максимально удобно для восприятия: отдельно представлены видовые двойки, возвратные глаголы и их русские соответствия, а также даны примеры их применения в речи или тексте. Даны также три формы спряжения соответствующего глагола, его окончания, указаны категории: переходность / непереходность, валентность, его сочетаемость с различными предлогами.

Способ, по которому распределены глаголы в учебном пособии, представлен в соответствии с грамматическими теориями, которые существуют в филологических исследованиях и которые я – как автор – разделяю. Я хотела бы сказать о них несколько слов.

Деление глаголов на виды особенно характерно для славянских языков, в которых вид занимает основное место в значении глагола. Функция глагольных видов довольно сложна, и в лингвистике по этому вопросу нет единого

¹ Даскалова Б. 4000 самых важных болгарских глаголов. Грамматический учебный словарь. М., 2013.

мнения. Это особенно касается болгарского языка, где функция вида отделяется от функции глагольных времен. Вид глагола определяет действие со стороны его внутренней завершенности или незавершенности независимо от его отношения ко времени.

Глагольный вид – общеславянская категория, но имеющая существенные различия в разных языках. Этот вопрос подробно рассмотрен на теоретическом уровне в книге Светомира Иванчева «Проблеми на аспектуалността в славянските езици» (София, 1971)¹. Автор отмечает, что в лексикографической практике (в толковых и двуязычных словарях) существует тенденция к абсолютизации видовых пар и это затрудняет толкование глаголов. Он предлагает представлять отдельные глаголы в самостоятельной статье, если их семантика требует этого. Профессор С. Иванчев отмечает, что «представление и толкование болгарских глаголов в лексикографической практике имеет значительные неудачи и противоречия, которые нужно исправить. Нужно создать новую методику представления глаголов»². Он показывает сложность этой категории и мнение других лингвистов, таких как А.В. Исаченко, который также указывает на «нестабильность теоретической основы, на которой строится все учение про грамматическую сущность этой категории»³.

Нужно согласиться с мнением профессора Иванчева, что кроме «одной центральной, многочисленной и яркой группы глаголов, у которых есть несовершенный и совершенный вид... в болгарском языке существует значительная группа имперфектива тантум»⁴. Профессор Ю. Маслов тоже насчитывает 80 (вместе с устаревшими формами – 97) глаголов, которые функционируют как глаголы несовершенного вида⁵. По сравнению с русским языком, в котором эта категория насчитывает около 35 глаголов, в других славянских языках она также гораздо меньше, чем в болгарском языке.

Профессор Любомир Андрейчин еще раньше в своей «Грамматике болгарского языка» отмечал, что «первичные по происхождению глаголы, которые нельзя произвести от каких-либо других слов в языке, в своем большинстве являются несовершенными по виду: бия, грея, зрея, пиша, пия, плета, правя, спя, чета, ям и др.»⁶ Но он не определяет категорически эту категорию как самостоятельную, потому что это противоречило бы его мнению, что «глагольные виды выражают по существу не различные действия, а только различные взгляды на действия». И дает очень удобный пример: «Для выражения одного и того же действия можно употреблять то несовершенный, то совершенный вид соот-

¹ Иванчев С. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.

² Иванчев С. Проблеми... С. 77.

³ Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, Морфология, II. Братислава, 1960. С. 161.

⁴ Иванчев С. Проблеми на аспектуалността... С. 79.

⁵ Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском языке. М.; Л., 1963. С. 14–15.

⁶ Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949. С. 137.

ветствующего глагола: *купих си днес много книги* (купил себе сегодня много книг); *купувах ги цял час* (покупал их целый час) или *преписвах цял ден и преписах 30 страници* (переписывал целый день и переписал 30 страниц)». Сразу после того он пишет: «Чтобы избежать некоторых недоразумений, следует отметить, что “целостность” действия в глаголе совершенного вида воспринимается сама по себе, а не с точки зрения других глаголов с более широким значением... например *пея-запея*»¹.

Мы считаем, что абсолютизировать эту категорию и искать в каждом глаголе видовую пару неправильно, это не соответствует реальной языковой ситуации и, кроме того, является недостаточно правильным в методике преподавания болгарского языка. Будет правильнее еще в начале преподавания этой категории языка обратить внимание учащихся на то, что, на самом деле, существуют разные группы глаголов.

Мы предлагаем классифицировать глаголы по трем группам.

1. Первую и самую большую группу составляют глаголы, образующие видовые пары.

2. Вторая – это «первичные глаголы» (по определению Л. Андрейчина) или «плюралия тантум» (по определению С. Иванчева).

3. Третья группа – это двувидовые глаголы типа: *адресирам, изследвам, съществувам, абонирам, рисувам* и многие другие.

О них проф. Л. Андрейчин пишет: «Глаголы, не образующие таких видовых пар, употребляющиеся и как совершенные и как несовершенные, встречаются только как исключение»². Если в сороковых годах существовала такая языковая ситуация, то в 2013 г. она сильно изменилась. Таких двувидовых глаголов уже очень много, и чтобы убедиться в этом, достаточно открыть первые 3–4 страницы пособия, написанного мной. Нужно подчеркнуть, что в русском языке эти новые двувидовые глаголы в своем большинстве не остаются самостоятельными, а образуют префигированные глаголы совершенного вида: *блокировать / заблокировать, асфальтировать / заасфальтировать, аккумулятировать / саккумулировать* и многие другие.

Исходя из вышесказанного я хочу представить вам методическое пособие «4000 самых важных болгарских глаголов, в котором учтены все особенности болгарского глагола и его соответствия с русским глаголом и показаны различия между ними.

СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВАРЯ

Словарные статьи разпределены на две отдельные колонки: первая колонка показывает несовершенный вид болгарского глагола с его переводом на русский язык, а вторая колонка – совершенный вид болгарского глагола и его

¹ Андрейчин Л. Грамматика... С. 133.

² Андрейчин Л. Грамматика... С. 136.

перевод на русский язык. Такое распределение сделано по нескольким причинам.

Первая причина связана с тем, что мы поддерживаем мнение некоторых славистов, таких как Светомир Иванчев, Борис Норман и др., считающих, что «носители значений совершенного и несовершенного видов традиционно квалифицируются в славянской грамматике как разные слова. Действительно, данная семантическая оппозиция выражается противопоставлением глагольных основ, а нередко и типов спряжения и, следовательно, члены этих противопоставлений должны быть охарактеризованы как самостоятельные лексемы»¹.

С теоретической точки зрения можно, конечно, возразить и принять, что члены видовой пары только формы одного и того же глагола. Однако на практике видовое противопоставление чаще бывает обременено дополнительными лексико-семантическими оттенками. Все приставки не только переводят глагол из несовершенного вида в совершенный, но и привносят в глагол другое значение. Это наиболее наглядно проявляется при сравнении однокоренных приставочных глаголов, например: *бера, събера, забера, избе-ра, прибера, набера* и т. д. Поэтому многим глаголам несовершенного вида мы не представили соответствия – глаголы совершенного вида, оставив лакуны. Считаем, что эти глаголы – при присоединении разных приставок – в значительной степени изменяют свое значение и должны остаться в группе первичных глаголов имперфектива тантум. Но на месте, где появляется префиксальный глагол совершенного вида, мы показываем в колонке его «вторичный» несовершенный вид, так как считаем, что данная форма сохраняет лексическое тождество производящей основы. В этом случае члены видовой пары различаются чисто грамматически и могут быть названы формами одного глагола: *изградя / изграждам, преписа / преписвам* и т. д.

Все-таки мы пошли на компромисс, и некоторые пары глаголов с общераспространенным значением, когда приставка сильно не изменяет значение глагола, мы дали как форму совершенного вида в видовой паре: *пиша – напиша; правя – направя; чета – прочета; пия – изпия* и т. д.

В случае, когда в болгарском языке глагол имеет только одну форму, которая является двувидовой, мы повторяем ее в обеих колонках, так как часто в русском языке у этого глагола есть видовая пара, например: *адмирирам – восхищаться / восхититься; фотографирам – фотографировать / сфотографировать* и т. д.

Вторая причина, по которой мы представили материал в двух колонках, – это то, что такой способ подачи учебного материала максимально удобен для восприятия студентами. Очень часто изучающим болгарский язык сложно ориентироваться в глагольных соответствиях между болгарским и русским языком, и возникают сложности при попытке точного перевода данной глагольной формы. Четко показаны соответствия между болгарским несовер-

¹ Норман Б.Ю. Болгарский язык. Минск, 1980. С. 176.

шенным видом и русским глаголом несовершенного вида, болгарским глаголом совершенного вида и русским глаголом совершенного вида. По нашему мнению, описанные соответствия будут способствовать более легкому запоминанию этих двух форм.

С учетом психометодики – формы одного и того же глагола с возвратным и невозвратным значением тоже даны отдельно. Потому что очень часто бывает, что они не только имеют отдельные формы, но и разные значения, ср.: *връщам / връщам се; казвам / казвам се* и т. д. С другой стороны, возвратная и невозвратная форма болгарского глагола иногда имеет совершенно различное значение в русском языке, и это должно быть указано: *връщам* – сдавать обратно; *връщам се* – возвращаться; *казвам* – говорить; *казвам се* – меня зовут... Кроме того, иногда бывает несоответствие между возвратной и невозвратной глагольными формами в русском и болгарском языках. Например, болгарский возвратный глагол *шегувам се* соответствует русскому невозвратному глаголу *шутить*, или наоборот: болгарский невозвратный глагол *започвам* соответствует русскому возвратному глаголу *начинаться*.

Поскольку с добавлением частицы *се* меняется и категория глагола: переходный становится непереходным, необходимо разделить и эти две его формы, так как они воспринимаются как отдельные лексемы.

Болгарские возвратные глаголы намного разнообразнее по значению, чем русские возвратные глаголы. Если мы добавим и те болгарские глаголы с морфемой *си*, у которой нет соответствия в русском языке, выяснится, почему необходимо выделить возвратные глаголы в отдельную статью.

Для каждого глагола указаны окончания второго лица настоящего времени, которое показывает спряжение глагола; окончание аориста (прошедшего совершенного времени), потому что это одна из самых трудных категорий в изучении болгарского глагола. Указана также валентность каждого глагола – его переходность или непереходность; для последних даны предлоги, с которыми они могут сочетаться. В случаях, когда появляется несколько предлогов (особенно у глаголов движения), – даны и отдельные примеры в виде целых предложений или минимальных структур. Для глаголов с многофункциональной ролью в предложении приведены самые фреквентные фразеологические выражения, а иногда и пословицы.

Владение болгарской глагольной системой – эта одна из самых сложных задач для тех, кто изучает болгарский язык как иностранный. Поэтому настоящее методическое пособие направлено именно на эту область лексики и грамматики болгарского языка.

Мы надеемся, что это учебное пособие, представляющее болгарские глаголы, будет полезным для всех, кто желает в полной мере овладеть культурой болгарской речи и глубоко изучить эти два одновременно похожих и различающихся славянских языка – болгарский и русский.

Сведения об авторе:
Бонка Христова Даскалова
Ph.D, история средних веков
преподаватель болгарского языка для иностранцев
Софийский университет им. Святого Климента Охридского

Bonka Christova Daskalova,
Ph.D, History of the Middle Ages
Bulgarian language teacher for foreigners
Sofia University. St. Kliment Ohridski
e-mail: bonnykadife@yahoo.com

О.А. Ржанникова, Е.В. Тимонина

О некоторых грамматических проблемах перевода с болгарского языка на русский

*На материале работ, представленных
на Российский студенческий конкурс
художественного перевода
с болгарского языка на русский.*

Аннотация: В настоящем докладе рассмотрены грамматические трудности при переводе с болгарского языка на русский. Дан краткий обзор проблем, обусловленных различиями в глагольных системах двух языков. Более детально рассмотрены трудности, связанные с наличием в болгарском языке грамматической категории определенности, отсутствующей в русском языке.

Ключевые слова: художественный перевод, грамматические трудности перевода, различия в грамматических системах, глагольная система, категория эвиденциальности, именная система, категория определенности

Abstract: The current paper is devoted to grammar difficulties of translation from Bulgarian into Russian. The report contains a concise review of problems caused by differences in verb systems of two languages. More attention is devoted to possible difficulties concerned with Bulgarian category of definiteness, which is not found in Russian.

Key words: literary translation, grammar difficulties of translation, differences in grammar systems, verb system, category of evidentiality, noun system, category of definiteness

Одной из важнейших составляющих филологического образования и существенным аспектом изучения иностранных языков является освоение навыков профессионального перевода, в том числе и художественного перевода. Художественный перевод, как известно, сложная многоплановая деятельность, которая, несомненно, носит творческий характер. Совершенно очевидно, что обучение этому виду деятельности требует особого подхода и не может сводиться к формированию только тех навыков, которые предусматриваются «обычными» языковыми занятиями. Обучение художественному переводу в значительной степени должно быть направлено на развитие твор-

ческой интуиции, поскольку только глубокое проникновение в идеи автора, реализованные через определенную совокупность языковых средств, позволяет переводчику передать эквивалентно и адекватно содержание переводимого произведения, показать его особенности с помощью средств другого языка.

На филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова студентам славянского отделения, в том числе и студентам-болгаристам, читается лекционный курс «Теория перевода» (5 курс, 36 часов). Слушая данный курс, студенты получают теоретические знания, позволяющие им обобщить переводческие навыки, приобретенные на практических занятиях по славянским языкам (в нашем случае – болгарскому).

В целях стимулирования интереса студентов-болгаристов к художественному переводу, к профессиональной переводческой деятельности с 2001 г. в Москве ежегодно проводится студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский. Конкурс организуют филологический факультет и факультет иностранных языков и регионоведения МГУ при содействии Посольства Республики Болгарии в Российской Федерации и Болгарского культурного института в Москве.

Ежегодно в конкурсе принимают участие 30–50 студентов-болгаристов. Кроме студентов названных факультетов-организаторов, свои переводы представляют и студенты исторического факультета МГУ, филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Государственной академии славянской культуры, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

В качестве конкурсных заданий обычно предлагаются произведения или отрывки из произведений современных болгарских писателей: Йордана Радичкова, Станислава Стратиева, Стефана Цанева, Благи Димитровой, Георги Господинова, Деяна Энева, Кристин Димитровой и др.

Выбирая конкретное литературное произведение как конкурсное задание, организаторы конкурса руководствуются не только художественно-эстетическими, но и профессиональными переводческими соображениями. Произведение, избранное как объект конкурсного художественного перевода, непременно должно заключать в себе определенную переводческую задачу. Это может быть, например, задача передачи реалий, упомянутых или описанных в тексте, или присутствующей в нем фоновой информации; это может быть проблема, связанная с представленной в тексте разговорной, диалектной или детской речью, окказиональной лексикой.

Для студентов-участников конкурс является отличной возможностью реализовать на практике свои умения и навыки и проверить уровень этих умений и навыков в ситуации, имитирующей условия реальной переводческой деятельности. Для нас, преподавателей-болгаристов, конкурс и представленные на него работы – источник чрезвычайно важного материала, на основе которого мы мо-

жем уточнять направления подготовки будущих специалистов, корректировать и совершенствовать учебный процесс в его различных аспектах.

Конкурс уже обозначил ряд проблем, требующих серьезного осмысления, принес конкретные результаты, позволяющие сделать некоторые выводы, обобщить и проанализировать типичные студенческие ошибки, наметить пути устранения таких ошибок.

Обобщению и анализу результатов конкурса посвящен ряд наших работ, опубликованных в России, Болгарии, других странах¹.

Говоря о проблемах перевода, считаем необходимым отметить, что довольно часто специалисты по теории и практике художественного перевода, анализируя переводческие трудности, имеют в виду прежде всего лексические и стилистические трудности, а также проблемы, проистекающие из сущности перевода как вида межкультурной коммуникации. Не являются исключением и перечисленные наши публикации, в которых рассматриваются преимущественно выявленные в конкурсных текстах проблемы лексического, стилистического, культурологического характера и, соответственно, связанные с этими проблемами студенческие ошибки.

Проблемы эти, разумеется, чрезвычайно важны и заслуживают самого серьезного внимания, однако переводческая проблематика в целом имеет и другой аспект – грамматический, который также должен стать объектом профессионального теоретического и практического анализа.

Здесь мы намерены рассмотреть некоторые переводческие проблемы, связанные с так называемой межъязыковой грамматической асимметрией, которая выражается в том, что в принимающем языке отсутствуют некоторые грамматические категории, представленные в языке оригинала.

По нашему мнению, при переводе с болгарского языка на русский могут проявиться, с одной стороны, сравнительно легко прогнозируемые грамматические проблемы (проистекающие прежде всего из различий в глагольных системах двух языков), а с другой стороны – трудности, которые в определенной степени оказываются неожиданными для нас, преподавателей, работающих со студенческими переводами.

Среди прогнозируемых трудностей прежде всего, разумеется, следует указать трудности, проистекающие из наличия в болгарском языке грамматической категории эвиденциальности, которая своим сложным устройством и

¹ *Ржанникова О., Тимонина Е.* Некоторые размышления в связи со студенческим конкурсом художественного перевода // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 292–299; *Ржанникова О., Тимонина Е.* Към въпроса за фоновата информация при художествен превод // Българистични проучвания. Т. 12. Велико Търново, 2008. С. 97–109; *Ржанникова О., Тимонина Е.* О некоторых стилистических трудностях при переводе художественного текста (на материале переводов с болгарского языка на русский) // *Studia slavica savariensia.* 1–2. Szombathely, 2008. С. 325–333; *Ржанникова О., Тимонина Е.* Перевод художественного текста на русский язык: некоторые проблемы обучения студентов-болгаристов // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 183–192 и др.

многообразием форм создает проблемы при переводе на язык, в котором подобная грамматическая категория не представлена.

Некоторые конкретные переводческие решения, связанные с употреблением несвидетельских форм в оригинальном болгарском тексте, рассмотрены и в наших публикациях¹. В названной статье на базе анализа весьма обширного материала, почерпнутого из представленных на конкурс текстов, мы делаем вывод, что при переводе с болгарского языка на русский переводчик должен иметь абсолютно ясное представление о семантико-прагматических характеристиках присутствующих в болгарском тексте несвидетельских форм, стремиться с помощью компенсирующих трансформаций передать эти характеристики, используя подходящие средства русского языка (прежде всего лексические), и в каждом конкретном случае точно оценивать со стилистической точки зрения использованные русские лексемы.

О глагольных временах как переводческой проблеме говорят довольно редко. Однако наш опыт показывает, что и здесь переводчик может столкнуться со сложными случаями (связанными прежде всего с относительными временами) и неправильное переводческое решение может привести к смысловым (логическим) ошибкам.

Рассмотрим пример:

Казах им, че даскалът е умрял. Баба – също. Бяха отсекли крушата, ябълката и вековния орех².

Студенческий перевод:

Я сказал им, что старый учитель умер. Бабушка – тоже. Они срубили грушу, яблоню и вековой грецкий орех.

В данном студенческом переводе налицо явная смысловая ошибка. При чтении русского текста возникает неправильное впечатление прямой последовательности действий, тогда как в болгарском авторском тексте речь идет совсем о другом: сообщив о смерти деда и бабушки, герой оглядывается и видит, что их старый сад теперь совсем не такой, каким был раньше (именно этот смысл вкладывает автор в свое предложение, употребляя в нем прошедшее предварительное время).

Вслед за предложенным кратким обзором прогнозируемых переводческих трудностей (и, соответственно, студенческих ошибок и погрешностей), вызванных различиями в глагольных системах двух языков, мы рассмотрим некоторые проблемы (и ошибки), в определенной степени оказавшиеся неожиданными для нас. Мы имеем в виду трудности и ошибки, связанные с грам-

¹ *Ржанникова О. Тимонина Е.* Болгарские несвидетельские формы как переводческая проблема (на материале работ, представленных на студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский) // Русистика: язык, культура, перевод. Юбилейная международная научная конференция. София, 23–25 ноября 2011 г. Доклады. С., 2012. С. 363–368.

² *Енев Д.* Събуди ме, когато август свърши. http://liternet.bg/publish13/d_enev/sybudi.htm

матической категорией определенности. Считаем необходимым отметить, что данная категория, глубоко и всестороннее изученная теоретически, довольно редко анализируется как категория, порождающая проблемы при переводе. Однако в студенческих работах обнаруживаются примеры переводческих просчетов, требующие специального анализа.

Довольно значительная группа ошибок связана с так называемыми предложениями тождества – предложениями, в которых в болгарском языке именная часть сказуемого употребляется с определенным артиклем. В таких предложениях сказуемое, именная часть которого употреблена с определенным артиклем, не дает новую характеристику подлежащего, а называет заранее определенное множество, в которое входит и подлежащее. В русском языке такие отношения между подлежащим и сказуемым, как правило, передаются с помощью частиц или интонационно (в устной речи).

Анализ конкурсных переводов показал, что студенты не всегда осознают разницу между предложениями, в которых именная часть сказуемого представлена с нулевым артиклем, с одной стороны, и такими предложениями, в которых именная часть сказуемого имеет определенный артикль – с другой. Как результат – в студенческих работах далеко не всегда представлен эквивалентный (и адекватный) перевод предложений, в которых именная часть сказуемого имеет определенный артикль.

Рассмотрим пример:

Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надявахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде забелязаният, удостоеният¹.

Студенческий перевод:

*Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, кто-то из нас будет **замечен, удостоен**.*

Данный перевод нельзя признать эквивалентным (и адекватным), поскольку в нем сказуемое дает новую характеристику подлежащего и в данном русском высказывании соответственно реализуется коммуникативное намерение говорящего сообщить, что кого-то заметят. Фактически представлен перевод совершенно другого болгарского предложения, с иной коммуникативной перспективой и соответственно другим логическим ударением:

*Ние зубрехме с машинално упорство и тайно се надявахме подир две години, в единайсетия клас, някой от нас да бъде **забелязан, удостоен**.*

Как представляется, коммуникативную направленность болгарского предложения из текста Б. Томова более точно передал бы следующий перевод (с принятыми серьезными грамматическими трансформациями):

¹ Томов Б. Нос Павликени. С., 2008. С. 113.

Мы зубрили с машинальным упорством и втайне надеялись, что через два года, в одиннадцатом классе, один из нас окажется тем, кого заметили, удостоили.

Еще одна непростая (и при этом довольно распространенная) переводческая проблема связана с подлежащим, употребленным с нулевым артиклем в начале предложения:

*На перона отведнъж се възцари тишина... **Посрещачи и заминаващи** стояха в замръзнал разкряч¹.*

Студенческий перевод:

*На перроне вдруг воцарилась тишина. **Встречающие и отбывающие** стояли словно застыв.*

Подобный перевод нельзя признать полностью адекватным. Коммуникативная цель данного болгарского предложения – сообщение о том, что происходило на перроне (каково было положение дел), а коммуникативная цель представленного как перевод русского предложения – сообщить, что делали **встречающие и отбывающие**. Фактически русское предложение является переводом совершенно другого болгарского предложения, с подлежащим, употребленным с определенным артиклем:

*На перона отведнъж се възцари тишина... **Посрещачите и заминаващите** стояха в замръзнал разкряч.*

Более адекватный перевод вышеуказанного болгарского предложения из авторского текста представляло бы русское предложение с обратным порядком слов:

*На перроне вдруг воцарилась тишина. **Словно застыв стояли встречающие и отбывающие.***

Разумеется, нами рассмотрены далеко не все грамматические трудности, возникающие при переводе с болгарского языка на русский. Наша цель состояла в том, чтобы проанализировать и обобщить языковой материал, собранный в процессе нашей работы со студенческими конкурсными текстами. Полученные результаты мы намерены использовать как базу для дальнейшего совершенствования своей работы не только в «чисто грамматическом», но и в «переводчески-грамматическом» аспекте.

Сведения об авторах:

Ольга Александровна Ржанникова,
канд. филол. наук
доцент
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
olgrzhannikova@yandex.ru

Olga Rzhannikova,
Ass. Prof. Department of the Slavic Philology

¹ Там же. С. 39.

Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Russian Federation

Елена Васильевна Тимонина,
ст. преподаватель
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
timoninaev@rambler.ru

Elena Timonina,
Senior lecturer
Department of the Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Russian Federation

А.А. Смирнов

Проблема соотношения исторического и аксиологического метода в изучении литературы

Аннотация: Историзм – это осознание того факта, что в науке, искусстве, литературе и в целом в культуре всякая познавательная деятельность с необходимостью сопровождается установлением генезиса, происхождения, становления и развития избранных для понимания объектов. Историзм – принцип подхода к явлениям материальной и духовной культуры в процессе ее художественного или научного исследования.

Историзм как метод возник в эпоху романтизма. У истоков разработки этого понятия стоят Ф.К. Савиньи, В. Гримм, Л. фон Ранке, а также французские историки эпохи Реставрации Гизо, Тьерри, Минье. Историчность человека и творений его духовной составляющей была философски осознана в XIX веке как содержащаяся в его существовании возможность развития и совершенствования, как превращение в такое существо, которое осознает себя и как объект, и как субъект целостного жизненного процесса. Человек в эпоху романтизма выступает в единстве времени и вечности.

Художественная литература в первую очередь придает миру эстетические и этические ценности, поэтому литература и аксиология всегда оказываются соотносенными – история культуры, прежде всего, утверждает себя через систему ценностей. Ценности сегодняшнего этапа развития литературы и искусства перестают быть всеохватными, всеобъемлющими, исторические изменения, которые они претерпели за последнее время, стали настолько существенными, что литературно-художественный текст приобрел ситуативный характер.

Наиболее важной для литературоведов XIX – начала XX веков всегда была проблема установления мирового канона в литературе и искусстве, именно она наиболее тесно связана с установлением критериев литературных ценностей, критериев отбора текстов.

Задача выбора ценностей мировой литературы, шедевров всех времен и народов закономерно приводит к постановке и решению конкретных аксиологических проблем, к выработке критериев их отбора. На первый план, конечно, выхо-

дят проблемы литературных ценностей и тех ее компонентов, которые свидетельствуют о принадлежности текста к «изящной словесности».

Современная аксиология искусства озабочена многими проблемами, среди которых четыре остаются определяющими:

1. заключаются ли литературные ценности только в самом художественном тексте или также и в его восприятии;

2. почему ценности восприятия текста выступают на первый план в литературной критике и школьном преподавании литературы;

3. обладают ли ценностью ритуальные, политические, «терапевтические» ценности искусства;

4. как разграничить практические и собственно художественные функции текста с помощью новых методов аксиологии?

Ключевые слова: историзм, система ценностей, развитие и обогащение литературы, особенности литературного процесса

Abstract: Historicism – is the realisation of the fact that science, art , literature and culture in general – any cognitive activity – with the necessity accompanied by the establishment of the genesis, origin, formation and development of selected objects for understanding. Historicism – a principle approach to the phenomena of material and spiritual culture in the process of artistic or scientific research.

Historicism as a method originated in the era of Romanticism. At the beginning of the development of this concept were F.K. Savigny, W. Grimm , L. von Ranke, as well as the works of the French historians of the Restoration Guizot, Thierry, Mignet. Historicity of human creations and its spiritual component was philosophically understood in the XIX century as contained in its existence the possibility of developing and improving as conversion to a creature that is aware of itself as an object , and as the subject of a holistic process of life. Man in the Age of Romanticism stands in unity of time and eternity.

Fiction first of all provides aesthetic and ethical values, so literature and axiology are always correlated – history of culture, primarily asserts itself through a system of values. Values of the current stage of development of literature and art cease to be an inclusive, comprehensive, historical changes they have undergone in recent years, become essential that literary text acquired situational.

The most important for literary XIX – early XX centuries has always been the problem of establishing the canon of world literature and art, it is most closely connected with the establishment of criteria for literary values, criteria for the selection of texts.

The task of choosing the values of world literature masterpieces of all times and peoples naturally leads to the formulation and solution of specific axiological problems, to develop the criteria for their selection. Of first importance, of course, are the problems of literary values and those components that indicate that a text is «belles-lettres».

Axiology of modern art is concerned with many problems, among which four are decisive:

1. whether literary values conclude only in the literary text, or also in its perception;
2. why the value perception of the text comes first in literary criticism and school teaching literature;
3. whether the ritual, political, «therapeutic» values possess the artistic value;
4. how to distinguish practical and artistic functions of a text using new axiological methods?

Key words: historicism, values, development and enrichment of the literature, especially the literary process

Историзм – это осознание того факта, что в науке, искусстве, литературе и в целом в культуре всякая познавательная деятельность с необходимостью сопровождается установлением генезиса, происхождения, становления и развития избранных для понимания объектов. Историзм – принцип подхода к явлениям материальной и духовной культуры в процессе ее художественного или научного исследования.

Только в новое время было признано значение историзма для исследования истины. Литературоведение и методика преподавания литературе стали формироваться как самостоятельные дисциплины в XIX веке параллельно с утверждением принципа историзма. В XX веке участились нападки на историзм под влиянием идей Ф. Ницше, который полагал, что историзм есть «отступление в прошлое» перед трудностью в постижении настоящего. Изучение истории приносит больше вреда, чем пользы, при избытке исторического образования жизнь разрушается, а вслед за ней вырождается и человек¹. Признание относительности истинного значения истории литературы для школьного образования охватил и методистов Европы в конце XX в. Историзм в «дурном» его понимании препятствует правильному пониманию великих созданий искусства прошлого. Вне исторического контекста эпохи в ее целостности и неповторимости суть художественных открытий классиков остается закрытой. Национальное своеобразие исторического развития искусства и литературы невозможно объяснить без острого ощущения смены эпох, социальных отношений, быта и психологии людей как древних, так и новых периодов истории.

Важно различать историзм художественного произведения и историзм научного сочинения. Если первое связано с тем, чтобы запечатлеть отражение хода истории в сознании людей, то в науке о литературе, которая является

¹ *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. СПб., 1905. См. книгу Фридриха Мейнеке «Возникновение историзма» 1936 г. (*Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. Berlin, 1936), где он защищает историзм от упрека в том, будто историзм является отступлением в прошлое перед лицом современности.

одной из важнейших составляющих процесса обучения, без усвоения закономерностей становления и развития художественной мысли немислимо познание произведений классиков¹.

Художественное освоение конкретно-исторического содержания в ту или иную эпоху обладает неповторимым обликом и колоритом. Жизнь героев прошлого всегда по необходимости воссоздается в завершенном культурном контексте. Это требует от преподавателя литературы, равно и читателя, компетентного объяснения, тщательного комментирования. Вопрос о «текстовой компетентности», т. е. способности адекватно и полно понимать текст, – ключевой в методике преподавания литературы. Текстовая компетенция не сводится к владению языком и пониманию словарных значений слов. В ее основе лежит не «словарь», а «энциклопедия», т. е. реальная исторически обусловленная совокупность культурно-исторических представлений, в которых отражается в полном объеме память культурного коллектива. Энциклопедическая компетентность носит межтекстовый характер, она обеспечивает переход от одного текста к другому, являясь основой всякой интерпретации. Подобного рода компетентность значима и действенна не только в отношении к отдельному тексту, но отдельному слову. Богатство значения художественного слова содержит целую программу, поэтому его можно рассматривать как потенциально новый текст. Сам текст есть развертывание внутренних возможностей слова. Активность читателя, к которой взывает и которую призван обеспечить учитель, составляет необходимое условие сотрудничества писателя, читателя, посредника между ними, без которого текст не может осуществиться как художественное событие. Все механизмы текста живут за счет тех смыслов, которые актуализируются всеми участниками процесса восприятия, даже если нет иногда надежды на реальное существование какого-либо из участников.

Общественное развитие разных народов с неизбежностью отражалось как в общенациональных судьбах, так и в индивидуальных «историях жизни». Любой индивид может быть понят только в свете таких больших коллективных понятий, как народ, нация, эпоха. Сама современность классики в ее читательском восприятии обусловлена историзмом художественного освоения действительности. Настоящее время искусства есть превращение прошлого в будущее.

Историзм как метод возник в эпоху романтизма. У истоков разработки этого понятия стоят Ф.К. Савиньи, В. Гримм, Л. фон Ранке, а также французские историки эпохи Реставрации Гизо, Тьерри, Минье². Историчность человека и творений его духовной составляющей была философски осознана в XIX в. как содержащаяся в его существовании возможность развития и совершенствования, как превращение в такое существо, которое осознает себя и

¹ Baumgaertner A. Cl. / Dahrendorf M. Wozu Literatur in der Schule. Braunschweig, 1970.

² Ranke I. von. Vorrede zur «Weltgeschichte». Bd. 1–4. Berlin 1910 + F. Meinecke. Die Entstehung des Historismus. Berlin. 1936.

как объект, и как субъект целостного жизненного процесса. Человек в эпоху романтизма выступает в единстве времени и вечности. Историчность осознавалась как временная последовательность мировых событий, создающих определенную действительность, а также художественную или научно документированную запись этих событий и их содержания (как правило, в хронологическом порядке). Хотя романтику ближе всего история человеческого рода, но и естественная история включает в свой состав историю возникновения земли с ее недрами, царства растений и животных. Так Александр Гумбольдт в фундаментальной работе «*Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*» (Т. 1–5. 1845–1858, в русском переводе «Космос», 1848–1863) представил мир как природное целое, движимое и оживляемое внутренними силами, стремясь поднять современное ему естествознание до уровня философии природы.

Нет такого объекта в природе, включая и первостихии жизни, которые бы романтики не описали и не вдохновили своим энтузиазмом. Благодаря произведениям Гете и Шиллера, многих европейских философов, ученых и естествоиспытателей были определены задачи исторического исследования – из совокупности исторических событий, дошедших до нас, выбрать те, которые имеют значение для сегодняшнего дня, составить с их помощью историческую картину и вскрыть существующие между ними связи так, чтобы современное состояние науки и культуры человечества представало как их результат. Философ и языковед Вильгельм Гумбольдт утверждал, что исследование истории, как и исследование языка, не является делом только интеллекта, а имеет своей предпосылкой совместную деятельность всех душевных способностей человека. Историк должен проникнуть во внутреннее содержание личности и эпохи, если он хочет добиться открытия исторических закономерностей как чего-то большего, чем бессвязное перечисление внешних результатов¹. Во многом усилиями В. Гумбольдта была осуществлена реформа гуманитарного образования в европейских гимназиях и университетах. Действительно, историческое исследование не стоит над историей, а всегда «вплетено» в ткань времени. В историческом сознании становится ясным незаменимость, неповторимость индивидуального начала, значимость которого нельзя обосновать всеобщей ценностью. Согласно воззрениям романтиков, историческое – это гнущееся и исчезающее, но остающееся вечным во времени. Сама история существует потому, что человек – существо конечное и в этом смысле несовершенное, однако превращения, происходящие в нем благодаря потоку времени, приобщает его к вечному. «Историчность» человека – изнанка его несовершенства. Диалектика истории показывает, что устройство мира постоянно меняется из-за несовершенства человека. Ограниченность человеческого существования исключает возмож-

¹ *Humboldt W.von. Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. 1822.*

ность идеальных устойчивых состояний его культуры, взятой во всех ее проявлениях.

Методика преподавания литературы, представляющая собой систему методов, с необходимостью покоится на принципе историзма, поскольку перед преподавателем проходит становление и развитие личности человека. Все научные дисциплины ставят главной своей задачей выяснение исторических закономерностей своего функционирования, но методика преподавания литературы оказывается в особом положении, вынуждена отстаивать свою специфику в силу указанной выше причины. Специфичность проявляется как в требованиях педагогики и дидактики средней и высшей школы, так и в особенностях отражения действительности в литературе. Знакомство с творчеством классиков осуществляется в школе во всех классах, но объем и сложность этих произведений, как и глубина их изучения неизменно возрастает и расширяется. Для планомерного достижения определенных нравственных, познавательных и эстетических целей необходим и выбор особых способов и образов действия преподавателя. Он всегда должен руководствоваться в этом процессе определенными гипотезами, первое испытание которых заключается в проверке историческим опытом, опытом прошлых поколений. Историзм подхода к решению поставленной задачи дает в руки преподавателю средство проверить, подходит ли вообще избранный метод для достижения поставленной цели и насколько последовательно и плодотворно он использует его в конкретной практике. Разработкой метода поддерживается живой критический дух в работе. Попытки найти единый и универсальный метод, который был бы применим всюду, как показала историческая практика, не существует, более того, каждая проблема требует собственного метода. Метод историзма является основной направляющей линией науки.

Для определения сегодняшней роли и значимости проблем историзма и историчности миропонимания важна проблема ценностей искусства и жизни. Художественная литература напрямую отражает как господствующие тенденции в понимании ценностей, так и их эволюцию. Сами ценности, на которые ориентируются люди, подлежат историческому рассмотрению. Поэтому кратко остановимся на дилеммах ценностных критериев при изучении литературы.

Понятие ценности «позитивно значимое» в науке о литературе; ценностные ориентиры есть функция, а не сущность литературоведческой аксиологии. Любая функция может быть как универсальной (общебытийной, общечеловеческой, связанной с воображением, мыслительной деятельностью), так и обращенной к отдельным национальным объединениям, общественным структурам, отдельной личности. **Именно художественная литература придает миру**

эстетические и этические ценности, поэтому литература и аксиология всегда оказываются соотношенными – история культуры утверждает себя через систему ценностей.

Ценности сегодняшнего этапа развития литературы и искусства перестают быть всеохватными, всеобъемлющими; исторические изменения, которые они претерпели за последнее время, стали настолько существенными, что литературно-художественный текст приобрел ситуативный характер.

Ценность не может охватить то, что ранее было идеалом, влечением, интересом; произошло это в результате резкой поляризации в XX в. этических, эстетических, религиозных, политических и в особенности экономических ценностей. Мысль известного немецкого философа Н. Гартмана о том, что ценность – это идеальная сущность, навсегда осталась в прошлом¹. Потеряла актуальность и мысль Канта о том, что ценность – это лишь царство мыслительных сущностей.

Наиболее важной для литературоведов XIX – начала XX вв. всегда была проблема установления мирового канона в литературе и искусстве, именно она наиболее тесно связана с установлением критериев литературных ценностей, критериев отбора текстов. Особенно важно это обстоятельство для курсов истории национальных и мировых литератур. В XX в. признание текстов в качестве канонических колеблется в разных странах мира. На первый план выступают такие абстрактные критерии, как «универсальность видения мира», «человечески всеобъемлющие масштабы творчества». Для литературоведов также важен критерий воздействия одних литературных текстов на другие, инациональные тексты, находящиеся в других регионах мира. Представители этой точки зрения полагают, что только то принадлежит мировой литературе, что перешагнуло границы территории проживания одной нации, то, что действительно известно другим народам благодаря переводам, подражаниям. В XX в. это обстоятельство (географическое распределение той или иной литературы за пределами Европы) стало исключительно важным в свою очередь, начиная с эпохи романтизма, когда стали цениться восточный стиль и колорит в европейских текстах.

Интернациональное воздействие определяет национальную репутацию – исследователи относят Г. Гейне к мировой литературе, а поэзию и прозу Штифтера и Мёрике к региональной.

Задача выбора ценностей мировой литературы, шедевров всех времен и народов закономерно приводит к постановке и решению конкретных аксиологических проблем, к выработке критериев их отбора. На первый план, конечно, выходят проблемы литературных ценностей и тех ее компонентов, которые свидетельствуют о принадлежности текста к «изысканной словесности». Но так было не всегда; известный европейский критик Г. Брандес считал явлениями мировой литературы сочинения Пастера, Дарвина, Гельм-

¹ *Hartmann N. Ethik. 2 B. Berlin 1935. S. 48–60.*

гольца, Стэнли, Нансена, Мишле. И до сих пор литературные величины определяются нормами, чей ценностный масштаб изменчив и подвержен колебаниям.

До середины XX в. эстетический ранг произведений мирового уровня определялся путем согласия веков («consensus saeculorum»), имел решающее значение и становился одновременно критерием ценности. Романтики считали такими произведениями тексты Библии, Гомера, Шекспира, Данте, Сервантеса, Гете. Их мировое значение оставалось безусловным. С середины XX в. широкое распространение восточных, латиноамериканских и африканских авторов благодаря многочисленным переводам обнаружило невозможность ограничения мировой литературы только шедеврами европейского континента. И хотя уже в XIX в. известны поклонники и пропагандисты китайской, индийской, тюркоязычной, персидской, арабской словесности, но усилия придать их лучшим достижениям мировой статус до сих пор не были успешными.

Благодаря глобализации понимание мировой литературы как мультикультурного явления побеждает все бывшие предубеждения, и евроцентризм потерял свой приоритет. Однако встречаются и другие точки зрения на выработку критериев ценности. Так, Г. Гессе доказывал возможность формирования индивидуальных критериев ценности, когда каждый любитель литературного творчества вырабатывает свои каноны. Нередко Нобелевская премия по литературе становится важнейшим определителем общественных суждений о мировом литературном каноне.

Особый характер литературных ценностей подчеркивает и марксистское литературоведение. Понятие мировой литературы, выработанное в ИМЛИ РАН и в странах Восточной Европы во второй половине XX в., имеет историко-диалектический характер. Понятие национального и универсального применительно к мировому литературному процессу представлено в девяти-томной Истории мировой литературы, вышедшей в Москве в РАН в 1980–1990-е гг. и имеющей определенную значимость¹.

Впервые теоретическое понятие ценности осмыслил немецкий исследователь О. Вальцель, обозначив им объективную сторону литературного текста в его качественном наполнении. Европейские литературоведы поначалу всячески противопоставляли «высокую» литературу тривиальной как безусловную истину для литературной аксиологии².

В академической практике университетов США существует специальный курс «Шедевры мировой литературы» («Masterpieces of World Literature»),

¹ Ср. также: *Träger Cl. Weltgeschichte – Nationalliteratur-Nationalgeschichte* // E. Kuschner, R. Struc (Hg.). Actes du VII-e Congrès de l'Association internationale de Littérature Comparée 11: La Littérature Comparée aujourd'hui: Théorie et pratique. Stuttgart, 1979. S. 488–490.

² *Walzel O. Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters*. Berlin, 1923.

Great Book Courses). В нем отражены западные стандарты отбора литературных ценностей, обоснованные англо-американской аксиологией.

Позднее в связи с изменениями и расширением задач и принципов изучения литературного текста, а именно – исследованием функций литературы в общественном сознании, возник новый подход к понятию ценности. Наряду с «каноническими» текстами и «незрелая» поэзия стала осознаваться как средство массовой эстетической коммуникации, стала утверждаться повествовательная литература со специальными дидактическими установками на восприятие массового читателя («комсомольская» поэзия 1920-х гг., производственный роман, историческая беллетристика, научно-популярная литература). Взгляды литературоведов обратились не только к книгам, но и к театру, переместились на страницы газет, журналов. Тексты радиопередач базировались на особых переработках литературных текстов. Все это вызвало необходимость выдвижения новых критериев литературной ценности в связи с новыми способами их восприятия и оценки.

Новая концепция «предмета» текста была разработана и в Западной Европе; наиболее отчетливо она представлена в работах Р. Ингардена.

Наконец, поставлен вопрос об адекватности рецепции текста, снимающий объективную сторону восприятия его ценности. Благодаря такому «селекционному» подходу, предлагающему наличие многочисленных литературных «посредников», каждый из которых имеет свою шкалу ценностей, определяемую их умственным и эстетическим горизонтом, возникла необычайно широкая амплитуда социокультурных и индивидуальных оценок текстов. Любой текст представители семиотического направления интерпретируют как интересную контролируемую инстанцию в противовес пестроте индивидуального осознания его значения¹.

Если текст понимается лишь как носитель знаков, то проблема ценности встает в совершенно иной плоскости: в нем воспринимается не объективно равный самому себе образ, а динамически ускользающий и постоянно меняющийся смысл. Семиотики правы в том, что настаивают на учете процесса социального и индивидуального отбора ценностных сторон текста, но для целей литературоведения это остается неприемлемым, поскольку в его задачу не входят проблемы распространения, рецепция и любая иная индивидуальная переработка текста. Литературовед стремится к точности текстологически выверенного текста в его интегральной целостности. В семиотически ориентированном литературоведении текст объявляется интересным коммуникатом, и при его исследовании ученые настаивают на том, чтобы принять мнения издательств, книготорговли, литературной критики, школьных и литературных объединений, библиотек, т. е. всех тех, кто оказывает влияние на процесс восприятия литературной «продукта». Перед «новым» литературоведением ставится задача не изучения отдельного текста в

¹ *Morris Ch.W.* Writings on the general theory of signs. The Hague – Paris, 1971.

его историко-социальной и индивидуальной характерности, а исследования системы комплексных связей и взаимодействий, подчиняющегося не только экономике, политике, праву, науке, т. е. иным культурным подсистемам, но и биологическим инстинктам и подсознанию читателя (созерцание смерти, борьба за выживание и т. п.).

Так в системе аксиологии литературы возникает конфликт, когда утверждается принципиально новая иерархия ценностных критериев: этико-политических, экономических, биологических (воля к власти, господство над слабым, радость от аскетического приятия жизни). Борьба антагонистических начал в аксиологии XX в. становится все более очевидной.

Со второй половины XVIII в. основой литературной аксиологии стала теоретически осознанная Баумгартеном новая наука – эстетика, с постулатами которой просветители связывали свои указания на ценности. В классике XIX в. ценности тоже были многоплановыми, но все они обретали свою значимость в лоне позитивного гуманизма, наполненного идеалами мирного счастья, мудрости, чести, верности долгу, справедливости и т. д. Идеал гармонии, красоты и истины был источником ценностных критериев того времени, когда эстетические, теоретические и этические ценности образовывали тесно взаимодействующую триаду. Ценности выступают и как практически обусловленные (антропологическое обоснование долга перед ближним у Чернышевского), и как теоретические (таково понимание идеи отречения от личного счастья у Тургенева).

В XX в. понятие «литературности» становится открытым, и его аксиологический статус можно обозначить только в историко-диахронном плане. Коммуникативная ситуация, базирующаяся на семиотическом восприятии текста, определяется множеством условностей, доходящих до признания ценности низменных человеческих поступков.

В XIX в. эстетика получает дальнейшее развитие и обогащение благодаря немецким философским учениям. В этот период она помогает отвергнуть свойственные предшествующей литературе риторические, дидактические компоненты текста. Понятие ценности утвердилось в XIX в. в трех аспектах: масштаб ценности как основной ее критерий, своеобразие качества, за которое ценится литературный текст, широкое признание публикой, т. е. действенное его начало. «Атрибуты» ценностей текста устанавливаются множеством «инстанций» – редактором, который публикует текст, критиком, написавшим рецензию, университетским профессором, предложившим его полный анализ в исторической перспективе.

Для XX в. этих обстоятельств недостаточно; все вышеперечисленные атрибуты составляют только условие позитивной аксиологии, так как требуют подтверждения со стороны читателя или иного «реципиента», получившего эстетическое удовольствие и наслаждение, т. е. ценность становится актуальной в момент ее «подтверждения» воспринимающим субъектом.

Поэтому современная теория языкового акта подтверждает ценности литературного текста тогда, когда он удовлетворяет трем измерениям: ценность для говорящего, ценности при воздействии на реципиента и ценность образующегося нового речевого жанра. Эта теория сохраняет традиционные аксиологические измерения: наслаждение поэтичностью, эстетическое совершенство, – но они уступают место всевластию читателя. Таким образом, ценность текста ставится в прямую зависимость от его культурной компетенции¹.

Аксиология требует норм и «санкций» – общая система ценностей, куда она входит, образуется политическими и социальными условиями, которые исследуются социологами и этнологами в соответствии с нормами в обществе.

В теоретических спорах Гегеля, Баумгартена, Канта эстетические ценности были признаны как аксиологические, и эта точка зрения существует до сих пор, объединяя приверженцев культуры прошлого. Но в настоящее время она подвергается серьезным ограничениям. Общеизвестно, что гегелевский взгляд на искусство имеет две стороны: это и особая форма познания действительности и форма наслаждения как результат пережитого читателем воздействия текста произведения.

Концепция эстетического как особой формы воздействия на читателя, слушателя предусматривала «нормы» прекрасного, и одновременно как форма философской рефлексии в метафизике Канта существовала и эмпирическая герменевтика, обусловленная традиционным подходом к искусству слова. В восприятии субъекта эстетические ценности в силу особой действенности конкурируют с жизненно практическими ценностями этики, а также бытовых нужд и забот. Высокая степень значимости эстетического учения нового времени обуславливалась тем, что в них воссоздаются ценности человека в перспективе гуманистического идеала всего человечества, т. е. то, что отсутствует в практических ценностях обыденности. Эстетические ценности выявляют связи индивидуального и общего, частного и публичного, приватного и государственного. За аксиологией эпохи Гете стоит идеальная гармоническая модель существования индивидуума в обществе. Чувство эстетической свободы приводит художника к возможности игры с эстетическими условностями, – следовательно, к новым возможностям создания художественных объектов, лишенных узкой ориентации на бытовой аспект существования (нужду, выгоду и т. п.). Эстетическая теория Канта обосновывала, хотя и иллюзорную, свободу художника от давления времени. В процессе эстетической игры художник наиболее полно может реализовать свои возможности доставлять наслаждение читателю, любому чутко воспринимающему субъекту.

Теория Баумгартена-Канта-Гегеля стала ведущей теорией ценностей. XIX в., фундаментальной аксиологией искусства того времени. Возник-

¹ *Engelmayer O.* Einführung in der Wertpsychologie. Berlin, 1977.

шие на ее базе литературные нормы, ценности с их ориентацией на относительно автономную эстетику следует понимать как социально-групповой процесс своеобразного нормирования литературного творчества. Романтизм стал следующей фазой легитимизации литературных ценностей мирового литературного канона¹.

Вторым важным этапом в формировании норм эстетических ценностей стала марксистская теория ценностей. В ней утверждался примат экономических и в особенности специфически классовых приоритетов в искусстве, поскольку в новом общественном строе коллективный интерес элитных групп населения будет господствовать над индивидуальным. Задача литературоведа при таком понимании ценностей заключалась в осознании связи между общественно-историческими потребностями человечества и художественным творчеством. Идеологический критерий таких ценностей становился главенствующим, поскольку только практически-политическая ценность способствует созданию гармонии и консенсуса в общественных настроениях людей. Литературно-художественные ценности западной культуры критиками стран социализма оценивались положительно в том случае, если роман, повесть несли заряд радикальной критики современной цивилизации как продукта антигуманного господства технической и экономической рациональности, как господства внешнего начала над внутренней природой человека. Ценности высшего ранга устанавливались сторонниками социализма в литературе путем соотнесения современного и исторического понимания «правды жизни», выраженной в художественном образе.

Второй тип нормы ценностей сторонники этой точки зрения на искусство усматривали в прогрессивном или реакционном значении идейной направленности произведения: идея должна открывать перспективу будущего развития общества, одновременно утверждая жизнь как непрерывное деяние. Психологические и социологические предпосылки играли решающую роль в этой форме аксиологии. В Европе он нашел своеобразный отклик в левом радикализме, особенно в лице Б. Брехта и В. Бенжамина, которые стали рассматривать ценности искусства в свете тотальной эстетизации повседневности. Они полагали, что эстетическая ценность лежит в сфере культурно-революционных изменений повседневного опыта. Освобождающая сила искусства рассматривалась как спонтанное сопротивление экономическому техницизму. Искусство оставалась лишь функцией общественно-политической необходимости.

Современные споры по вопросам аксиологии ведутся в сфере разграничения этического и эстетического. Ставится под сомнение и вопрос о том, является ли вообще прекрасное признаком эстетического. Остается неразрешенной ведущая проблема аксиологии искусства: является ли эстетическая ценность «ценностью в себе» или обладает коммуникативными, биоло-

¹ *Walzel O. Werturteil // Walzel. Gehalt und Gestalt im Kunstwerk der Dichters. Berlin, 1923.*

гическими антропологическими функциями? Культурные феномены при такой ситуации воспринимаются чисто прагматически.

Итак, современная аксиология искусства озабочена многими проблемами, среди которых четыре остаются определяющими:

1. заключаются ли литературные ценности только в самом художественном тексте или также и в его восприятии;

2. почему ценности восприятия текста выступают на первый план в литературной критике и школьном преподавании литературы;

3. обладают ли ценностью ритуальные, политические, «терапевтические» ценности искусства;

4. как разграничить практические и собственно художественные функции текста с помощью новых методов аксиологии?

Эти апории пока остаются неразрешенными, что вызывает трудности в практике литературоведческого анализа.

Сведения об авторе:

Александр Андреевич Смирнов,

докт. филол. наук

профессор

филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Smirnov,

Doctor of Philology

Professor

Philological Faculty

Lomonosov Moscow State University

a41smirn@yandex.ru

О.Ю.Дементьева, Чжан Юэ

Об одежде и украшениях по-русски и по-китайски

Аннотация: В статье анализируются языковые средства русского и китайского языков, служащие для описания внешнего вида человека по его одежде и аксессуарам. Рассматриваются условия выбора стилистически нейтральных и маркированных лексических и синтаксических средств актуальной и узуальной характеристики внешнего вида в русском языке, закономерности сочетаемости глагола и имени. Исследуются соотносительные лексические средства выражения актуальности и узуальности, эмоционально-оценочных значений, а также закономерности сочетаемости слов, называющих действие и предмет одежды, в китайском языке.

Ключевые слова: внешний вид, актуальная, узуальная характеристика, сочетаемость глагола и имени, синтаксические средства

Abstract: This article is devoted to the analysis of expressions used, in Russian and Chinese, to describe the way a person dresses, including his or her clothes and accessories. The article gives a detailed analysis of the choice of stylistically neutral or marked expressions, characterizing one's actual or usual appearance, as well as principles concerning the collocation of verbs and nouns in Russian. Accordingly, it also studies lexical options in this semantic field, conveying actuality or usualness, or with evaluative meanings in Chinese, and principles of combinations of verbs with names, referring to items of clothes.

Key-words: actual or usual appearance, collocation of verbs and nouns, syntax

1. Умение охарактеризовать внешний вид человека, описать, как он одет, относится к числу наиболее коммуникативно значимых. Необходимый для описания внешнего вида и одежды человека лексико-грамматический материал представляет достаточно серьезные трудности для изучающих русский язык как иностранный, в частности для носителей китайского языка. Дело в том, что способы описания внешнего вида человека по одежде и аксессуарам в русском и китайском языках весьма различны в силу различия грамматического строя таких типологически непохожих языков, как русский и китайский.

2. В русском языке лексически и грамматически противопоставлены узуальная и актуальная характеристика внешнего вида человека, что проявляется как в использовании различных синтаксических структур, так и в выборе глагольных лексем совершенного или несовершенного вида. Неразграничение актуальной и узуальной характеристики в речи иностранцев часто приводит к ошибкам: **Чтобы участвовать в вечеринке, я ходил в белом пиджаке и черных брюках* (вм.: ...я надел белый пиджак и черные брюки), **Она сегодня носит нарядное платье* (вм.: На ней сегодня нарядное платье), **В Коломенском экскурсоводы одевались в старинную одежду* (вм.: были одеты).

Отметим, что узуальная и актуальная характеристики внешнего вида человека, с одной стороны, близки друг другу, поскольку используются в целях описания, а не повествования. С другой стороны, они противопоставлены, так как актуальная характеристика относится к сфере непосредственно наблюдаемого, находящегося в хронотопе происходящего, а узуальная относится к сфере знания и отвлечена от конкретного момента наблюдения. Иными словами, актуальная характеристика относится к репродуктивно-описательному, а узуальная – к информативно-описательному типу речи, что связано с использованием определенных синтаксических моделей и функционированием видо-временных форм глаголов [Золотова и др. 1998: 29–31].

2.1. Для узуальной характеристики внешнего вида человека по одежде и аксессуарам в русском языке используются двусоставные предложения с глаголами несовершенного вида одеваться во что / как, надевать что, носить что, ходить в чем и др.: *Он одевается аккуратно, Она одевалась модно, Он одевается только в темное, Ну, вот та самая, которая всегда юбку надевает наизнанку; Каждый вечер он бреется с риском для здоровья, надевает галстук-бабочку системы «смерть девкам» и уходит на поиски любовных утех; Еще в детстве я замечал, что большинство женщин ходит в сапогах и валенках; Зимой я носил валенки, которые отдали свалять из шерсти, выпотрошив ее из тюфяка.*

Для актуальной характеристики внешнего вида в русском языке используются различные синтаксические конструкции: двусоставные предложения с глаголами совершенного вида одеться, обуться, надеть и др., которые характеризуют внешний вид как результат действия, названного этими глаголами: *Он надел (на себя) красивый костюм, Он оделся в красивый костюм, Охотник Пулька обулся в свои любимые кожаные сапоги; предложения, включающие краткие формы страдательных причастий от этих глаголов: На нем был надет красивый костюм; Он был одет в красивый костюм; У него на голове была надета рваная шляпа; предложения, представляющие собой конверсные структуры, включающие в свой состав связку: На нем был красивый костюм. – Он был в красивом костюме; У него на голове была рваная шляпа. – Он был в рваной шляпе.*

2.2. Необходимо отметить, что круг русской глагольной лексики, используемой для описания внешнего вида человека, отнюдь не исчерпывается приведенными выше лексемами. Так, в «Семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой представлены также глаголы, характеризующиеся особенностями значения и стилистическими характеристиками, которые могут быть сгруппированы на основании формы зависимого существительного, называющего предмет одежды или украшение: а) глаголы, требующие прямого объекта: надевать / надеть, накинуть, повязать, натянуть, нацепить, нахлобучить и др., а также носить; б) глаголы, требующие косвенного объекта в форме в + ВП или характеризующего обстоятельства, а также способные употребляться абсолютно: одеваться / одеться, обуться, нарядиться, принарядиться, вырядиться, раздеться, расфуфыриться и др.; в) глаголы, требующие косвенного дополнения в форме в + ПП: ходить в чем, щеголять, пижонить, франтить и др. [Сем. словарь: 631–638].

2.2.1. Глаголы натянуть, нацепить, нахлобучить, называя то же действие, что и глагол надеть, имеют в своем значении прагматический компонент, содержащий информацию об эмоционально-оценочном отношении говорящего к сообщаемому или адресату сообщения [Кобозева 2008: 88]; натянуть, нацепить, нахлобучить – значит надеть что-нибудь неуместное, безвкусное, смешное: *Макс надел фуражку и даже натянул галстук на резинке; Теперь регент нацепил себе на нос явно не нужное пенсне, в котором одного стекла вовсе не было, а другое треснуло* (М.А.Булгаков). Глаголы *накинуть* и *повязать*, а также *нахлобучить* отличаются от *надеть* способом надевания предмета одежды и, соответственно, сочетаемостью: *накинуть платок, шаль, капюшон, кофту, пиджак, пальто, халат* – не надевая в рукава или не застегивая; *повязать шарф, галстук, платок; нахлобучить шапку, кепку, шляпу, папаху* (и даже голову: *Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на своё место, как будто никуда и не отлучалась*. М.А. Булгаков).

2.2.2. Глаголы *нарядиться, разрядиться, приодеться, принарядиться, прифрантиться, раздеться* отличаются от *одеться* наличием оценки внешнего вида характеризуемого субъекта: *нарядиться* – одеться во что-н. нарядное или необычное, обеспечить себя хорошей, нарядной одеждой; *приодеться* – надеть на себя хорошую одежду, *принарядиться; раздеться* – одеться очень нарядно, нарядиться и т. п. [Сем. словарь: 633–635], обычно по какому-то случаю. Глагол *одеться* сообщает лишь о совершении действия, а значение оценки может реализоваться при помощи обстоятельств: *одеться нарядно, неряшливо, изысканно и т. п., ср.: Я шла не на приём, а на работу и оделась так, как одевались все вокруг: скромно, без всяких высоких каблуков; Дядя, зачем ты оделся в эти страшные вещи и называешь себя Дедом Морозом? – ср.: Вечером дочь нарядилась, ярко накрашила губы и куда-то ушла; Для него она принарядилась и вымыла лицо; По случаю праздника сестры приоделись.*

Глаголы *вырядиться* и *расфуфыриться* передают отрицательную оценку говорящим внешнего вида описываемого лица и имеют значение «одеться

очень или слишком нарядно, напоказ, крикливо, безвкусно» [Семантический словарь: 638]. Важно отметить, что глагол совершенного вида *одеться*, передающий актуальную характеристику внешнего вида (*Она оделась нарядно и поспешила на свидание*), имеет коррелят несовершенного вида *одеваться*, служащий как для называния процесса или повторяющегося действия (*Она долго одевалась; На работу она одевалась во все самое лучшее*), так и для характеристики узуального внешнего вида (*Она одевается со вкусом; ср.: Она всегда одета со вкусом*). Глагол *нарядиться* также имеет видовую пару – глагол *наряжаться*, который может употребляться только для называния процесса или повторяющегося действия (*Она долго наряжалась; На танцы она наряжалась во все самое лучшее*), но не используется, на наш взгляд, для характеристики узуального внешнего вида: Сам Альмодовар жил тогда той же жизнью, что и его герои, – любил наряжаться в одежды с перьями, пропадал неделями в сомнительных заведениях и верил в то, что жизнь – комедия. Глаголы совершенного вида *разрядиться*, *приодеться*, *разодеться*, *прифрантиться*, а также *вырядиться* и *расфуфыриться* одновидовые; они передают отрицательное отношение говорящего к наблюдаемому в данный момент внешнему виду описываемого человека, в том числе собеседника. Эти глаголы не соотносятся ни с каким процессом и не имеют поэтому коррелята НСВ. Глаголы *прифрантиться*, *приодеться*, *разодеться* и *разрядиться* характерны для разговорной речи; глагол *расфуфыриться* принадлежит к просторечию.

Отметим, что все представленные возвратные глаголы, кроме *расфуфыриться*, имеют соотносительные невозвратные переходные глаголы: одеть, вырядить, нарядить, принарядить, разрядить, приодеть, разодеть кого, во что, как.

2.2.3. Глаголы *щеголять* и *пижонить в чем*, в отличие от глагола *ходить в чем*, также включают значение оценки говорящим внешнего вида человека, в то время как *ходить* не имеет дополнительного оценочного значения. Для глагола *щеголять* оценка может быть положительной в случае красивой, модной или изысканной одежды: *Он щеголял в испанском костюме; Он щеголял в черном флотском бушлате, у которого, разумеется, была своя история; Он держал... огромный легковой автомобиль, щеголял в костюмах, сшитых в Париже на заказ, и не пропускал ни одного светского мероприятия*; но может быть и отрицательной в случае неуместности того или иного предмета одежды: *Сегодня он щеголял в грязных «трениках» и ярко-желтой рубашке*. Глагол *щеголять* может присоединять компонент со значением места: *Он с удовольствием слушал мои рассказы, щеголял по дому, очень похожий на девочку, в платьях матери*. Отметим, что глагол *щеголять* допускает также управление *щеголять чем* в значении «хвалиться»: *В отличие от товарищей, обутых в кирзу, он щеголял хромовыми «джимми», спущенными книзу, сжатыми в гармошку так, что издали их можно было принять за ботинки*. В данном значении он имеет коррелят совершенного вида *щеголь-*

нуть и употребляется не только для описания внешнего вида (ср.: *щегольнуть громким именем, щегольнуть своим французским языком*).

Глагол *пижонить* употребляется в случае неодобрения говорящим внешнего вида: *Мороз, а он в шляпе пижонит; Он пижонил в цилиндре и с тросточкой*.

Надо сказать, что предложения с глаголом *ходить* и именем – названием предмета одежды в форме в + П.п. – представляют собой результат взаимодействия моделей и имеют в своем составе сложный предикат, состоящий из двух компонентов: основного глагольного и вторичного именного [Золотова 2009: 260, 261]. Глагол *ходить*, характеризующийся лексической ослабленностью, утрачивает акциональность и частично теряет значение перемещения; другими словами, глагол сообщает о том, как человек выглядит, что он носит, а не о его перемещении: *Он постоянно ходит в зелёных штанах; Коля уже месяц ходит в рваных ботинках; Ты знаешь, почему на Востоке женщина ходит в черном?* В силу этого предложения – *Она надевает в школу брюки; Она ходит в школу в брюках и Она носит в школу брюки* – сближаются по значению и служат для выражения узуальной характеристики внешнего вида. Отметим, что в отличие от глагола *ходить*, обозначающего ненаправленное перемещение, соотносительный глагол со значением направленного движения *идти* – полнозначный акциональный: *По студии я шёл в костюме государя императора*.

2.3. Наиболее востребованными в практике преподавания русского языка как иностранного являются, безусловно, частотные и стилистически нейтральные глаголы *надевать / надеть что, носить что, одеваться / одеться во что (как), ходить в чем*.

При этом возможности употребления имен, называющих различные предметы одежды и аксессуары, в разных типах конструкций и с разными глаголами различны. Так, имена – названия одежды, надеваемой любым способом на тело или часть тела, типа пальто, куртка, свитер, брюки или платье – имеют самые широкие сочетаемостные возможности: *надеть куртку, платье и т. д., одеться в куртку, платье, носить куртку, платье, ходить в куртке, платье, прийти в куртке, платье, кто в куртке, платье, на ком куртка, платье*. С именами, называющими предметы одежды, надеваемые на голову, типа *шляпа, кепка, платок*, а также аксессуары и украшения типа *очки, ремень, серьги*, возможны только употребления *надеть шляпу, очки, ремень, серьги, носить шляпу, очки, ремень, серьги, на ком шляпа, очки, ремень, серьги*; остальные употребления возможны для имен *шляпа* и *очки*: *ходить в шляпе, в очках, прийти в шляпе, в очках, быть в шляпе, в очках*; однако невозможны или сомнительны: **ходить в ремне, в серьгах, *прийти в ремне, в серьгах, ?быть в ремне, в серьгах*; невозможно **одеться в шляпу, в очки, в ремень, в серьги*. С названиями обуви сочетаются глаголы *надеть, носить сапоги, туфли, ходить, прийти в сапогах, туфлях, на ком сапоги, туфли*,

кто в сапогах, туфлях, но не **одеться в сапоги, туфли*. Имена – названия обуви – сочетаются также с глаголами *обуть* (реже, чем с *надеть*), *обуться*.

С другой стороны, возможности употребления того или иного имени связаны с характером конструкции и глагола. Так, наиболее широкой сочетаемостью характеризуются формирующие двусоставное предложение глаголы *надевать* / *надеть*, а также *носить*, которые обозначают фактически любой способ надевания любого предмета одежды или аксессуара, когда предмет одежды или аксессуар оказывается зафиксированным на любой части тела любым способом, в том числе продетым в отверстие. Так, глаголы *надевать*, *надеть*, *носить* сочетаются с именами, называющими самые разнообразные предметы одежды, обуви, а также аксессуары: *надеть пиджак, кофточку, блузку, рубашку, ватник; джинсы, брюки, юбку, чулки; пальто, тулуп, шубу; фрак, халат, мундир, школьную форму, платье; сапоги, тапки, кроссовки, мокасины, гольфы, носки; шляпу, капюшон, пилотку; перчатки, ремень, портупею, галстук, платок, орден, часы, очки, респиратор, маску; бусы, кольцо, серьги, кольцо, перстень*. Отметим, что глаголы *надевать*, *надеть* сочетаются также с названиями предметов специального (спортивного, военного и т. п.) снаряжения: *надеть лыжи, коньки, парашют, скафандр*, в отличие от глагола *носить*, что, впрочем, вполне понятно: глагол *носить* используется для узальной характеристики, а носить лыжи или коньки постоянно невозможно.

Столь же универсальной для актуальной характеристики внешнего вида человека является конструкция типа *на ком что*. Эта структура может быть применена и к общему описанию одежды, и к отдельным деталям туалета, и к аксессуарам: *На ней строгий темный костюм / куртка / платок / туфли / очки / серьги*. Отметим, что имена, называющие украшения и аксессуары: *кольцо, перстень, браслет, сумка, ремень*, – употребляются чаще в структурах типа *У нее на пальце было кольцо; У нее на руке был браслет; У нее на шее было кольцо; У него на поясе был ремень*, в которых названа часть тела, на которой находится украшение или аксессуар. Рассматриваемые модели относятся к числу специфически русских способов характеристики внешнего вида человека по одежде и аксессуарам [Всеволодова 2000: 263]; с точки зрения логико-грамматической организации они представляют собой бытийные предложения [Арутюнова, Ширяев 1983: 148]. Конверсная конструкция типа *кто в чем* и предложения с кратким страдательным причастием *быть одетым во что-либо* в основном употребляются при описании полного костюма, определяющего общий облик человека: *можно быть одетым в пальто и шляпу, юбку и блузку, брюки и куртку* и т. п., но не говорят **Он был одет в берет (шляпу, носки, галстук, жилет, чулки)* и прочие мелкие и частные детали туалета, хотя они могут входить в перечисление (*Он был одет в костюм и синий берет*). Не вполне корректны и такие предложения, как *Она была одета в платье (пальто, шубу)*; более приемлемы предложения, включающие в свой состав определения: *Она была одета в старое синее платье; Он был одет в меховую доху*. Предикат *быть одетым* сочетается также с оце-

ночными наречиями: *Она была элегантно одета; Он был одет аккуратно (тщательно, экстравагантно, небрежно, старомодно, бедно и т. п.).*

3. В китайском языке противопоставление актуальной и узуальной характеристики внешнего вида не является грамматически или лексически значимым; эти значения передаются различными средствами: а) лексически, т. е. с помощью наречий (обычно, часто, сейчас, вчера и т. п.); б) с помощью аффиксов: суффикса «了 le», имеющего перфектное значение, или суффикса «着 zhe», имеющего значение продолжительности; в) контекстуально.

Для характеристики внешнего вида человека по одежде и аксессуарам в китайском языке служат двусоставные предложения, имеющие в своем составе различные глаголы: 穿 chuān, 戴 dài, 佩戴 pèidài, 套 tàò, 披 pī, 系 jì, 打 dǎ, 扎 zhā, 围 wéi, 束 shù. При этом выбор глагола в китайском языке зависит от характера надеваемого предмета.

3.1. Самым частотным в китайском языке является глагол 穿 chuān.

Глагол «穿 chuān» сочетается со словами, называющими верхнюю одежду и обувь: 他穿了一件白衬衫 *Он надел белую рубашку*; 他穿了一套礼服 *Он надел костюм*; 他穿了大衣 *Он надел пальто*; 他穿了一条牛仔裤 *Он надел джинсы*; 她穿了一身旗袍 *Она надела китайский халат*; 她穿了一身晚礼裙 *Она надела вечернее платье*; 她穿了一条短裙 *Она надела юбку*; 她穿了一条黑裤子 *Она надела черные брюки*; 他穿了一双毡靴 *Он надел валенки*; 她穿了一双长筒靴 *Она надела высокие сапоги*.

3.2. Глагол «套 tàò» имеет значение «надеть, натянуть» и используется, когда говорят об одежде и обуви; выступая как существительное, он имеет значение «чехол, футляр» [Русско-китайский и китайско-русский словарь 1999: 320]: 他身上套着彩色背心 *Он надел цветной жилет*; 他套着一件毛衣 *Он надел свитер*; 他套了一件毛皮大衣 *Он надел шубу*; 他套了一件白大褂 *Он надел врачебный халат*; 他套了一件夹克衫, *Он надел пиджак*; 她套着一条长裙 *Она в длинном платье*; 她脚上套着丝袜 *У нее на ногах были надеты гольфы*; 他脚上套着系扣的靴子 *Он был обут в ботинки на пуговицах*. Глагол «套 tàò» употребляется также при существительных – названиях аксессуаров, которые плотно и полностью охватывают часть тела, на которую они надеты, реализуя таким образом значение «чехол, футляр»: 她手上套着一枚手镯 *У нее на руке был браслет*; 她手指上套着一枚戒指, *У нее на пальце было кольцо*; 他套着手套 *Он надел перчатки*; 他套了一顶帽子, *Он надел шапку*; 他袖子上套着袖章 *У него на рукаве была повязка*. Этот глагол не сочетается со словами, называющими такие аксессуары и украшения, как серьги, галстук, погоны, эполеты, ремень, часы, очки и т. д., не связанные с идеей чехла или футляра.

3.3. Глаголы «戴 dài» и «佩戴 pèidài» употребляются с любыми существительными, обозначающими аксессуары. По данным Русско-китайского и ки-

тайско-русского словаря глаголы «戴 dài» и «佩戴 pèidài» переводятся одинаково – как *носить, надеть* [Русско-китайский... : 190, 282]. Однако в китайском языке они не взаимозаменяемы. С глаголом «戴 dài» сочетаются названия аксессуаров и головных уборов: *她脖子上戴着一串项链 У нее на шее было ожерелье; 她手指上戴着戒指 У нее на пальце было кольцо; 她戴了一枚宝石戒指, Она надела перстень; 他戴了一副耳机 Он надел наушники; 他戴了帽子手套和围巾 Он надел перчатки, кепку и очки; 她戴了一顶黑色的假发 Она носит черный парик; 她戴了一顶毡帽 Она носит шляпу.*

Некоторые типы аксессуаров несут в себе особую символику, в том числе аксессуары с социальным значением: *погоны, эполеты, повязка, нашивка, орден и медаль за военные заслуги* и т. п., или предметы, принадлежащие определенной культуре: *мусульманский платок, цветочная гирлянда, крест*. Существительные, обозначающие данный тип аксессуаров, сочетаются обычно с глаголом «佩戴 pèidài», а не с глаголом «戴 dài», например: *他佩戴了自己的全部奖章 Он надел все свои ордена; 他身上佩戴着绶带 На нем была орденская лента; 穆斯林妇女佩戴头巾 Мусульманские женщины носят платок; 他们俩的肩膀上都佩戴着金色带穗肩章 У них обоих на плечах были золотые эполеты.*

Употребление этих двух глаголов зависит также от стилевых характеристик текста. В текстах научного, публицистического и делового стиля встречаются сочетания глагола «佩戴 pèidài» с существительными, обозначающими повседневные аксессуары: *学者研究发现,人类佩戴耳环至少有 800 多年的历史, Исследователи обнаружили, что более 800 лет назад человечество уже начало носить серьги; 允许佩戴首饰, Носить украшения запрещено; 收治非典病患的医院里所有进入医院的人士都佩戴口罩, В госпиталях, принимающих больных с тяжелым острым респираторным синдромом (ТОРС), все входящие должны надевать медицинские маски.*

Глагол «佩 pèi» сочетается только с существительными, называющими разные типы пистолетов, мечей и ножей, носимых на поясе: *男子腰间佩匕首 Мужчины носят на поясе нож; 警察腰间佩枪 Полисмены носят на ремне пистолет; 古代将军腰佩宝, В прошлом генералы носили на поясе меч.*

3.4. Кроме рассмотренных глаголов, в китайском языке существуют глаголы, которые используются только при существительных – названиях определенных предметов одежды.

Со словами *шаль, плед, платок, пелерина, накидка* и т.п. сочетается глагол «披 pī», обозначающий особый способ надевания одежды, когда руки человека не находятся в рукавах: *她披了一块方巾, 穿了一件外套, 戴了一顶长耳帽 Она надела платок, пальто, башилык*. Приведенный пример показывает, что в русском языке все три существительных сочетаются с глаголом *надеть*,

а в китайском языке слово *платок* может употребляться только с глаголом «披 pī», слово *пальто* сочетается с глаголом 穿 chuān, а слово *баилык* требует глагола «戴 dài». Сочетаясь с такими словами, как *плащ*, *бушлат* и т.п., глагол «披 pī» показывает, что одежда накинута на плечи, руки не находятся в рукавах; если же одежда надета в рукава, должен быть использован глагол «穿 chuān».

При существительном *галстук* в китайском языке употребляются преимущественно глаголы «打 dǎ» и «系 jì», имеющие значение «вязать, завязать, связать» [Русско-китайский... :188, 313]. Ношение галстука не является традицией в Китае. В отличие от одежды и обуви, галстук не имеет эквивалента в китайской культуре, поэтому галстук не осознается как предмет одежды. Когда такие нетрадиционные для китайской культуры предметы одежды, как галстук, бабочка, входили в употребление, соответствующие имена употреблялись с глаголом «打(dǎ)».

Значение глагола «系 jì» близко к значению русского глагола «повязать» – одеть или надеть, завязав концы, поэтому этот глагол сочетается также со словами ремень, пояс, кушак, опояска и т. п.: 他系了一条宽皮带, *На нем широкий кожаный ремень*; 她系着一条红腰带, *Она надела шелковый кушак*.

Для шарфа в китайском языке также используются особые глаголы «系 jì – закреплять, завязать», «扎 zhā – состегать» и «围 wéi – обернуть, окружать» вместе с глаголом «戴 dài»: *Я надела растаманскую шапочку, шарф и солнцезащитные очки на пол-лица* 我戴着拉斯特法里的帽子, 系着/扎着/围着/戴着一条围巾, 戴着一副大太阳眼镜.

3.5. Русским стилистически маркированным глаголам типа *вырядиться*, *расфуфыриться*, *щеголять*, *пижонить*, *напялить*, *нахлобучить*, характеризующимся прагматической составляющей, соответствуют сочетания глаголов, в частности «穿 chuān», «戴 dài», с наречиями, передающими значение оценки: *Она вырядилась в слишком яркий для ее возраста пиджак* – 她不合时宜地穿了一件不符合她年龄的亮色毛衣 (калька: *Она неприлично надела слишком яркий для ее возраста пиджак*); *Ты чего это так расфуфырилась* – 怎么你打扮得那么俗艳 (калька: *Ты чего это так ярко и безвкусно оделась*); *Купец щеголяет в касторовой шляпе* – 马车夫炫耀地戴着海狸皮帽 (калька: *Купец хвастливо носит касторовую шляпу*); *Он пижонил в цилиндре и с тросточкой* – 他摆阔气地戴着高圆帽手持拐杖 (калька: *Он пижонски надел цилиндр и ходил с тросточкой*); *Он напялил галстук на резинке* – 他不雅观地用橡皮筋系领带 (калька: *Он неприглядно надел галстук на резинке*); *Он нахлобучил шляпу на свою курчавую голову* – 他把带檐帽子低低地戴到自己长着卷发的头上 (калька: *Он низко надел шляпу на свою курчавую голову*).

4. Итак, способы описания внешнего вида человека по его одежде и аксессуарам в русском и китайском языках национально специфичны. В русском языке выделяются лексико-грамматические средства узуальной и актуальной характеристики внешнего вида человека, в том числе глаголы, как нейтральные, так и передающие эмоционально-оценочные значения. В китайском языке для описания внешнего вида человека служит ряд лексем со значением действия, выбор которых определяется характером предмета одежды и аксессуара. Значения актуальности и узуальности передаются контекстуальными средствами. Эмоционально-оценочные значения также передаются лексически – при помощи наречий.

Литература

- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 2009.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2008.
- Русский семантический словарь / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Т. IV. М.: Азбуковник, 2007.
- Русско-китайский и китайско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1999.

Сведения об авторе:
Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
кафедра дидактической лингвистики и теории
преподавания русского языка как иностранного
филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: olgadem18@mail.ru.

Olga Dementieva,
Candidate of Philology. Sciences
Senior Lecturer
Department of Linguistics and didactic theory
teaching Russian as a foreign language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Чжан Юэ,
аспирантка первого года обучения
кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания
филологический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: zhangyuelapuca@gmail.com

Zhang Yue,
First year graduate student
Department of Linguistics and didactic theory
teaching Russian as a foreign language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Е.Н. Ковтун, А.Г. Шешкен

**Из опыта прочтения межфакультетского курса
по истории, культуре и литературе
славянских народов
в МГУ имени М.В. Ломоносова**

Аннотация: В статье определены цели межфакультетского курса, посвященного истории, культуре и литературе славянских народов. Указано, какими принципами руководствовались авторы курса при отборе материала, предназначенного для изучения студентами Московского университета нефилологических специальностей. Рассказано о том, с какими трудностями столкнулись лекторы, какие предлагаются способы разрешения возникающих в процессе работы проблем.

Ключевые слова: межфакультетский курс, история, культура и литература славянских народов, традиции и инновации в отечественной славистике

Abstract: In the article the are defined the aims of the inter-faculty course, devoted to the history, culture and literature of Slavs. Also are denoted the principles of the choosing the material for studying by Moscow university students of non-philological specialities. The authors report the difficulties they were confronted with and the ways of solving them.

Key words: inter-faculty course, history, culture and literature of Slavs, Slavic Studies in Russia – traditions and innovations

Первые десятилетия нового века оказались для российской академической и вузовской славистики не самым удачным временем. Этому способствовал целый ряд факторов – экономических, социально-политических, культурных. Общественный интерес к фундаментальному знанию сменился вниманием к прикладным областям высшего образования, дающим надежду на быстрый коммерческий эффект применения полученных навыков. Из-за идеологического кризиса и декларируемой свободы суждений, породившей не только многообразие научных концепций, но и отсутствие во многих случаях должного профессионального контроля над высказываемыми мнениями, во многом упал престиж гуманитарных наук. Филология как область вузовской подготовки, оказавшись в условиях жесткой конкуренции с обособившимися от нее (во многом искусственно) специальностями «Лингвисти-

ка», а затем «Перевод и переводоведение», все более начала соотноситься в сознании абитуриентов и их родителей с сугубо теоретическим, «книжным» обучением преимущественно русскому языку и литературе. К этому добавилось и снижение престижности изучения большинства иностранных языков, особенно редких, не ассоциирующихся с экономически успешными странами, лидирующими на международной арене. В последние годы студенты-гуманитарии обнаруживают устойчивое стремление к освоению только английского языка – и то не на серьезном филологическом уровне, но лишь как средства практического общения за рубежом и инструмента успешного построения карьеры.

Перечисленные факторы, как и многие иные процессы, идущие за пределами вузовских стен¹, привели к последовательному снижению, начиная с середины 2000-х гг., спроса на славистическое образование. Несмотря на открытие новых специализированных подразделений (например, в Российском государственном гуманитарном университете, Государственной академии славянской культуры), общий набор на славянскую филологию как основную программу обучения неуклонно снижался, в том числе и в ведущих отечественных учебных заведениях – МГУ имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете. В отдельные годы последнего десятилетия в каждом из двух этих вузов он составил 5 и менее человек, что сделало возможным открытие лишь одной, неполной по составу (обычно 10 студентов и более) языковой группы. На ряд языков (например, украинский, болгарский) в Московском университете обучающихся набрать не удалось, что привело к временным перерывам в соответствующей подготовке. А это, в свою очередь, вызвало сокращение численности аспирантов, в дальнейшем приступающих к научной работе в университетах и специализированных институтах РАН. Негативные процессы зашли уже так далеко, что порождают серьезную угрозу постепенной утраты квалифицированных славистических кадров – как научных, так и преподавательских.

В то же время, хотя это и может показаться парадоксальным, вышеизложенное отнюдь не свидетельствует об утрате в общественном сознании (и в том числе в студенческой среде) интереса к самим зарубежным славянским странам, их народам, культурам и языкам. Опыт преподавания авторов статьи в МГУ и РГГУ позволяет заключить, что изучение славянских языков и

¹ Об эволюции концепции филологического образования в 1990–2000-х гг. см.: *Ковтун Е.Н., Родионова С.Е., Сергиева Н.С.* Филологические специализации: опыт, проблемы, перспективы // Функциональный аспект в преподавании русского языка и литературы в межнациональной аудитории: Сб. учеб.-метод. статей. Саранск, 2003. С. 8–16; *Ковтун Е.Н., Родионова С.Е.* Каким быть новому стандарту? Опыт работы совета по филологии над реформой высшего образования в России // Информационный бюллетень Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию. Ярославль, 2005. №9. С. 16–26; *Ковтун Е.Н., Родионова С.Е.* Зачем быть филологом сегодня? (Презентационная привлекательность филологического образования в России). Тверь, 2006; *Ковтун Е.Н.* Российское филологическое образование и Болонский процесс // Вестник Челябинского университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 16. 2007. №20(98). С. 184–193.

литератур привлекательно для филологов-русистов. В Московском университете они достаточно охотно посещают соответствующие занятия, предусмотренные учебным планом; в Российском государственном гуманитарном университете выражают желание изучать славянские языки и литературы в рамках курсов по выбору. Возражения со стороны абитуриентов, – возникающие, как можно предположить, под влиянием семей и сверстников, а также культурных клише эпохи, – вызывает, таким образом, лишь славистическая подготовка в качестве основной и единственной траектории высшего образования.

Немалую роль в этом играет специфика отечественной вузовской славистики, ее сосредоточенность преимущественно на одном языке и литературе¹, изучаемых с практически не имеющей аналогов в мировой практике основательностью и глубиной. Долгое время данная специфика была предметом заслуженной гордости российских славяноведов. Однако в русле изменившихся в новом тысячелетии общественных ценностей и приоритетов она ощущается ныне скорее как недостаток, препятствующий быстрому карьерному росту после завершения обучения. Студентов не убеждают даже многочисленные свидетельства того, что именно изучение славянских языков может стать залогом престижного трудоустройства: в последнее десятилетие выпускники славянского отделения филологического факультета МГУ успешно находили работу в аппаратах российских дипломатических миссий в славянских странах, соответствующих структурах радио- и телевидения и т. п.

В сложившихся условиях становится все более ясным, что концепцию славистической подготовки в России необходимо если и не существенно корректировать, то, по крайней мере, значительно расширять. Возможно, в чем-то придется возвращаться, пускай и на новом, современном уровне, к пониманию славяноведения, свойственному XIX столетию, когда славистика представляла собой синкретичную общность позже ставших самостоятельными науками дисциплин (исторических, этнографических, филологических и т. п.), доступных для изучения в рамках различных образовательных программ (точнее, тогдашних аналогов данного понятия). При снижении – хочется все же надеяться, временном – интереса к славяноведению как основному объекту изучения целесообразно увеличить количество курсов, рассчитанных на освоение неславистами, в том числе нефилологами; пусть даже фундаментальность обучения при этом неизбежно придется уравнивать доступностью для неспециалистов и подчас популярным характером излагаемой в их рамках информации.

Авторы статьи взяли на себя смелость апробировать обозначенный подход в рамках начатого в 2013 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова эксперимента по чтению т. н. межфакультетских курсов (МФК). Начинание опирается на опыт зару-

¹ Хотя при этом, разумеется, в учебный план включены и второй славянский язык, и курс истории литератур всех инославянских народов, и многие иные общеславистические дисциплины.

бежных вузов и предусматривает в учебном плане всех факультетов МГУ наличие определенного количества предметов, которые студент обязан прослушать за пределами своего подразделения. Соответственно, каждый из факультетов университета перед началом очередного семестра заявляет некоторое количество курсов, которые обязуется прочесть для «чужих» студентов. При этом оговаривается, что данные курсы не должны дублировать учебные дисциплины факультета-заявителя, призваны носить междисциплинарный характер, быть адаптированы к восприятию неспециализированной аудитории, их проблематика должна признаваться актуальной для современной науки. Всем перечисленным требованиям, в свете изложенного выше, с очевидностью отвечают преподаваемые дисциплины «славистики для неславистов».

Первый опыт их чтения был реализован в виде межфакультетского курса «Наши братья – славяне: история, культура, литература», прочитанного профессорами Е.Н. Ковтун и А.Г. Шешкен в осеннем семестре 2013–2014 учебного года. Технические требования к МФК, связанные с различиями календарного графика обучения на факультетах МГУ, потребовали ограничения курса 12 лекциями (24 аудиторными часами); общий объем курса с учетом самостоятельной работы студентов составил 72 часа (2 зачетных единицы). Формой аттестации стал зачет, который слушатели могли получить «автоматом» при условии посещения ими не менее восьми лекций – или в форме собеседования по прочитанным художественным произведениям славянских авторов XIX–XX вв.¹

Формулируя название курса, его авторы исходили, прежде всего, из потребности заинтересовать рассматриваемой проблематикой студентов самых разных специальностей, в том числе негуманитарных. Для этого, помимо привлека-

¹ Поскольку авторы курса являются филологами-литературоведами, центр тяжести при изложении материала был смещен в сторону характеристики художественных текстов. «Сверхзадачей» лекторов стало пробуждение интереса слушателей к славянским литературам в целом и их лучшим представителям в частности. Вот почему на зачетном собеседовании студенту прежде всего было необходимо продемонстрировать знание и хотя бы поверхностное (на уровне соотнесения автора и произведения с определенной литературой, общей характеристики проблематики, умения видеть в тексте отражение специфических черт быта славянских народов, их истории и т. п.) понимание художественных произведений из предложенного списка. Последний содержал «обязательную» и «факультативную» части. В качестве обязательных для прочтения были даны (в русских переводах): «Солярис» или «Фиаско» С. Лема, «Похождения бравого солдата Швейка...» Я. Гашека, «R.U.R.», «Война с саламандрами» К. Чапека, «Невыносимая легкость бытия» или «Бессмертие» М. Кундеры, «Мост на Дрине» И. Андрича, «Хазарский словарь» М. Павича. Дополнительный список, из которого студент должен был выбрать для прочтения не менее двух книг, включал «Потоп» Г. Сенкевича, «Горный венец» П. Негоша, «Мистера Доллара» или «Госпожу министершу» Б. Нушича, «Последний рейс на Сараево» М. Капора, «Барьер» П. Вежинова, «Пуп земли» В. Андоновского, «Балладу о трубе и облаке» Ц. Космача, «Галерник» Д. Янчара, «Сестру Зигмунда Фрейда» Г. Смилевского, «Лесную песню» Леси Украинки, «Тени забытых предков» М. Коцюбинского, «Перверзию» Ю. Андруховича, «Ворошиловоград» С. Жадана, «Новую землю» Якуба Коласа, «Павлинку» Янки Купалы, «Альпийскую балладу», «Сотникова», «Короткую песню» В. Быкова, «Чернобыльскую молитву» С. Алексиевич.

тельных для слушателей понятий «культура» и «литература»¹, решено было включить в название скрытое напоминание русской части студенческой аудитории о ее принадлежности к славянскому миру и, соответственно, необходимости владения хотя бы начальными научными знаниями об этом мире. Тем не менее, учитывая снижение количества желающих поступать на славистические программы обучения, авторы курса не рассчитывали на многочисленных слушателей, полагая, что число записавшихся на лекции не превысит несколько десятков человек. Однако в итоговых зачетных ведомостях оказалось 383 фамилии. Списки же посещаемости, которые составлялись на каждой лекции, свидетельствуют о том, что на них в совокупности присутствовало до четырехсот пятидесяти студентов². Из общего количества ста сорока девяти МФК МГУ имени М.В. Ломоносова осеннего семестра 2013–2014 учебного года курс о славянах по численности слушателей занял восьмое место³.

На первой лекции МФК студентов попросили в письменной форме ответить на вопрос, почему они выбрали именно данный курс. В полученных ма-

¹ Два семестра чтения МФК позволили сделать ряд интересных наблюдений, которые еще предстоит проверить и осмыслить в дальнейшем. Во-первых, существенно более выраженный интерес слушатели проявили к курсам литературоведческой проблематики – не лингвистической, как предполагалось вначале. Лидерами по количеству записавшихся (из числа читаемых преподавателями филологического факультета) стали курсы «Современная русская литература и классика XX века (модернизм, постмодернизм, реализм)» проф. М.М. Голубкова (454 человека) и «Английская классическая поэзия: эпохи, авторы, тексты» проф. А.А. Липгарда (549 человек). Во-вторых, популярностью пользовались культурологические и искусствоведческие курсы, предложенные другими гуманитарными факультетами: например, «История русского театра как история России» (к.ф.н. Г.А. Заславский, факультет Высшая школа телевидения, 781 человек), «Мифология древняя и современная» (проф. Е.Н. Корнилова, факультет журналистики, 281 человек). Впрочем, обогнать естественников (курс «Общая астрономия» доц. В.Г. Сурдин, 861 человек) и тем более экономистов («Как создать свой бизнес – основы предпринимательства», н.с. Ю.Р. Митин и М.В. Хомич, 1008 человек) гуманитариям в нынешнюю эпоху, конечно, не удалось.

² В числе слушателей оказались представители самых разных подразделений. Приведем данные о распределении студентов по факультетам (по сведениям из зачетных ведомостей): механико-математический факультет – 9, факультет вычислительной математики и кибернетики – 120, физический факультет – 8, химический факультет – 5, биологический факультет – 22, факультет почвоведения – 1, геологический факультет – 4, географический факультет – 1, факультет наук о материалах – 1, факультет фундаментальной медицины – 8, исторический факультет – 16, философский факультет – 4, экономический факультет – 45, юридический факультет – 42, факультет журналистики – 12, факультет психологии – 7, Институт стран Азии и Африки – 17, социологический факультет – 16, факультет иностранных языков и регионоведения – 8, факультет биоинженерии и биоинформатики – 3, факультет фундаментальной физико-химической инженерии – 1, Высшая школа государственного аудита – 5, высшая школа современных социальных наук – 1, факультет политологии – 1, факультет государственного управления – 1, Высшая школа бизнеса – 1, факультет мировой политики – 3, факультет глобальных процессов – 3, Казахский филиал МГУ – 1, Филиал МГУ в Севастополе – 7. Особенно впечатляет интерес к курсу студентов столь, казалось бы, далеких от гуманитарного знания специальностей, как вычислительная математика и кибернетика.

³ <http://edu.msu.ru/mfk/stat.php>

териалах преобладали два типа мотиваций: «хочется больше узнать о славянах» и «был летом в Украине (Белоруссии, Чехии и т. д.), и захотелось узнать об этих странах подробнее». Однако встречались и суждения, демонстрирующие более основательные пороговые знания и серьезный интерес к славистике. Например, «хочется узнать о малочисленных славянских народах: лужицких сербах и русинах». Результаты анкетирования были учтены при подготовке материалов к лекциям.

Количество слушателей, равно как и небольшой объем курса, потребовали от авторов со всей ответственностью отнестись к разработке его концепции. Необходимо было подобрать и последовательно изложить на двенадцати лекционных занятиях тот минимум сведений об истории, культуре и литературе славянских народов¹, которым, в идеале, должен обладать каждый человек с университетским образованием. Кроме того, следовало принять во внимание относительно невысокий уровень «фоновых» культурных знаний нынешних студентов – вчерашних выпускников школ, часть которых вполне могла не представлять себе даже этнический состав, места расселения, языки и графику современных славян. При чтении курса эти опасения, как будет показано ниже, вполне подтвердились.

В итоге была составлена следующая аннотация предполагаемого МФК. «Курс призван создать у слушателей представление о важнейших фактах, связанных с историей и современной жизнью славянских народов, ближайших родственников русского народа. Студенты познакомятся с ландшафтами, бытом, государственной символикой, религией, важнейшими достопримечательностями славянских стран, получат сведения о различиях менталитета восточных, западных и южных славян. Научатся опознавать славянские алфавиты, узнают, на каком языке говорили древние славяне, как появилась славянская письменность и чем кириллица отличается от глаголицы.

В рамках исторического раздела курса слушатели получают возможность обобщить и систематизировать свои представления о важнейших событиях и процессах, определивших судьбы славянских народов; узнать, как сами славяне в различные времена определяли свою историческую миссию; почему на славянских территориях в далеком и недавнем прошлом начинались европейские и мировые войны; как славяне влияли на жизнь своих соседей; какие именно плоды материальной и духовной культуры славян стали неотъемлемой частью европейского культурного фонда.

Завершит курс обзор лучших художественных произведений, созданных славянскими писателями XIX–XX столетий. В число рассматриваемых авторов и литературных явлений войдут классики славянского романтизма, ре-

¹ По общепринятой в славянских странах практике «собственные» для каждой страны язык и культура исследуются и изучаются особо. Аналогично обстоит дело и в России, где русистика выделена в самостоятельную область науки и образования. Поэтому в характеризуемом славистическом МФК речь главным образом велась об инославянских народах, хотя, разумеется, родство с ними русского народа и его культуры подчеркивалось и объяснялось многократно.

лизма, постмодернизма (Адам Мицкевич, Генрик Сенкевич, Ярослав Гашек, Карел Чапек, Станислав Лем, Милорад Павич и многие другие), а также художественные течения и жанры, созданные славянами и не имеющие аналога в других литературах».

Как явствует из аннотации, курс состоял из трех тематических разделов: «общего», «исторического» и «литературного». Наиболее неоднородным по составу оказался «общий» раздел. В него вошли, во-первых, краткий обзор ныне существующих славянских народов и государств, демонстрация их символики (флаг, герб), панорам столиц или иных крупных городов, важнейших культурных центров, типичных ландшафтов, природных заповедников и т. п. Во-вторых, в нем содержалась характеристика геополитического положения славянских территорий в прошлом и настоящем; определялись границы и освещалась культурная специфика славянских регионов – Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Здесь же сообщались начальные сведения о происхождении славян и их расселении в Европе, о количестве и составе славянских языков, об используемых славянами алфавитах; данная тематика затем была развита в специальной лекции, посвященной возникновению славянской письменности. Наконец, первый раздел курса включал лаконичное описание истории славяноведения (с отсылкой к биографиям и научным трудам наиболее известных российских и инославянских ученых), завершившийся формулированием – на доступном слушателям уровне – новейших тенденций развития и проблематики современной филологической славистики. Пожалуй, основную сложность при создании раздела представлял именно «перевод» специализированной терминологии (например, лингвистической) и стилистики изложения научных концепций на язык, понятный широкой аудитории, – разумеется, при максимальном сохранении университетского уровня изложения материала.

Главная же трудность при разработке исторического и литературного разделов курса заключалась в отборе для каждого из занятий фактического материала – при том, что на историю и литературу даже не одной страны, но целого региона отводились одна-две лекции. Ясно, что необходимо было сосредоточиться на ключевых событиях и процессах, однако выбор конкретных тем для избирательного освещения полностью оставался за преподавателем.

Так, при изложении ключевых вех истории Центральной Европы основное внимание было обращено на: 1) факт появления в данном регионе в VII–IX вв. первых славянских государственных образований (держава Само, Великая Моравия), 2) создание Чешского и Польского княжеств, а затем королевств и их развитие в X–XIV столетиях (с указанием культурных связей и влияний – как межславянских, так и западноевропейских, со стороны Священной Римской империи); 3) формирование Польско-Литовского государства и его судьбу вплоть до разделов Польши в конце XVIII столетия; 4) гуситское движение в Чехии и последующую борьбу католицизма с протестантизмом.

стантскими учениями в Центральной Европе; 5) место и роль отдельных западнославянских народов в составе монархии Габсбургов; 6) культурный подъем и национально-освободительное движение на западнославянских территориях в XIX в., наконец, на судьбы западных славян в XX в. – при особом внимании к межславянским и российско-славянским политическим и культурным связям на протяжении последних двух столетий.

При освещении истории восточных славян – украинцев и белорусов – внимание обращалось на их общие корни с русским народом и на процесс формирования национальной самобытности данных этносов: 1) подчеркивалось значение для всех восточных славян общего культурного наследия Киевской Руси; 2) освещались события, специфические для исторических судеб украинского и белорусского народов (вхождение их территорий в состав Великого Княжества Литовского, Польши, затем Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.), распространение католицизма и латыни, их сосуществование с православием и традицией славянской письменности); 3) анализировалось влияние на данные этносы европейской культуры (на примере деятельности Франциска Скорины, Петра Могилы, Симеона Полоцкого), их посредническая роль в проникновении европейской образованности в Россию; 4) уделялось внимание историческим процессам, обусловившим сближение восточных славян с Россией в XVII–XVIII вв., значению Переяславской Рады; 5) говорилось о судьбе украинского и белорусского народов в составе Российской империи, росте их национального самосознания в XIX в., культурном подъеме, появлении национальной литературной классики; 6) освещались обстоятельства образования Украинской и Белорусской социалистических республик в составе СССР, формирования их государственности и развития культуры; наконец, 7) характеризовался процесс образования самостоятельных государств в начале 1990-х гг. как важнейшая веха в истории украинцев и белорусов.

На лекции, посвященной формированию сложного и пестрого поликультурного мира Балкан, подчеркивалось, что главным условием его возникновения стало сопряжение влияний различных идеологических и этнокультурных центров (Константинополя, Рима, Стамбула), а также долговременное раздельное проживание южных славян в составе разных государств и империй (Османской Турции, Австро-Венгрии). При этом освещались: 1) история этногосударственных образований – Первого Болгарского царства, сербской державы Неманичей, Второго Болгарского царства, их контакты с Византией, распространение ее идеологического и культурного влияния, способствовавшего расцвету славянского зодчества, церковной живописи и книжности; 2) крещение по римско-католическому обряду словенцев и хорватов с последующим вовлечением этих народов в сферу культурного влияния Западной Европы; 3) политические и культурные следствия сражения на Косовом поле (1389) и османского завоевания Балкан, судьбы южных славян под властью Османской империи (конец XIV – последняя четверть XIX в.),

отражение и оценка этих событий в богатом национальном фольклорном наследии; 4) влияние исламского мировоззрения и культуры на менталитет и духовный облик Балкан, характеризовались важнейшие памятники исламской архитектуры; 5) Дубровницкое Возрождение (XV–XVII вв.) как неотъемлемая часть культуры европейского Возрождения; 6) подъем национально-освободительного движения южных славян в XIX в., рост популярности идеи славянского единства; 7) появление самостоятельных южнославянских государств, их национальный состав и судьбы в XX в.; образование Социалистической федеративной республики Югославия и Народной республики Болгария; 8) появление новых государств после распада СФРЮ (1991).

Принцип избирательности вынужденно соблюдался и при характеристике литературного процесса, с той разницей, что времени на изложение данной части курса было отведено несколько больше (см. ниже) и особые лекции можно было посвятить отдельным национальным литературам. Учитывая количество переводов художественных текстов на русский язык и доступность этих переводов слушателям, при изложении западнославянских литератур пришлось ограничиться в основном польским и чешским материалом, с единичными упоминаниями о ведущих представителях словацкой и серболужицкой литератур. Изложение материала в данных лекциях основывалось на смене художественных парадигм (для Польши – начиная со Средних веков и эпохи Ренессанса, для Чехии преимущественно с периода Национального возрождения), каждая из которых была представлена творчеством одного или нескольких авторов. Так, лирику эпохи Ренессанса репрезентировали М. Рей и Я. Кохановский, барочную поэзию, в том числе сатирического типа, – И. Красицкий, предромантическую традицию – Я. Потоцкий и его фантастический роман «Рукопись, найденная в Сарагосе». Специфика западнославянского романтизма раскрывалась на примере творчества А. Мицкевича, Ю. Словацкого, К.Г. Махи. Основные тенденции развития реализма в литературах западных славян иллюстрировали произведения Б. Пруса, Г. Сенкевича, Э. Ожежко и их чешских современников – Б. Немцовой, Я. Неруды, А. Ирасека. В XX столетии эволюция реализма, разнообразие его жанровых и стилевых форм проявились в творчестве С. Жеромского, М. Домбровской, Я. Ивашкевича, Я. Гашека, К. Чапека, Т. Конвицкого, П. Яроша и др.

Не меньшее внимание уделялось представителям западнославянского модерна и авангарда. Слушатели узнали об эстетических программах «Молодой Польши» и «Чешской модерна», сочинениях С. Пшибышевского, поэзии К. Тетмайера, Л. Стаффа, Б. Лесьмяна, драматургии С. Выспянского, познакомились с мастерами польского «Двадцатилетия» (В. Гомбрович, Б. Шульц), услышали о течениях чешского поэтизма и сюрреализма (В. Незвал), словацкого натюризма (М. Фигули). Студентам были представлены ключевые фигуры социалистического периода развития западнославянских литератур и их идейные противники из самиздата и эмиграции. Наконец, особое внимание было обращено на новейший период развития литератур; для самостоятельного

чтения слушателям были рекомендованы переводы польских и чешских художественных произведений, созданных в 1990–2000-х гг. О. Токарчук, А. Стасюком, С. Хвином, М. Урбаном, М. Вивегом, М. Айвазом и другими авторами постсоциалистической эпохи.

При освещении белорусской и украинской литератур внимание было сосредоточено на авторах и произведениях, с наибольшей убедительностью раскрывающих национальную специфику художественной словесности и самобытность украинского и белорусского народов, освещающих ключевые моменты их истории. Характеристика особой роли Тараса Шевченко в формировании украинской литературы была соотнесена с празднованием в 2014 г. 200-летнего юбилея писателя; были раскрыты романтический пафос его произведений, их тематика и особенности поэтики, прослежены фольклорные истоки сюжетов и мотивов. Глубокая связь с фольклором была важнейшей чертой и белорусской национальной классики (Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович). Подчеркивалось переплетение исторических судеб восточных славян в XX в. Значение традиций русской литературы (Л. Толстого) для формирования национальной классики было показано на примере произведений на тему Великой Отечественной войны выдающегося белорусского писателя Василя Быкова, изобразившего силу характера, мужество и стойкость народа во время суровых испытаний. Высокие человеческие качества, единение перед лицом общей беды – аварии на Чернобыльской АЭС – рассматривались на материале современной документальной прозы Светланы Алексиевич, выдвинутой в 2013 г. на соискание Нобелевской премии по литературе.

Исторические судьбы южнославянских литератур (сербская, хорватская, словенская, черногорская, боснийско-герцеговинская, македонская, болгарская), сложный процесс их формирования и эволюции, а также тесное взаимодействие между собой серьезно усложнили и без того непростой выбор лекционного материала – фактов, имен и произведений. Предпочтение было отдано выдающимся писателям, творчество которых принадлежит нескольким литературам одновременно (великий сербский и черногорский поэт П.П. Негош, 200-летие которого отмечалось в 2013 г. в том числе в России). В центре внимания закономерно оказался Иво Андрич, писатель, принадлежащий одновременно сербской, хорватской и боснийской литературам, лауреат Нобелевской премии, произведения которого наиболее ярко передают сложную историю, переплетение культурных традиций, обычаи и особенности мировосприятия жителей Балкан. Учитывался также факт популярности у отечественного читателя отдельных авторов (например, Б. Нушича, пьесы которого прочно вошли в репертуар российских театров). Давно известна и любима нашими читателями и пронизанная фантастическими мотивами тонкая психологическая проза болгарского писателя П. Вежинова. Ряд представителей южнославянских литератур стали неотъемлемой частью культурного сознания современной эпохи. Это прежде всего касается М. Павича,

культового писателя нашего времени. К сожалению, не было возможности отдельно остановиться на каждой из южнославянских литератур (в частности, словенской и македонской). Для расширения представлений о южнославянских литературах студентам был предложен прокомментированный список авторов и произведений, которые они могли освоить самостоятельно.

Тематический план и содержание отдельных разделов характеризуемого курса выглядели следующим образом.

<i>№</i>	<i>Названия лекций</i>	<i>Дидактические единицы курса</i>
1.	Славянский мир сегодня	Современные славянские народы и государства. Понятие восточного, западного и южного славянского культурного ареала. Религиозные верования и бытовые стереотипы славян. Различия национального менталитета.
2.	Очарование славянской старины	Теории происхождения славян. Исторические источники о славянах и лингвистические реконструкции ранней славянской культуры. Предания и легенды славянских народов о собственном прошлом. Первые славянские государства в Европе.
3.	Язык до Киева доведет? Как славяне говорят и пишут	Славянские языки и графика. Возникновение и основные этапы эволюции славянской письменности. Глаголица и кириллица. Древнейшие славянские письменные тексты.
4.	Наука о славянах: «горячие точки» славистики	Рождение славяноведения. Научные представления и романтические воззрения на миссию славянских народов в XIX столетии. Концепции славянской взаимности. Основные разделы современной славистики. Международные славистические организации и съезды славистов.
5.	История славян: славяне Центральной Европы	Важнейшие события истории славянских народов. Роль славян в истории Европы. Славяне в составе великих империй. Становление и развитие независимых славянских государств.
6.	История славян: украинцы и белорусы	
7.	История славян: поликультурный мир Балкан	
8.	Литературные вершины: восточные славяне	Классики славянских литератур и их лучшие произведения, известные далеко за пределами славянского мира.
9.	Литературные вершины: западные славяне	
10.	Литературные вершины: южные славяне	

Небольшой объем МФК диктовал жесткие ограничения. К большому сожалению авторов, в его состав практически не вошли этнографические аспекты славистики, характеристика (хотя бы обзорная) славянского фольклора и многие иные интересные даже для неспециалистов темы. Авторам, безусловно, хотелось бы расширить материал о современной политической ситуации в славянских странах, их роли на международной арене, специфике и динамике экономической и социальной ситуации в последние десятилетия, культурных новациях и т. п. Но, во-первых, данные сферы лежат вне профессиональной компетенции преподавателей-филологов, а во-вторых, соответствующие области славяноведения, как и отдельные относящиеся к ним темы, могут (и должны) стать в будущем содержанием межфакультетских курсов, предложенных соответствующими подразделениями Московского университета¹.

Немало раздумий вызвала у авторов МФК форма подачи материала. В конце концов созрело решение сопровождать чтение лекций демонстрацией слайдов, на которых были представлены наиболее важные для запоминания имена, названия, факты. Кроме того, в подготовленных презентациях широко использовался видеоряд. Демонстрировались фотографии славянских ландшафтов, изображения государственных символов, исторические и современные карты, образцы текстов на славянских языках, портреты писателей, обложки книг, стихотворные отрывки и т. п. Это существенно – за счет наглядности – экономило время изложения отдельных тем, помогало студентам верно законспектировать и впоследствии лучше осмыслить услышанное.

Авторам курса хотелось, чтобы слушатели МФК получили возможность услышать живое звучание славянских языков. Это желание удалось осуществить благодаря охотной помощи студентов-славистов филологического факультета, которые прочитали стихи и спели песни на разных славянских языках. Такие выступления, длящиеся на нескольких лекциях примерно десять минут, пользовались большим успехом.

Несколько менее радужные ощущения оказались связаны у лекторов с процедурой проведения зачетных собеседований. Правда, следует иметь в виду, что их участниками стали не самые прилежные слушатели курса, – напомним, что активно посещающие лекции, задающие грамотные вопросы и вступающие в спонтанно возникавшие после конца занятий дискуссии студенты получили зачеты-«автоматы». В основном сдающие собеседования юноши и девушки плохо запоминали прочитанные (даже если таковые действительно были) художественные тексты, весьма неуверенно (и часто некорректно) воспроизводили услышанный на лекциях фактический материал. Впрочем, в этом не было влияния специфики курса. Аналогичные претензии все чаще приходится предъявлять и студентам-филологам, и слушателям иных МФК. Сказывается падение качества школьного образования, прежде

¹ Опыт чтения курсов с более локальной и специальной славистической проблематикой уже имеется: так, в осеннем семестре 2013–2014 учебного года философским факультетом был заявлен межфакультетский курс «Роль учения славянофилов».

всего отсутствие у обучающихся даже элементарных базовых знаний по истории и географии, активных навыков владения языком, умение анализировать проблематику прочитанных художественных произведений. Отсутствие школьного фундамента зачастую превращает новый услышанный на лекциях материал в абстракцию, с трудом поддающуюся систематизации и осмыслению. При проведении зачета не раз приходилось слышать от студентов признания вроде: «я вообще плохо знаю географию» (при элементарных вопросах), «не знаю историю, путаю исторические события и даты», «я медленно читаю, не могу дочитать до конца толстую книжку», «имена героев, описываемые в тексте события непонятны и поэтому неинтересны» и т. п. Подобные пробелы в общем образовании, если они сохранятся и – тем паче – будут усугубляться, могут поставить под сомнение саму возможность университетского образования и, в частности, доступность для слушателей каких бы то ни было межфакультетских и междисциплинарных курсов.

И все же повод для оптимизма есть. Очень приятно было видеть, что у многих студентов материал курса вызвал серьезный интерес. Практически всегда после окончания лекции как минимум полчаса уходило на ответы на вопросы, многие из которых были глубокими, касались славянских древностей, событий новейшей истории и политики, современных языков, писателей и произведений. Трогало воодушевление активных слушателей, их просьбы назвать дополнительную литературу по той или иной теме, вопросы «а что еще можно почитать» у того или иного автора, есть ли переводы других славянских писателей, где и как можно изучать разные славянские языки. И во время чтения лекций вполне ощущалась психологическая отдача, внимание аудитории, ее желание услышать как можно больше (вплоть до одергивания отвлекающихся и требований покинуть аудиторию, предъявляемых к опоздавшим или нарушающим дисциплину). Именно установление контакта со слушателями и впечатление нужности им сообщаемого материала помогло лекторам выдержать действительно немалую нагрузку, связанную с подготовкой курса, его чтением и контролем усвоенных студентами знаний. В целом, надеются авторы курса, им удалось выполнить взятые на себя задачи и более глубоко заинтересовать студентов самых разных факультетов Московского университета отдельными аспектами истории, культуры и литературы славянских народов, а также проблематикой науки о славянах.

Сведения об авторах:
Елена Николаевна Ковтун,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Elena Kovtun
Doctor of Philology

Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Алла Геннадьевна Шешкен,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Sheshken
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Программы

**Программа межфакультетского курса
МГУ имени М.В. Ломоносова
«Наши братья – славяне: история, культура, литература»**

1. Цели и задачи дисциплины

1.1. Цели дисциплины

Получение студентами систематизированной информации об истории, культуре и литературе славянских народов; современных славянских государствах, регионах, ментальности и этническом самосознании славян; этапах развития славистики и актуальных проблемах славянской филологии.

1.2. Задачи дисциплины:

- 1) характеристика важнейших этнических, ментальных и общекультурных закономерностей развития восточных, западных и южных славян;
- 2) освещение основных фактов политической истории и истории культуры славянских народов, этапов формирования идеи общности происхождения славян, родства их языков и культур; ключевых вех развития славяноведения;
- 3) формирование у студентов представлений об основных этапах и базовых закономерностях развития славянской письменной традиции и художественной литературы славянских народов;
- 4) знакомство студентов с наиболее известными художественными произведениями инославянских писателей XIX–XX вв., анализ их проблематики и важнейших особенностей поэтики.

2. Место дисциплины в структуре образовательной программы

Вариативная часть, раздел «Курсы по выбору студента». Дисциплина предназначена для изучения студентами, обучающимися в МГУ имени М.В. Ломоносова по различным (в том числе негуманитарным) образовательным программам высшего образования. Освоение курса предполагает наличие у обучающихся знаний и умений, полученных в ходе изучения программы общеобразовательной школы.

Программа дисциплины разработана специально для системы межфакультетских курсов МГУ имени М.В. Ломоносова и не имеет аналогов в практике российского высшего образования. Содержание дисциплины отражает концепцию создателей программы.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Дисциплина участвует в формировании следующих компетенций студента в соответствии с Образовательными стандартами (ОС) бакалавриата и магистратуры МГУ имени М.В. Ломоносова:

– владение основами исторических знаний, понимание движущих сил и закономерностей исторического процесса, места человека в историческом процессе, политической организации общества (ОНК-3);

– способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (СК-3).

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать:

– важнейшие этапы развития славянской письменной традиции, наиболее авторитетные художественные произведения инославянских писателей XIX–XX вв.;

– базовые закономерности исторического развития славянских народов и территорий;

– основные термины и понятия славистики как совокупности наук о славянах,

уметь:

– анализировать художественные произведения инославянских писателей XIX–XX вв. в историко-культурном контексте и в рамках соответствующей национальной литературной традиции;

– корректно характеризовать и описывать явления и процессы в сфере истории и литературы славянских народов;

владеть:

– навыками самостоятельного чтения и анализа художественной, научной и учебно-методической литературы по проблематике курса;

– навыками самостоятельного поиска необходимой научной и справочной информации по проблематике курса;

– навыками работы с основными электронными ресурсами, в частности специализированными сайтами и электронными библиотеками художественных текстов.

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

п/п	Раздел дисциплины	Неделя семестра	Виды учебной работы (в ак. часах)		Формы текущего контроля успеваемости
			лекции	с.р.с.	
1.	Славянский мир сегодня	1	2	4	
2.	Очарование славянской старины	2	2	4	
3.	Язык до Киева доведет? Как славяне говорят и пишут	3	2	4	
4.	Наука о славянах: «горячие точки» славистики	4	2	4	
5.	История славян: славяне Центральной Европы	5	2	4	
6.	История славян: украинцы и белорусы	6	2	4	
7.	История славян: поликультурный мир Балкан	7	2	4	
8.	Литературные вершины: восточные славяне	8	2	4	
9.	Литературные вершины: западные славяне	9–10	2	4	
10.	Литературные вершины: южные славяне	11–12	2	4	
	Итого:		24	48	зачет

5. Содержание дисциплины

1. Славянский мир сегодня

Современные славянские народы и страны: ландшафты, быт, государственная символика, геополитическая характеристика, важнейшие достопримечательности славянских территорий. Принципы научной классификации славянских этносов и языков.

Религиозные верования и бытовые стереотипы славян. Различия национального менталитета. Понятие восточного, западного и южного славянского культурного ареала. Материальная и духовная культура славян как неотъемлемая часть культурного наследия Европы.

2. Очарование славянской старины

Научные теории происхождения славян в прошлом и современности. Исторические источники о славянах и лингвистические реконструкции ранней славянской культуры. Предания и легенды славянских народов о собственном прошлом. Первые славянские государства на территории Европы (дер-

жава Само, Карантания, Великая Моравия, Первое Болгарское царство, Древнерусское государство). Отношение славян с соседними народами, культурные влияния и взаимопроникновение культур.

3. Язык до Киева доведет? Как славяне говорят и пишут

Славянские языки и графика. Возникновение и основные этапы эволюции славянской письменности. Великие славянские просветители Кирилл и Мефодий. Глаголица и кириллица. Отражение создания славянской азбуки в произведениях современной литературы. Древнейшие славянские письменные тексты. Книгопечатание у славян.

4. Наука о славянах: «горячие точки» славистики

Рождение славяноведения во второй половине XVIII в. Наиболее известные славянские просветители и деятели Славянского национального возрождения. Научные представления и романтические воззрения на миссию славянских народов в XIX столетии. Теория славянской взаимности и идеи воссоздания общеславянского языка. Славянский съезд 1848 г. в Праге и концепции будущего славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вехи истории российской славистики. Кафедры истории и литературы славянских наречий в российских университетах после 1835 г. Крупнейшие отечественные слависты. Базовые принципы преподавания истории славян, славянских языков и литератур. Эволюция российской славистики в XX столетии.

Основные разделы современного славяноведения. Международные центры славистики, славистические организации и съезды славистов. Актуальные проблемы современного славянского языкознания и литературоведения.

5. История славян: славяне Центральной Европы

Общая характеристика важнейших этапов и процессов в истории славянских народов. Роль славян в истории Европы. Славяне в составе великих империй. Становление и развитие независимых славянских государств.

Основные вехи истории славян Центральной Европы. Появления в данном регионе в VII–IX вв. первых славянских государственных образований. Полабские славяне. Создание Чешского и Польского княжеств, а затем королевств и их развитие в X–XIV столетиях. Межславянские и славяно-европейские культурные связи и влияния в эпоху Средневековья. Славяне и Священная Римская империя. Формирование Польско-Литовского государства и его судьба вплоть до разделов Польши в конце XVIII столетия. «Шляхетская демократия» как особый тип социального устройства. Влияние идеологии сарматизма на развитие польской культуры. Гуситское движение в Чехии и последующая борьба католицизма с протестантскими учениями в Центральной Европе. Место и роль западнославянских народов в составе монархии Габсбургов в XVI–XVIII вв. Культурный подъем и национально-освободи-

тельное движение на западнославянских территориях в XIX в. Создание независимых славянских государств после Первой мировой войны. Судьбы западных славян в XX в. Межславянские и российско-славянские политические и культурные связи в XIX–XX столетиях.

6. История славян: украинцы и белорусы

Общие корни украинцев и белорусов с русским народом. Киевская Русь – общее культурное наследие восточных славян. Формирование национальной самобытности этносов. События, специфические для исторических судеб белорусского и украинского народов вхождение их территорий в состав Великого Княжества Литовского, Польши, затем Речи Посполитой (XIII–XVIII вв.), распространение католицизма и латыни. Сосуществование католицизма и православия, славянской письменности и латыни. Влияние европейской культуры (на примере деятельности Франциска Скорины, Петра Могилы, Симеона Полоцкого). Посредническая роль при проникновении в Россию европейской образованности. Сближение восточных славян с Россией в XVII–XVIII вв. (Переяславская Рада). Судьба белорусского и украинского народов в составе Российской империи, рост национального самосознания в XIX в. Культурный подъем, появление национальной литературной классики. Образование Белорусской ССР и Украинской ССР в составе СССР, формирование их государственности и развитие культуры; появление самостоятельных государств (1991) как важнейшая ступень в истории белорусов и украинцев.

7. История славян: поликультурный мир Балкан

Влияние идеологических и этнокультурных центров (Константинополя, Рима, Стамбула), долговременное раздельное проживание южных славян в составе разных государств и империй (Османской Турции, Австро-Венгрии). Крещение по римско-католическому обряду словенцев и хорватов с последующим вовлечением этих народов в сферу культурного влияния Западной Европы. Дубровницкое Возрождение (XV–XVII вв.) как неотъемлемая часть культуры европейского Возрождения. Битва на Косовом поле (1389 г.) и османское завоевание Балкан, судьбы южных славян под властью Османской империи (конец XIV – последняя четверть XIX в.), отражение и оценка этих событий в фольклоре. Влияние исламского мировоззрения и культуры на менталитет и духовный облик Балкан. Важнейшие памятники исламской архитектуры. Подъем национально-освободительного движения южных славян в XIX в., рост популярности идеи славянского единства. Появление самостоятельных южнославянских государств, их национальный состав и судьбы в XX в. Образование Социалистической федеративной республики Югославия (СФРЮ) и Народной республики Болгария. Появление новых государств после распада СФРЮ (1991).

8. Литературные вершины: восточные славяне

Литература как отражение национальной специфики литературы и самобытности украинского и белорусского народов. Тарас Шевченко и его роль в формировании украинской литературы. Романтический пафос его произведений, тематика и особенности поэтики, фольклорные истоки сюжетов и мотивов. Связь с фольклором белорусской национальной классики (Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович). Значение традиций русской литературы (А. Пушкин, Н. Гоголь, Л. Толстой) для формирования национальной классики. Василь Быков – выдающийся белорусский писатель XX в. Авария на Чернобыльской АЭС (1986) в освещении украинских и белорусских авторов (С. Алексиевич).

9. Литературные вершины: западные славяне

Общая характеристика процесса смены художественных парадигм в литературах западных славян от Средневековья до наших дней. Формирование письменных языков западных славян; закрепление современной литературной нормы. Важнейшие западнославянские письменные памятники Средневековья и Нового времени. Формирование национальных литературных традиций современного типа в конце XVIII – XIX вв.

Крупнейшие представители польского Ренессанса (М. Рей и Я. Кохановский) и барокко (И. Красицкий). Специфика западнославянского романтизма (поэзия А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Я. Коллара, К.Г. Махи, Ф. Прешерна). Основные тенденции развития реализма в литературах западных славян (наиболее известные произведения Б. Пруса, Г. Сенкевича, Э. Ожежко Б. Немцовой, Я. Неруды, А. Ирасека, С. Гурбана-Ваянского, М. Кукучина). Эволюция эстетической платформы реализма в XX столетии, разнообразие его жанровых и стилевых форм (проза С. Жеромского, М. Домбровской, Я. Ивашкевича, Я. Гашека, К. Чапека, Е. Анджеевского, Т. Конвицкого, П. Яроша и др.).

Общая характеристика западнославянского модернизма и авангарда. Эстетические программы «Молодой Польши» и «Чешской модерна», сочинения С. Пшибышевского, поэзия К. Тетмайера, Л. Стаффа, Б. Лесьмяна, драматургия С. Выспяньского. Мастера польского «Двадцатилетия» (В. Гомбрович, Б. Шульц). Художественная специфика чешского поэтизма и сюрреализма (В. Незвал), словацкого натурализма (М. Фигули).

Новейший период развития западнославянских литератур (1990–2000-е гг.). О. Токарчук, А. Шашук, С. Хвин, М. Урбан, М. Вивек, М. Айваз и другие современные славянские авторы в русских переводах.

10. Литературные вершины: южные славяне

Исторические судьбы южнославянских литератур (сербская, хорватская, словенская, черногорская, боснийско-герцеговинская, македонская, болгар-

ская), сложный процесс их формирования и эволюции, тесное взаимодействие между собой. Явление равной принадлежности одного писателя родственным литературам. Великий сербский и черногорский поэт П.П. Негош. Лауреат Нобелевской премии Иво Андрич – писатель, принадлежащий одновременно сербской, хорватской и боснийской литературам. Отражение в его романах («Мост на Дрине») истории и переплетения культурных традиций, обычаев и особенностей мировосприятия жителей Балкан. Комедиограф Б. Нушич, актуальность тематики и проблематики его пьес («Доктор философии»). Фантастическая психологическая проза болгарского писателя П. Вежинова. М. Павич – культовый писатель нашего времени. Общая характеристика словенской и македонской литератур. Писатели о конфликте на Балканах на рубеже XX–XXI в. Момо Капор. Роман «Последний рейс на Сараево».

6. Рекомендуемые образовательные технологии

Освоение дисциплины предполагает использование активных и интерактивных форм проведения занятий (письменные ответы слушателей на вопросы преподавателей, демонстрация презентаций, дискуссия).

В рамках самостоятельной работы студентов курс предполагает использование библиотечных фондов, а также информационно-телекоммуникационной сети Интернет для поиска и анализа информации, работу со специализированными базами данных (в том числе с электронными коллекторами художественных текстов).

7. Оценочные средства для промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

Формой промежуточной аттестации по дисциплине является зачет, который проводится в форме собеседования по прочитанным художественным текстам и по проблематике дисциплины. Допускается проставление зачета без проведения собеседования студентам, посетившим не менее 8 занятий, выполнившим письменные задания и принимавшим участие в дискуссиях.

Вопросы для зачетного собеседования

А) По прочитанным текстам славянских писателей

1. Литературу какого славянского народа представляет данный автор?
2. Каких еще представителей данной литературы знаете?
3. Какая историческая эпоха изображена в данном произведении? Охарактеризуйте ее основные черты.
4. Какие черты быта и культуры славян запечатлены в данном тексте? Прокомментируйте их национальную специфику.

5. Назовите крупнейших славянских писателей XIX (или XX) в. Какую из национальных литератур представляет каждый из них?
6. Назовите художественные течения, представленные в славянских литературах XIX–XX вв.
7. Охарактеризуйте проблематику одного из прочитанных текстов? Как можно сформулировать заложенные в нем идеи (авторский замысел)?
8. В чем заключаются причины популярности (мировой известности) данного автора?
9. Какие из прочитанных произведений вам показались наиболее интересными? Почему?
10. На основе прочитанных текстов охарактеризуйте наиболее значимые для славянских авторов темы и проблемы.

Б) По проблематике дисциплины

1. Назовите современные славянские народы.
2. Назовите современные славянские государства. Какие современные славянские народы не имеют собственных государств?
3. Назовите столицы современных славянских стран, расположенные на их территориях горные массивы и реки, ставшие символами славянских земель и народов.
4. Когда произошло расселение славян в Европе? Какие древние славянские государства знаете?
5. Какие славянские алфавиты вам известны? Когда и при каких обстоятельствах они были созданы?
6. Какие графические системы используют ныне славянские народы? Приведите примеры.
7. Какие живые славянские языки знаете? На какие группы они подразделяются? Существовали ли в прошлом другие славянские языки? Назовите их.
8. Назовите религии, представленные у славянских народов.
9. Когда и при каких обстоятельствах образовались современные славянские государства?
10. В состав каких империй входили славянские народы в прошлом?
11. Каковы основные различия культур восточных, западных и южных славян?
12. Каких знаменитых славян (кроме писателей) знаете (государственные деятели, ученые, художники, музыканты и т. д.)?
13. Что вы знаете о культурных связях между зарубежными славянами и Россией?
14. Какие исторические события европейского масштаба были непосредственно связаны со славянскими народами и территориями славянских стран?

8. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

I. Художественные тексты

Обязательные тексты

1. Лем Станислав. «Солярис» или «Фиаско».
2. Гашек Ярослав. «Похождения бравого солдата Швейка...». Часть 1.
3. Чапек Карел. «R.U.R.», «Война с саламандрами».
4. Кундера Милан. «Невыносимая легкость бытия» или «Бессмертие».
5. Андрич Иво. «Мост на Дрине».
6. Павич Милорад. «Хазарский словарь».

Дополнительные тексты

1. Сенкевич Генрик. «Потоп».
2. Негош Петр Петрович. «Горный венец».
3. Нушич Бранислав. «Доктор философии».
4. Капор Момо. «Последний рейс на Сараево».
5. Вежинов Павел. «Барьер».
6. Андоновский Венко. «Пуп земли».
7. Космач Цирил. «Баллада о трубе и облаке».
8. Янчар Драго. «Галерник».
9. Смилевский Гоце. «Сестра Зигмунда Фрейда».

Дополнительные тексты по украинской литературе

1. Леся Украинка. «Лесная песня».
2. Михаил Коцюбинский. «Тени забытых предков».
3. Юрий Андрухович. «Перверзия».
4. Сергей Жадан. «Ворошиловоград».

Дополнительные тексты по белорусской литературе

1. Якуб Колас. «Новая земля».
2. Янка Купала. «Павлінка».
3. Василь Быков. «Альпийская баллада». «Сотников». «Короткая песня».
4. Светлана Алексиевич. «Чернобыльская молитва».

Студенту необходимо прочитать в общей сложности не менее восьми текстов.

II. Справочная литература

Основная

1. История южных и западных славян: Т. 1–2. М., 1998.
2. История культур славянских народов. Т. 1–3. М., 2003–2008.
3. История литератур западных и южных славян. Т. 1–3. М., 1997–2001.

4. История литератур Восточной Европы после второй мировой войны.
Т. 1. 1945–1960-е гг. Т. 2. 1970–1980-е гг. М., 1995–2001.

Дополнительная

1. Очерки истории болгарской литературы XIX–XX веков. М., 1959.
2. *Андреев В.Д.* История болгарской литературы. 2-е изд. М., 1987.
3. Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков. М., 1963.
4. *Кузнецова Р.Р.* История чешской литературы. М., 1987.
5. История польской литературы: В 2 т. М., 1968–1969.
6. Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. М., 1997.
7. *Гузнин А.А.* История серболужицкой литературы. М., 1996.
8. Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
9. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: В 2 т. М., 2005.

Интернет-ресурсы

1. <http://www.inslav.ru>
2. <http://www.philol.msu.ru/~slavphil>
3. <http://www.slavcenteur.ru>
4. <http://nkslav.ru>

Разработчики программы:
профессор Е.Н. Ковтун,
профессор А.Г. Шешкен,
кафедра славянской филологии
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Program developers:
Prof. Elena Kovtun,
Prof. Alla Sheshken,
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Публикации

И.Л. Анастасьева

Непознанный Евреинов

Аннотация: В статье, предваряющей публикацию сценария «La bête Traquée» («Загнанный зверь»), определено место Николая Евреинова в истории русского театра начала XX века, его взгляды на судьбу театра в будущем. Сценарий рассматривается в контексте представлений Евреинова о театральном искусстве как таковом.

Ключевые слова: Николай Евреинов, «театрализация жизни», инстинкт театральности, модернистский театр, дихотомия «дионисийство – аполлинизм»

Abstract: In the article which precedes the publication of the film script «La bête Traquée» («The cornered») is defined the place of Nicholai Evreinov in the history of Russian theater in early XX century, his views on the future destiny of theatre. The film script is considered in the context of representations of Evreinov about dramatic art as such.

Key words: Nicholai Evreinov, «the life being converted into the theatre», «instinct of theatricality», «modernist theater», the dichotomy «Dionysianism – Apollonism»

К сожалению, имя Николая Евреинова сегодня мало кому известно. Филологи, культурологи, историки театра – пожалуй, таким списком и ограничивается круг тех специалистов, у которых творчество этого театрального деятеля, актера, драматурга вызывает восхищение и уважение. После того как Евреинов покинул охваченное революционными событиями отечество, став невозвращенцем, его имя было вымарано из российской истории.

Великий экспериментатор, талантливый реформатор сценического искусства, в свое время он пытался распространить законы театра на обыденное человеческое поведение, полагая, что феномен «театрализации жизни» может кардинально изменить представление личности о себе, «раскупорить» ее творческий потенциал, позволив каждому быть талантливым в своей естественности.

В своих критических работах Евреинов ввел понятие инстинкта театральности. По мнению драматурга, это врожденная форма поведения живых существ, имманентное качество, которое, будучи сродни инстинкту самосохранения, не только позволяет разрушить поведенческие стереотипы и человеческую условно-социальную потребность следовать этим бихевиористским

схемам, но попросту предоставляет людям возможность выжить во враждебных исторических условиях, независимо от того, говорим мы о первобытных временах или современности.

Инстинкт театральности был исследован Евреиновым как психобиологическое понятие. Реализации этого инстинкта служат такие эмоции, как страх или счастье, жажда власти. Так или иначе, разрушение этого инстинкта губительно для человечества и превращает его в «заржавевшую, скрипучую, громадную, неуклюжую, решительно никому не нужную»¹ машину.

Рубеж XIX–XX веков ознаменован бурной театральной полемикой, участники которой стремились не столько возродить русский театр, сколько создать новый – и, безусловно, на модернистской платформе. Евреинов – один из наиболее активных участников драматургической дискуссии, позволившей ему вербализовать идеи «эстетической монстрации» (если демонстрация – это наглядный способ выражения воли масс, то монстрация – ситуация, когда каждый показывает себя и с интересом смотрит на другого), артикулирующие не «правду жизни», а законы художественно-бытового поведения, превращающие жизненную площадку в сценические декорации. Не театр подражает жизни, настаивал Евреинов, а жизнь копирует театр, и, – если это так, – театр и есть сама жизнь.

Ролевое поведение не есть лицемерие, не есть стремление закамуфлировать свое отношение к миру, людям, ситуации. Театральность требует лишь одного – искусства обнажения души, необходимого для того, чтобы заставить человека сыграть свою партию силой собственного воображения. Характер амплуа, продиктованный личностными пристрастиями и потребностями, образованностью и вкусом, становится свидетельством глубины таланта каждого «персонажа».

Попытку воплощения такого рода идей представляет собой неопубликованный синопсис киносценария «La bête Traquée» («Загнанный зверь»)². К папке киносценариев приложено письмо жены Евреинова, Анны Кашиной-Евреиновой, от 15 мая 1957 г.: «Написан с Клавье (им и оплачен, а работа Евреинова). Никогда не был реализован». В книге воспоминаний Кашиной о муже, к сожалению, ничего не говорится об этом синопсисе, и сложно установить год, когда был написан сценарий: указаний в самой рукописи нет. Возможно, драматург работал над ним в 1927–1931 – в «годы полного преуспевания», по словам жены, – именно на этот период жизни приходится его мечты о массовом кинозрителе и достойных заработках. В 1928 г., как вспоминает Кашина, к драматургу «обратился некий синеаст» (кинематографист. – *И.А.*) Жак Натансон. «Натансон предложил Евреинову срочно разработать сценарий из романа Эмиля Золя “Плодовитость”. <...> Муж охотно принял предложение Натансона: его всегда интересовала работа в кино. <...> Поздней осенью того же года крутится

¹ *Евреинов Н.Н.* Театр для себя. Ч. 1: Теоретическая. СПб., 1916. С. 102.

² BAR, Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive, Evreinov, box 3.

(вероятно, монтируется. – *И.А.*) самый фильм и к весне выходит на экран одним из последних парижских “немых” фильмов»¹. Лента не слишком заинтересовала публику, по воспоминаниям Евреиновой: звуковое кино начало вытеснять с экрана немые фильмы.

Сюжет киносценария «Загнанный зверь», на первый взгляд, банален. Главная героиня – простая крестьянская девушка Маризетта Дюбуа – возвращается домой из пансиона; поступает на службу к молодой супружеской паре Жоржу и Лиди Ландуа и влюбляется в хозяина дома. Любовная интрига стремительно развивается. Очарованный Маризеттой Жорж признается ей в своем чувстве, себя и ее уподобляя Амуру и Психее: любовь поразила его как молния, как когда-то сразила Амура. Маризетта пытается сопротивляться, но... тщетно: хозяин ей нравится, хотя он и женат. Маризетта уверена, что библейский царь Соломон предостерег бы Жоржа от необдуманных поступков. Однако Жоржа это не останавливает. Он настаивает: в его страсти «нет ничего преступного»; эта страсть, объясняет герой юной девушке – это как благодарная молитва Богу, она способна возвысить душу, к тому же она не помешает ему по-прежнему любить жену.

Маризетта для Жоржа – муза, его Афина, рядом с ней он чувствует себя счастливым. В мечтах Жорж видит, как их любовь становится такой же возвышенной, как любовь Петрарки и Лауры.

Характер Маризетты противоречив: есть в ней и прозаизм, приземленность, ограниченность, что в то же время не мешает героине проявлять свою дионисийскую природу, которая и зажигает в сердце Жоржа блаженный восторг – он опьянен чувством. Амбивалентность образа Маризетты – дань еврейновской трактовке искусства. В пансионе крестьянка превращается в «особу благородного происхождения», а когда возвращается в родную деревню – перевоплощается в крестьянку, и представлено это как вполне естественная ситуация. Поведение Маризетты не противоречит канону правды. «Пастух, когда играет на свирели – сидит на красивом склоне холма, – смотрит на золотистый трепет ветвей (и иногда на стадо) – мечтает о своей возлюбленной – и чувствует себя властелином (хоть бы над баранами) и уже наверное свою бедную судьбу не считает за действительность. Во всяком случае он далек от истины (от реальности. – *И.А.*), и весь мир для него – вторая ясная правда, утверждающая смысл и оправдание жизни. И если нечаянно пролетят над голым пастухом снежнокрылые лебеди и растают в камышах – он будет верить, что лебеди обратятся в розовых девушек и будут заманивать пастуха в озаренную заросль.<...> А завтра этот пастух уже на другом месте, и все окружающее делает его иным, может быть еще дальше улетевшим на крыльях фантазии от тоски настоящей жизни»² – так принцип театрализации воплощается в жизнь.

¹ *Кашина-Еврейнова А.Н.* Н. Евреинов в мировом театре XX века. Париж, 1964. С. 55.

² *Каменский В.* Книга о Евреинове. Пг., 1917. С. 37–38.

О Петрарке, Лауре, Афине Маризетта ничего не знает. Она не в состоянии осознать, что происходит, не догадывается, что Жорж испытывает к ней платоническое, аполлиническое чувство: миловидная крестьянка представляется ему Афродитой Небесной – не Земной, его восхищает душа этой милой девочки, он видит перед собой Психею.

Дионисийство противоположно аполлинизму. Аполлинизм есть, прежде всего, мир сновидений, мечтаний, он противостоит стихии экстаза. В начале сценария Маризетта представлена как «красивая, нежная, сентиментальная и искренняя девушка», она чиста и непорочна. Маризетта пленяет всех, кто оказывается рядом с ней, становясь воплощением юнговской Анимы, которая детерминирует мужской взгляд на женщину. Именно поэтому Жорж подпал под ее очарование, но он убежден, что мудрый Соломон увидел бы в его поведении лишь стремление преклонить колени перед Прекрасной Дамой, Вечной Женой. Как раз об этом говорит Жорж, утверждая, что в его чувстве нет «ничего преступного», что его любовь возвышает душу, а не оскверняет ее.

Следуя символистским традициям, Евреинов создает дихотомию, противопоставляя дионисийское и аполлиническое начала обеих героинь – Маризетты и Лиди, жены Жоржа. Оппозиция небесного / земного в киносценарии отражена в именах героинь. Значение имени Лидия (в данном случае — Лиди), которым Евреинов нередко наделяет женских персонажей, исследовал в своей работе Игорь Лоцилов: «Имя “Лидия” довольно часто встречается в книгах Евреинова в тесной связи с происхождением драмы, однако не в качестве антропонима <...>, но в качестве топонима: греческое имя Lydia означало “рожденная в Лидии” – богатой области в Малой Азии (ныне территория Турции), откуда к грекам пришел бог сцены»¹. Имя Лидия становится знаком «привязанности к земле», с одной стороны, и выявляет присутствие в ней не столько аполлинического начала (что естественно для аристократки), сколько дионисийского. С другой стороны, «рожденная в Лидии» – на родине «бога сцены», – героиня ведет себя в жизни как талантливая актриса. Она жестока, что подтверждается ее изменами мужу. Но любит она именно его, – любит так страстно, что, став случайным свидетелем любовного объяснения Жоржа и Маризетты и поверив в существующую между ними связь, стреляет в себя.

По происхождению Маризетта крестьянка, в имени ее заключена серафическая – не языческая суть ее характера: Маризетта – уменьшительно-ласкательный дериват от Мари-Луиза. Мария – имя Мадонны; вторая часть имени – Луиза – происходит от Луи² (славный рыцарь), что лишней раз подчеркивает свойственное этому образу возвышенно-архетипическое начало.

¹ Лоцилов И.Е. Новелла Л. Добычина «Лидия» // Добычинский сборник-4 / Под ред А.Ф. Белоусова, Ф.П. Федорова. Даугавпилс, 2004. Dobuina kvjums. 4. Daugavpils: Saule, 2004. 288 p.

² Louise: Étymologie: Dérivé de Lodewijk. Féminin de Louis: illustre au combat (germanique) // [http://fr.wikipedia.org/wiki/Louise_\(pr%C3%A9nom\)](http://fr.wikipedia.org/wiki/Louise_(pr%C3%A9nom))

Жорж, увлекшись Маризеттой (не будем забывать о катартической роли театрализации), должен излечиться любовью. Жорж – писатель, артистическая натура, он желал бы в своей жене обрести идеал Вечной Женственности. Но женщина, которую он любит, далека от совершенства, а его нереализованные желания вытесняются в подсознание. Маризетту он воспринимает как воплощение истинной добродетели; он как художник любит ее, а как поэт находит в ней такие душевные качества, которых, вполне вероятно, у этой девушки нет. В то же время он сохраняет нежность к жене, глубоко потрясен ее попыткой самоубийства, переживает из-за ее ранения, ухаживает за ней. Одну женщину он воспринимает как олицетворение земного начала, другую – небесного, и он не желает расставаться ни с одной из них. Так он пытается избавиться от страшного недуга, рожденного ревностью к прошлому и настоящему своей жены. Получив письмо из деревни от священника, духовного пастыря жениха Маризетты Норбера, который говорит о нем как о человеке, достойном стать мужем девушки, Жорж неистовствует и с трудом сдерживает себя: «Все против меня».

«Крикливый шут Ее Величества Жизни», Николай Евреинов завершает сценарий прозаически: «Все закончилось хорошо. <...> Жорж возвращается к своей обожаемой жене, просит у нее прощения за свои “беспочвенные” подозрения в измене». (Sic! Он не просит прощения у нее за свою интрижку с Маризеттой; он не считает свое поведение безнравственным. – *И.А.*). Маризетта, вернувшись в Бельсер, оказывается в объятиях Норбера. Добрый священник благословляет их. В этом финале звучат и ирония писателя-сатирика над романтическими сюжетами, и самоирония в традициях «Кривого зеркала», режиссером которого он был в течение многих лет. Автор не забывает и об ожиданиях французских зрителей, которых, вероятно, мало интересовали его сложные эзотерические построения.

Сведения об авторе:

Ирина Леонидовна Анастасьева,
канд. филол. наук

доцент

факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina Anastasjeva,
Candidate of Philology

Docent

Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University

La bête traquée

Synopsis du scénario cinématographique (sentimental)
par Marcel Clavié et Nicolas Evreinoff

Une pension de jeunes filles, dans un couvent d'une ville du midi.

Les derniers examens du baccalauréat...

Parmi les élèves qui les subissent se distingue particulièrement une Marisette Dubois – belle fille, douce, sentimentale, candide. On devine son caractère captivant d'après les conversations qu'elle a eues avec ses camarades, la veille du dernier examen.

Les bacheliers parlent à haute voix de leur avenir.

– Et toi, qu'est-ce que tu penses faire après le baccalauréat? (*Demande-t-on à Marisette.*)

– Moi? Eh bien je rentrerai chez nous, dans mon village. Ma tante vient de mourir et il faut bien que quelqu'un la remplace auprès de mon oncle. Il a tant besoin d'être aidé, pauvre vieux...

– Où est donc ton village Marisette?

– A Belleserre, dans le département du Tarn.

– Il doit être dans une situation très aisée, ton oncle, puisqu'il t'a fait instruire dans notre pensionnat?

– A Belleserre, les paysans ont l'orgueil d'élever leurs enfants au-dessus du niveau moyen; ils sont fiers d'entendre appeler leur fille «mademoiselle»... Les jeunes sont en effet demoiselles tant qu'elles sont ici, sous les ordres des religieuses. Puis, lorsqu'elles quittent le pensionnat, elles redeviennent paysannes. Je suis née paysanne: j'en conserverai toujours le caractère et l'indépendance, car la terre quand on la cultive intelligemment, n'asservit pas les paysans: elle en fait des êtres fiers, des êtres indépendants.

(2)

Au village de Belleserre.

C'est un printemps ensoleillé...

Les travaux agricoles sont en train de se multiplier.

Vers le soir, on voit l'oncle de Marisette rentrer des champs dans sa maison pittoresque, où une vieille femme du village lui prépare son repas.

Vient Norbert, un joli garçon de ferme d'une propriété voisine.

– Elle sera bientôt de retour, ta petite «demoiselle savante»? (*Demande-t-il à l'oncle.*)

– Ça t'intéresse à un tel point? (*Ricane le vieux.*)

– Non, pas elle précisément, mais... son père.

- Son père?
- Où est-il donc?.. Personne ne le voit nulle part?
- Ça ne te regarde pas... (*Le vieux se fâche.*)
- Les gars l'appellent «un grand inconnu» ce père mystérieux de ta belle Marisette... Est-ce vrai qu'il n'existe pas dans la nature? Et qu'est-ce qu'il faut penser de tous ces potins?

(*L'oncle de Marisette devient furieux après ces dires et d'un ton sévère envoie Norbert «se promener».*)

- Je n'ai pas de temps à perdre avec un fainéant comme toi...

(3)

Les examens subis, Marisette s'installe chez son oncle, en s'adaptant progressivement à la vie paysanne. Elle couche dans l'étable, garde le troupeau pendant la journée, aide à la fenaison, enfin fait tout pour se rendre utile. Quand Norbert la voit de temps en temps, il la taquine avec des allusions, qu'elle est une bâtarde, même si cette vérité déplait à la «demoiselle savante». – Ils se disputent souvent, tout à fait à la paysanne, mais malgré tout ils s'aiment aussi, à la paysanne, c'est-à-dire sans compliquer les choses par des compliments et «révérences». Marisette fait comprendre à Norbert sa sympathie en allant au puits prendre de l'eau pour abreuver les bœufs de Norbert. Mais celui-ci continue à la taquiner de telle façon que la pauvre fille finit par pleurer.

(4)

Marisette ne trouve pas non plus de repos auprès son oncle qui, jaloux en voyant les services qu'elle rend à Norbert, lui fait des reproches:

- Tu ne penses qu'à ton Norbert, oubliant que c'est à moi que tu es redevable de ton «pain quotidien».

Un soir, ayant bu un peu plus que d'ordinaire, son oncle lui fait une sorte de déclaration d'amour, qu'elle prend, avec sa candeur, pour une plaisanterie. Mais non, ce n'était pas une plaisanterie... Et la pauvre Marisette commence à le bien comprendre après les tentatives grossières de son oncle, qui veut profiter de son établissement à sa guise. Elle le repousse avec horreur et s'enferme dans sa chambre pour réfléchir et être enfin seule avec ses pensées.

(5)

Le lendemain, au petit déjeuner, elle n'ose plus regarder son oncle, tellement ce dernier a un air furieux en prenant son café et en cachant sa figure derrière un journal. Subitement il rompt le silence, en lisant une annonce où on demande «une jeune femme de chambre laborieuse, intelligente, instruite suffisamment pour faire service dans un ménage d'intellectuels, etc. ...»

- Puisque tu ne trouves pas bien chez moi (*dit-il à sa nièce l'inculpant d'ingratitude*), voilà une place pour toi où espérons-le, tu montreras peut-être plus de tact envers ceux qui te logeront et te nourriront.

(6a)

Salle à manger chez les Landois. Georges et Lydie à table prennent leur café. Georges lance indifférent des bouffés de fumée.

Lydie (*après un temps*). M'aimes-tu Georges?

Georges. Pourquoi me poser cette question si souvent? Tu sais bien que je t'aime et n'aime que toi.

Lydie. Oui, oui, mais cet amour me parait manquer de flamme, de sincérité, je crains de ne pas être la femme qu'il t'aurait fallue.

Georges. Ne dis plus de bêtises... Une goutte d'Armagnac? C'est du bon.

Lydie. Oui, un sucre trempé dans ton verre.

Georges (*lui tendant le sucre dans sa cuiller*). Voilà.

Lydie. Goûte d'abord.

Georges (*amusé*). Ce n'est pas du poison, va.

Lydie. Goûte.

Georges (*porte le sucre à ses lèvres*). C'est délicieux. Trois crosses, entends-tu, trois crosses.

Lydie (*riante*). Donne, il ne me resterait plus.

Georges (*prend le sucre dans ses doigts et le tend à la bouche de Lydie*). On fait comme cela pour les petits enfants.

Lydie (*allant sur les genoux de Georges*). Ne suis-je pas ton enfant, ton petit enfant?

Georges. Câline... Je puis à défaut d'autres te prendre pour ma progéniture.

Lydie. Tu es méchant Georges. Pourquoi cet «à défaut d'autres»? Pourquoi me torturer, me fait sentir encore une fois ma stérilité? (*Les larmes aux yeux*.) Si tu savais combien je suis malheureuse...

Georges. Ça, ça me fâche. Malheureuse, toi?

Lydie. Une ombre existe au tableau, toujours la même: mon passé... Dis-le moi que cette ombre existe.

Georges. Ton passé? Mais pourquoi le ramener toi-même au présent? Pourquoi remuer la cendre d'un souvenir que je cherche depuis douze années à étouffer. Veux-tu que nous changions la conversation? Tournons la page. Tu pèses sur mes genoux. (*Lydie se lève*.) Un autre sucre?

Lydie. Non, merci.

Georges. Une cigarette?

Lydie. Oui, je veux bien. (*Georges tend un étui à cigarettes à Lydie et lui donne du feu. Après une bouffée de fumée*.) Alors, c'est bien vrai, tu m'aimes?

Georges. Encore? Ça devient obsédant à la fin.

Lydie. J'en conviens, mais j'ai besoin plus que jamais de la certitude de ton amour.

Georges. Plus que jamais?

Lydie. Oui, plus que jamais...

Georges. Tu me fais peur. Qu'y a-t-il?

Lydie. Un cas pathologique, sans doute.

Georges. Qui se traduit?

Lydie. Par un poids énorme qui pèse sur mon cœur.

Georges. Qu'est-ce que cela veut dire?

Lydie. Ne cherche pas. Je te répète que j'ai besoin de la manifestation sincère de ton amour, tu entends, j'en ai besoin. Je n'ai jamais aimé que toi. (*Georges étend ses bras, Lydie s'y jette avec effusion.*)

Georges. L'amour est tout au monde, je t'aime Lydie.

Lydie. Maintenant, je le crois, tu me vois rayonnante. Je suis désormais une femme comme les autres. Tous les carillons des clochers du monde sonnent à la fois la naissance de l'amour dans toute sa splendeur. (*Cette fois, c'est Georges qui se lance dans les bras de Lydie.*)

Georges (*après un temps*). Quelle heure? Huit heures, Marcel ne va pas tarder à être là.

Lydie (*avec effarement*) Marcel? Tu attends Marcel, maintenant?

Georges. Eh... qu'y a-t-il de surprenant, ne vient-il pas assez fréquemment pour que tu ne sois pas étonnés de sa visite.

Lydie. J'aurais préféré qu'il ne vienne pas ce soir.

Georges. Peut-on savoir la raison? N'est-ce pas tantôt la soirée chez les Thurières?

Lydie. Si.

Georges. Tu l'avais oubliée?

Lydie. Pas du tout.

Georges (*décidé*). Pour te prouver mon amour réel, je te suivrai ce soir chez les Thurières. Marcel sera des nôtres. Si je n'aime pas la danse, par contre Marcel en raffole, il aura en toi une cavalière de choix... Ça n'a pas l'air de t'enchanter... Mais, réponds, réponds.. Tu es pâle, Lydie, qu'est-ce que tu as?

Lydie. Bien, un peu de vertige.

Georges. Assieds-toi. (*Lydie s'assied et ne peut pas dissimuler son trouble.*) Tu trembles. (*Il sonne.*)

Lydie. Mais non, je ne tremble pas. (*Marisette entre. Lydie à Marisette.*) Excusez-nous, nous avons réfléchi nous n'avons besoin de rien.

Marisette. Je suis aux ordres de Madame. (*Elle sort. On devine chez Georges une certaine émotion.*)

Georges. C'est une nouvelle bonne?

Lydie. Oui. N'est-ce pas qu'elle est jolie?

Georges (*cachant son jeu*). Je l'ai vue si peu. Ce n'est que d'aujourd'hui qu'elle est à ton service?

Lydie. Depuis cet après-midi, tu venais de sortir à peine.

Georges. (*distrain*). Ah... Comment te sens-tu?

Lydie. Mieux, malaise passager.

(6b)

Un salon coquet.

Marcel entre, Marisette est sortie en refermant la porte. Georges va vers Marcel dans le salon et lui tend la main.

Georges. Ta santé?

Marcel. Excellente. (*Entre Lydie.*) S'inclinant vers elle: Madame. (*Lydie est gênée.*)

Georges. Pas de cérémonie, assieds-toi. (*Marcel s'assied.*) Ma femme tient à aller à la soirée chez les de Thurières, il se fait tard et le temps de s'habiller, ça compte.

Marcel. Que je ne sois pas un obstacle Madame.

Georges. Figure-toi que nous nous chamaillions tout à l'heure: Devions-nous accompagner Lydie à la soirée chez les Thurières ou aller au théâtre comme entendu?

Marcel. Qu'avez-vous conclu?

Georges. De te laisser arbitre.

Marcel. Oh, oh... quelle influence, mais, mon cher, à ta guise.

Georges. Non, non, ce qui est conclu est conclu: soirée ou théâtre?

Marcel. Si j'ai le choix, j'opte pour la soirée. (*Il regarde Lydie, mais Lydie s'obstine à baisser ses yeux.*)

Lydie. Georges préférerait le théâtre.

Marcel (*désappointé*). Je m'incline, mais tout de même... Viens à la soirée, Georges...

Georges. J'ai réfléchi, je n'irai pas à la soirée; allons au théâtre, puisque telle était notre intention. (*À Lydie.*) Je puis faire prévenir le chauffeur pour quelle heure?

Lydie. Pour neuf heures. Je vous quitte. Je descendrai directement à la voiture. A bientôt Georges.

Georges. Tu ne m'embrasses pas? (*Lydie embrasse Georges.*)

Lydie (*sortant*). Bonsoir Monsieur Marcel.

Marcel (*il se lève et s'incline*). Madame. (*Il regarde partir Lydie avec obstination*). Quelle femme charmante que la tienne.

Georges. Je le sais.

Marcel. Je me demande souvent comment tu as le courage de laissez partir un tel être seul.

Georges. Que veux-tu dire?

Marcel. Qu'à ta place, je languirais en l'absence d'une femme semblable.

Georges (*indifférent*). Ah... Tu permets? (*Il sonne, un moment de silence, Marisette entre. À Marisette.*) Voulez-vous dire au chauffeur d'être prêt aux ordres de Madame?

Marisette. Oui, Monsieur.

Georges. Allez. (*Marisette sort.*)

Marcel. Oh... oh...

Georges. Quoi?

Marcel. Un joli morceau de femme.

Georges. Tu sais que je n'entends pas que tu frôles.

Marcel (riant). Pour qui me prends tu?

Georges. J'ai dit.

Marcel. Ah, ça... Serais-tu de mauvaise humeur ce soir?

Georges. Non, c'est bien le contraire. Nous sommes seuls, nous pouvons causer. Mais... tu saignes? (*Marcel épongeait sa main gauche avec son mouchoir.*)

Marcel. Un tout petit bobo. En m'offrant l'achat d'une touffe de roses, une bouquetière m'a légèrement blessé à la main. (*Remettant son mouchoir en poche.*) Sans importance.

Georges. Une cigarette? (*Marcel en a déjà pris une, Georges en prend une autre. Ils fument.*) Il n'y a pas d'indiscrétion entre nous.

Marcel. Jamais.

Georges. Où en es-tu avec ton projet de mariage avec ta danseuse des Folies?

Marcel. Ça marche toujours.

Georges. Tu penses arriver au but.

Marcel. Mais, oui.

Georges. Qu'est-ce qui te plaît en elle?

Marcel. Tout.

Georges. Cette femme a eu des amants, tu le sais.

Marcel. Qu'est-ce qui te prend? Es-tu devenu professeur de morale?

Georges. Non, simplement prévoyant de l'avenir... pour toi.

Marcel. Oh; oh... tu m'intéresses.

Georges. Ne ris pas, c'est sérieux. On est jaloux d'une femme qu'on aime, non seulement depuis qu'on la possède, mais jaloux de ses antécédents.

Marcel. Tu es poète, je me méfie des poètes; ils exagèrent leurs sentiments et attribuent à tous les sensations du cœur qu'ils ressentent.

Georges. Tu te trompes Marcel, ce n'est le poète qui parle, c'est l'homme. (*Pensif.*) Elle a appartenu à d'autres, d'autres ont senti la chaleur de sa chair avant toi. Ah, si tu savais combien cela est pénible et empoisonne la vie... On est sans cesse à étudier les moindres mouvements de sa compagne, il semble qu'à tout propos son imagination est ailleurs. Un sourire à un autre suffit pour croire à son infidélité. Lorsqu'elle est prévenante pour son époux, celui-ci se méfie de son attitude, il prend pour un mensonge ce qui peut être réel.

Marcel. Mais toi, toi... n'es-tu pas réellement heureux? Quel ménage si assorti que le tien, quelle femme adorable, quel intérieur confortable, un succès dans les lettres. Ah, je voudrais réussir en tout comme toi.

Georges. Je suis heureux... Mais, je ne suis pas en ligne de compte, ne me prends pas comme exemple.

Marcel. Ne t'en fais pas pour moi. Tu ne m'as pas tout à fait convaincu.

Georges. Tant pis.
Marcel (*tendant la main à Georges*). Au revoir, Georges.
Georges (*sa main dans celle de Marcel*). A demain?
Marcel. Non, pas à demain, je m'absente pour un mois ou deux.
Georges. Tu n'as pas l'air d'être fixé... avec elle?
Marcel. Naturellement.
Georges. Voir des parents, des amis, leur annoncer vos fiançailles?
Marcel. Tu veux rire, vieux jeu que tout cela. Tout au plus irons-nous passer quelques jours sur la côte d'Azur, puis nous pousserons jusqu'en Italie: Rome, Florence, Naples, Venise, est-ce que je sais?
Georges. Mazette... Tu as gagné le gros lot?
Marcel. J'ai quelques économies.
Georges. Je connais un peu ton fond de bourse.
Marcel. Tu n'y entends rien: avant-hier j'ai gagné seize milles francs.
Georges. Tu ne dis pas que la semaine derrière, tu en avais perdu vingt-cinq mille.
Marcel. Ça va, ça vient...
Georges. Ça part.
Marcel. Et puis... et puis, ma danseuse est là.
Georges. Joli métier.. Sait-elle que tu joues, ta danseuse?
Marcel. C'est elle qui m'incite.
Georges. Oh, alors, c'est complet.
Marcel. – Sais-tu que je suis en passe de devenir *croupier*?
Georges. Donc, tu *croupiras*.
Marcel. Pas de vilains jeux de mots; c'est un métier comme un autre. Et j'espère que tu ne me feras pas l'affront de ne pas assister à mon mariage.
Georges. Je n'assisterai pas à ton mariage.
Marcel. Espérons que tu réfléchiras. (*Il se dirige dans l'antichambre.*)
Georges. C'est tout réfléchi. (*Il s'accompagne.*)
Marcel. Alors dans un mois ou deux.
Georges. Ou dans une semaine. (*Ils se saluent de la main.*)
Marcel (*riant*) Mauvais sujet. (*Il sort.*)
Georges. Incorrigible. (*Marcel est sorti.*)

(7)

L'antichambre chez Landois. C'est ici que Georges – sans sonner Marisette – reconduit Marcel et c'est là qu'ils achèvent leur dialogue avant de se dire «mauvais sujet» – «incorrigible».

(8a)

Ayant reconduit son ami, Georges, pensif, se dirige vers la cheminée du salon, où se trouve le portrait de sa femme, et le porte à ses lèvres au moment même où

il entend de loin une douce chanson de Marisette. Il l'écoute comme enchanté et sur la pointe des pieds se dirige par le couloir vers la cuisine. Or avant d'y entrer, il écoute avec volupté le doux chant de la «paysanne» qui l'a charmé.

8 b

A la cuisine chez Landois où Marisette achève sa besogne en essuyant les tasses de Sèvres et en continuant à chanter. La porte s'entrouvre et on voit Georges avec un air un peu confus.

Georges. Madame vous a-t-elle donné des ordres?

Marisette. Oui, Monsieur... Elle m'a dit d'avertir le chauffeur d'aller à sa rencontre dès qu'elle aurait téléphoné.

Georges. Ah... Elle doit téléphoner d'avance?

Marisette. Oui, Monsieur.

Georges. Je ne le savais pas... Hm... C'est vous qui chantiez tout à l'heure?

Marisette. Oui, Monsieur.. Veuillez m'excuser, si...

Georges. Vous êtes tout à fait excusée, ayant une si belle voix.

Marisette. Je pensais à mon pays... où on aime cette chanson.

Georges. Des larmes?.. Vous avez du chagrin?

Marisette (*elle essuie ses yeux*). Les hommes de chez nous sont quelquefois si méchants, Monsieur... Si vous pouviez vous en douter.

Georges. Eh, bien, je saurai éloigner votre tristesse ma petite, oui, oui... Je veux que votre sourire égaye cette maison parce que voyez-vous... j'ai pour vous une affection très grande qui me remplit d'allégresse. Oui, d'allégresse... Je vous dis ces mots très naturellement. Vous n'en pouvez comprendre la profondeur (*s'approchant d'elle*). Vous ne répondez rien?

Marisette. C'est que vous me parlez comme jamais on ne m'a parlé. Il y a tant de douceur et d'émotion dans votre voix.

(9)

Chez les Thurières, où le bal bat son plein, dans un décor somptueux.

Lydie après un fox-trot avec Marcel emmène celui-ci dans la serre, où il y a peu de monde, et lui reproche dans une intimité parfaite, d'être venu chez les Thurières, après avoir dit à Georges qu'il s'absente pour un mois ou deux...

– C'est un rôle d'un amant... (*riposte Marcel*).

– Ce n'est pas celui d'un honnête homme (*répond Lydie*).

Ils se disputent. Lydie lui reproche amèrement sa conduite envers Madame Thurière, dont il était l'amant «souteneur», avec des relations scandaleuses. Marcel rassure Lydie en lui disant qu'il n'aime qu'elle et lui rappelle les heures enivrantes passées ensemble dans le pavillon de Beaumont.

– Allons-t'y... (*supplie Marcel*). Je ne veux pas perdre cette nuit avant de quitter Paris.

– Ah, enfin... et espérons pour longtemps... répond Lydie d'un air satisfait.

– Demain je viendrai vous voir et vous faire mes adieux officiels. Or cette nuit... cette nuit vous (нельзя разобрать. – И.А.) pas me (отсутствует конец предложения. – И.А.).

Elle hésite, ironique, sous ses regards ardents.

(10)

A Beaumont, au parc qui entoure un pavillon d'une architecture très coquette.

Dans l'éclairage nocturne, on distingue à peine deux silhouettes qui s'approchent du pavillon, sur la pointe des pieds, comme des conspirateurs ou des cambrioleurs. On entend les chiens aboyer, mais ces derniers se calment immédiatement après que l'une des silhouettes fait «chut, ssss...»

(11)

Dans le boudoir du pavillon. C'est Lydie et Marcel qui sont venus ici de chez Thurières, lui, pour embrasser son amante, elle pour lui dire toute son indignation avant de se séparer de lui pour toujours. C'est ici, au pavillon de Beaumont, sous un éclairage un peu mystique, qu'à lieu leur dialogue fiévreux.

Marcel. Croyez-vous que je ne connaisse pas votre passé? Je n'en ai jamais touché un mot à Georges, car il ne mérite pas qu'on élargisse sa blessure, lui qui sait et qui en souffre. Georges m'a eu fait des allusions sur votre compte, me croyant ignorant de votre histoire amoureuse, mais au dehors les langues se délient. Tout se sait... Je vénère votre mari parce qu'il est un honnête homme, je vous aime vous, parce que vous êtes la femme qui s'est donnée à moi.

Lydie. Je ne me suis pas donnée à vous. Je ne veux pas m'être donnée à vous. Je reprends ma liberté d'action, j'en ai droit, c'est mon devoir.

Marcel. Trop tard.

Lydie. Enfin, que voulez-vous de moi? Nous sommes arrivés au carrefour où chacun doit poursuivre sa route.

Marcel. Pourquoi, mais pourquoi ce changement? Qu'est-il arrivé tout à coup pour jeter un voile sur cette existence qui nous ravissait tous deux?

Lydie. Vous parlez de ravissement? Vous ne connaissez pas le cœur d'une femme: une femme peut livrer son corps pour des motifs les plus divers; mais son cœur reste intact lorsqu'il se donne c'est pour toujours.

Marcel (*ricanant nerveusement*). Laissez-moi dire, vos réflexions sont celles qu'on emploie dans des endroits que je ne veux pas nombrer.

Lydie. Vous voulez me torturer jusqu'au bout, jusqu'à la limite de mes forces.

Marcel. C'est que j'ai compris chez Monsieur de Thurières qu'il en était fini de nos intimités, ou du moins que vous le jugiez ainsi. Vous m'avez intimé l'ordre de sortir de cette demeure où j'étais au même titre que vous. Vous ignorez que Monsieur de Thurières me doit une certaine reconnaissance.

Lydie. Monsieur de Thurières ou Madame? De Madame... Vous étiez son amant, vous viviez à ses crochets, Madame de Thurières fit des dépenses folles pour vous entretenir.

Marcel. Comment avez-vous su cette étape de ma vie?

Lydie. Oh, oh... Si les langues se délient facilement pour vous, elles se délient aussi pour les autres.

Marcel (exaspéré). Comment avez-vous su?

Lydie. Lorsque vous m'avez prise dans vos griffes, je connaissais trop vos antécédents, c'était un moment de forte dépression morale pour moi. Georges m'aimait, mais par un sentiment instinctif de sa nature, il me faisait sentir sa déception. Vous êtes venu à ce moment-là troubler mon âme désespérée, je me suis donnée à vous comme on profite d'un abri pendant le bombardement.

Marcel. Vous êtes restée deux années dans cet abri.

Lydie. Il n'y a que le premier pas qui coûte.

Marcel. Ce n'était pas votre premier pas, vous aviez l'habitude de trébucher à des pareils obstacles.

Lydie. Je veux enfin devenir l'épouse fidèle d'un tel mari, comme Georges.

Marcel. Et si je dévoilais notre intrigue?

Lydie. Vous ne le ferez pas, vous auriez trop peur qu'il vous tue.

Marcel. Me tuer Georges, allons-donc.

Lydie. Partez, partez au plus vite avant que Georges ne soit là, nous épargnerons tous des minutes douloureuses. Partez, partez.

Marcel. Tu me chasses? Mais souviens-toi, souviens-toi que je t'ai eue, que tu a été à moi. Tu auras toujours sur ta chair l'empreinte de ma chaire, quand tes yeux verront d'autres yeux en face, ton cœur ne battra plus que sous l'impulsion des battements que le mien t'a donné, tes mots d'amour ne seront qu'un plagiat (*Lydie est en proie à une souffrance extrême.*) Tes soupirs ne seront pas que l'écho de ceux que tu me prodiguais dans tes moments d'ivresse. Toujours, en toute occasion mon ombre sera là pour te rappeler que je tiens ma place dans la vie. Tu ne t'appartiens plus, tu est à moi, à moi...

Lydie (exaspérée). Partez ou je vais crier au secours.

(12)

De nouveau on voit le parc qui entoure le pavillon de Beaumont et on entend grogner les chiens, attachés près d'une maisonnette voisine du gardien Firmin. Ce dernier un brave vieux, ouvre la fenêtre et écoute attentivement les bruits de la nuit avec un air inquiet et mécontent.

(13)

Chez Landois. Le cabinet de Georges – on le voit au fond travailler assis à son bureau. Marisette annonce l'arrivée de Firmin, gardien de Beaumont. Firmin exige qu'on lui permette de lâcher les chiens à Beaumont durant la nuit, puisque

sa femme a peur des bandits, auxquels lui, Firmin ne croie pas, étant persuadé que se sont des cheminots ou des gens qui sont biens connus des gardiens à quatre pattes. Après une discussion un peu pénible, Georges consent à faire lâcher les chiens à Beaumont pendant la nuit.

Quand Firmin s'en va, Georges appelle Marisette et lui recommande de n'aller jamais à Beaumont après la tombée du jour.

Il prend sa serviette remplie de dossiers et quitte la maison.

(14)

Dans le boudoir de Lydie.

Marisette entre pour demander si «Madame a sonné».

Lydie. Monsieur n'est pas là?

Marisette. Il vient de partir à l'instant, Madame.

Lydie. Il n'est pas venu m'embrasser comme à l'ordinaire.

Marisette. Il était très pressé, le jardinier de Beaumont l'avait retardé.

Lydie. Firmin? Savez-vous quel était l'objet de la visite?

Marisette. Non, ce que je sais, c'est que Monsieur m'a mise en garde contre les chiens que Monsieur a donné l'ordre de lâcher dès la nuit dans le parc de propriété.

Lydie. Pour quel motif?

Marisette. Je n'en sais rien. Personnellement je serai plus tranquille, la chambre du pavillon est déserte; j'y dormirai plus à l'aise quand viendra le moment d'y séjourner.

Lydie. Et ce moment est proche. La belle saison est là, nous attendions pour déménager à Beaumont que les élections aient eu lieu et que le verdict pour une affaire bien triste soit prononcé. (*Marisette interroge Lydie du regard.*) Une jeune fille, employée du banque, était tombée follement amoureuse de son Directeur, celui-ci lui rendait son affection. La femme légitime s'aperçut de l'intrigue et, froidement, abattit la jeune fille d'un coup de revolver.

Marisette (décontenancée). C'est triste en effet.

Lydie. L'audience de cet après-midi doit terminer les débats.

Marisette. La femme du Directeur sera acquittée, elle était en état légitime défense.

Lydie. Pas si vite, il agira de savoir si la jeune fille était la maitresse de son directeur, sinon

On sonne. C'est Marcel.

Marcel. Je me suis permis d'entrer avoir votre assentiment (*s'excuse-t-il devant Lydie*), mon amitié pour Georges et ma sympathie pour sa femme...

Lydie s'interrompt en revoyant Marisette. Marcel lui fait une nouvelle déclaration d'amour, en l'invitant au rendez-vous devant le portail du pavillon de Beaumont. Elle accepte, à sa grande surprise, et veut même lui donner les clefs, mais prévient que les deux chiens de garde seront lâchés la nuit, à dater de ce soir.

Lydie. Vous risquez votre vie en pénétrant dans le parc... Etes-vous prêt à ce risque?

Il commence à lui reprocher le changement qu'elle a produit dans leurs relations et devient grossier quand elle lui répète qu'elle a pris une décision irrévocable d'être fidèle à son mari pour toujours. Alors brusquement il s'élançait vers Lydie, qui l'ayant repoussée, sot d'un tiroir de table un revolver et le braque sur Marcel. Ce dernier se sauve précipitamment en lui lançant: «vipère».

(15)

L'antichambre chez Landois.

C'est ici que Marcel cherche une compensation de son amour (propre d'un don Juan) – auprès de Marisette. Mais celle-ci le gifle à la paysanne et quand il l'embrasse en lui faisant du mal, lui mord la main et s'enfuit.

Au village de Belleserre. On voit l'église et une foule considérable sortant après la messe. Norbert attend humblement le curé qui ne se fait pas longtemps attendre. Norbert le reconduit à sa maison et chemin faisant, lui avoue qu'il est bien triste après que Marisette a quitté le village et qu'il a décidé de se marier avec cette belle orpheline. Le curé n'a rien à contredire et lui promet s'il le juge nécessaire, son ministère.

(16)

Chez Landois. Georges ayant fini le travail dans son cabinet, ouvre la porte et appelle:

– Lydie, Lydie...

Marisette (*accourt à son appel*). Madame dort... Elle s'est sentie lasse tout à coup et...

Georges. Rien de dangereux?

Marisette le tranquillise et Georges, fermant la porte commence sa dissertation amoureuse avec la jeune fille.

Marisette. On ne vous attendait pas de sitôt.

Georges. Qui, on?

Marisette. Madame.

Georges. Et vous, non?

Marisette. Oh, moi... (*elle fait un geste évasif*).

Georges (*ironique*). C'est gentil, très gentil.

Marisette. Je ne suis ici que pour obéir aux ordres qui me sont donnés.

Georges. Même aux miens?

Marisette. Naturellement.

Georges. Oh, alors nous allons nous entendre. Le moment est proche où nous allons habiter Beaumont pour quelques mois.

Marisette. Oui, Monsieur.

Georges. Vous avez remarqué sur le mur au-dessus de votre lit ce tableau délicieux représentant l'Amour et Psyché de Gérard?

Marisette. Oui, Monsieur.

Georges. N'est-ce pas qu'il est beau, inspiratif, même troublant? Cette jeune fille aux formes enchanteresses qui tend son front au premier baiser que lui donne l'Amour? Supposons que cela soit vrai?

Marisette. Je n'ai pas à la supposer.

Georges. Qui m'empêche de convoiter un baiser?

Marisette. Vous n'y pensez pas.

Georges. Mais si, j'y pense, vos réticences exaltent même mon désir.

Marisette. Ce ne serait pas joli de votre part.

Georges. Joli? Je trouve que rien ne serait plus beau.

Marisette. Si vous continuez sur ce ton, Monsieur, je quitte l'appartement.

Georges (*feignant d'être fâché*). N'en parlons plus... Personne n'est venu en mon absence?

Marisette. Monsieur Marcel Guibert.

Georges. Il n'est donc pas encore en voyage de nocces? (*Il prend son chapeau et s'apprête à sortir.*)

Marisette. Monsieur a l'air fâché.

Georges. Fâché, moi? Pas du tout, au fond, peut-être un peu.

Marisette. Et pourquoi, Monsieur serait-il fâché?

Georges. Parce que Mademoiselle ne connaît pas ou n'admet pas la plaisanterie.

Marisette. Il ne faut qu'un moment d'oubli pour souffrir toujours. Un baiser n'est jamais simple, il a sa signification, c'est le prélude d'un aveu.

Georges. C'est vrai, aussi, vous dis-je dans détour: je vous aime... (*Il a pris la main de Marisette dans la sienne.*)

Marisette (*se détachant de cette étreinte*). Vous êtes fou, Monsieur.

Georges. Oui.

Marisette. Vous ne pensez pas aux conséquences.

Georges. Non.

Marisette. Pensez-vous vraiment à ce que vous dites?

Georges. Non.

Marisette. Vous ne voyez pas la portée de votre révélation.

Georges. Non.

Marisette. C'est épouvantable.

Georges. Oui.

Marisette. Voulez-vous que nous nous séparions de sitôt?

Georges. Non.

Marisette. Vous avez brisé le lien d'affection qui m'attachait à vous.

Georges. Pourquoi, parce que je vous aime?

Marisette. Naturellement. Vous n'avez pas le droit de m'aimer.

Georges. Avez-vous celui de vous faire aimer?

Marisette. Je n'ai rien fait pour cela.

Georges. Moi non plus. Croyez-vous qu'un être qui est terrassé par la foudre soit responsable d'être assommé par elle? (*Marisette est pensive.*) A quoi pensez-vous en cet instant?

Marisette. Il faudrait un Salomon...

Georges. Vous connaissez Salomon?

Marisette. J'ai appris mon histoire sainte.

Georges. Je connais d'avance sa sentence.

Marisette. Qui serait?

Georges. Il vous aime, aimez-le.

Marisette. Non, Salomon vous répondrait: «Vous avez une femme légitime, qui vous aime, aimez-la».

Georges. Je dirais à Salomon qu'il s'occupe de ses affaires, non des miennes. Et puis, Salomon saurait que mon amour pour vous n'a rien de coupable, que cet amour élève l'âme au lieu de l'abaisser, il saurait que mon amour n'est qu'une prière à Dieu pour le remercier d'avoir mis sur terre une beauté semblable... J'aime ma femme, elle m'aime, je vous aime, vous m'aimez, qu'il débrouille ce dilemme votre Salomon.

(17)

La chambre à coucher chez Landois. Lydie s'est réveillée et veut sonner pour appeler Marisette, quand elle entend de loin la voix de son mari. Elle se précipite vers son cabinet et, surprise de voir la porte solidement fermée, écoute avec étonnement, le dialogue amoureux entre Georges et Marisette.

On entend derrière la porte de cabinet.

Marisette. D'où sortez-vous ces mots qui bouleversent si profondément mon cœur?

Georges. J'écoute la voix qui me parle dans le silence et ne fais que répéter ce que j'entends à vous.

Marisette. Je vous aime.

Georges. Que tous les feux du Ciel embrassent l'Acropole, ma muse n'est plus au Parthénon, elle est là, près de moi, je l'entends, je la vois, je la touche, elle vit. Combien de fois, par la pensée, ai-je baisé le front de Minerve, baiser symbolique s'il en fut, que pour la première fois je donne un baiser tangible à la divinité.

Une pause.

Marisette (*très troublée*). Je ne sais que vous dire.

Georges. Votre beauté parle pour vous, n'ajoutez rien à l'éloquence de votre si doux regard. Je vous ai aimée aussitôt que je vous ai vue.

Marisette. A moi, fille de champs...

Georges. A vous, Fille de Dieux.

Lydie, anéantie de douleur, quitte son poste d'observation.

(18)

Dans le cabinet de Georges.

– Il faut que notre amour soit aussi beau que celui de Pétrarque et de Laure...
(*s'écrie Georges*).

– Vous m'apprendrez à connaître Pétrarque et Laure... (*répond Marisette*).

On entend une dénotation. Georges et Marisette restent un moment interdits, puis sortent en courant par la porte.

(19)

La chambre à coucher chez Landois. Lydie, évanouie, un revolver a la main, gît sur le plancher, auprès du lit. Sur son peignoir on voit tache de sang qui s'agrandit bien vite. Georges et Marisette accourent affolés.

– Lydie, Lydie... (*crie Georges, les larmes aux yeux, se penchant sur la femme*). Vite aux docteur... Marisette ne perdez pas une seconde.

Marisette sort, en séchant les yeux, mouillés des larmes.

(20)

Au music-hall, de «deuxième classe». Marcel après avoir applaudi chaleureusement Janine – une danseuse excentrique. Très jolie, – l'emmène souper dans un club clandestin, ou il est considéré comme habitué.

(21)

Là, à peine ayant choisi le menu, qu'il tente sa chance au "baccara" et perd, dans quelques minutes, non seulement son propre argent, mais aussi celui de Janine à son grand mécontentement.

(22)

Au village de Belleserre, un beau matin...

Norbert vient chez le curé, qui lui lit une lettre, adressée au Monsieur Georges Landois, écrite conformément aux vœux de Norbert.

«...il est de mon devoir de vous faire connaître que les qualités de votre servante ont été remarquées ici par un garçon sérieux et honnête, qui désire devenir le compagnon de Marisette, si elle y consent. Je vous écris pour vous engager d'être mon interprète auprès de Marisette pour qu'elle accepte la proposition de Norbert avec lequel ils se sont connus dès la plus tendre enfance. Je vous pris, Monsieur, etc...»

(23)

Chez Landois, dans le boudoir de Lydie. Elle est convalescente et entourée des soins de son mari et de sa servante. Un coup de téléphone fait diriger Georges vers son cabinet.

(24)

Là, Georges apprend que Marcel a l'intention de venir le voir et demande la permission d'être reçu. A contrecœur, Georges lui répond:

– Viens, si c'est urgent, mais sache que je suis très pris.

Il fait quelques pas dans son cabinet, réfléchissant à quelque chose qui l'inquiète. Puis brusquement, il sonne Marisette:

– Vous souvenez-vous si la porte ici était bien fermée au moment de l'accident? Dans mon trouble, je n'ai pas apporté attention à cela, pourtant très important.

Marisette ne se souvient pas.

– Le mobile de cet acte? Le saurons-nous jamais? s'écrie Georges (*une pensée pénible traverse son esprit*). Non... ce n'est pas possible... mais tout de même... Le jour où Lydie aurait pu perdre la vie, elle avait reçu Marcel en mon absence... Et il devait partir en voyage ce même jour... je suis fou... Ma pauvre tête éclate.

– Qu'avez-vous, Monsieur?... Vous êtes bien pâle...

– Ah, quelles idées insensées viennent troubler mon esprit... Le pavillon de Beaumont? Non, non, ce n'est pas possible...

– Calmez-vous, Monsieur... Madame est au-dessus de tout soupçon... Je vous en donne l'assurance.

– Non, non je suis trompé par Lydie...

– Vous vous trompez vous-même.

– Marcel est capable de tout, même de tromper à un meilleur ami... Mais Lydie... elle...

– Madame vous aime.

– Qu'en savez-vous?

Le dialogue se poursuit jusqu'au moment où on apporte à Georges la lettre recommandée de Belleserre, envoyée par le bon Curé, protecteur de Norbert. Cette lettre met Georges dans un tel état d'âme, extrême, qu'il peut à grand peine modérer ses transports – Tous sont contre lui... c'est désespérant. Juste à ce moment arrive Marcel.

Marcel. Bonjour, Georges.

Il lui tend la main que Georges prend avec hésitation.

Georges. Je ne pensais pas te revoir.

Marcel (*avec désinvolture*). Je t'en ai voulu quelque temps, mais tout passe.

Georges. Je ne pouvais pas assister à ton mariage. Et-tu heureux?

Marcel. Parlons-en... Je ne suis plus avec ma femme.

Georges. Déjà?.. J'avais bien escompté ce résultat, mais ne le croyais pas aussi proche.

Marcel. Je dois le dire, les torts ne sont pas du côté de Janine.

Georges. Une nouvelle bêtise de ta part?

Marcel. Tu peux le dire.

Georges. Peut-on savoir?

Marcel (*avec désinvolture*). Lolotte n'a-t-elle pas su...

Georges (*hochant la tête*). Lolotte... Ne crois-tu pas que tu finiras par te faire casser les reins?

Marcel. Diable... Comme tu y vas et par qui me faire casser les reins?

Georges. Par une autre Janine, ou par un amant d'une autre Lolotte... ou encore par le mari d'une femme dont tu auras abusé.

Marcel. Tu vois toujours les choses en noir.

Georges. Celles qui se sont... Quand es-tu arrivé à Paris?

Marcel. Hier soir. Ma première visite a été pour toi.

Georges. Je te remercie.

Marcel. Je vois que ta santé est toujours florissante.

Georges. Assez.

Marcel. Tu n'as personne de malade chez toi?

Georges. Lydie...

Marcel. Ta femme? Pas sérieusement?

Georges. Plus maintenant, mais il y a trois mois que j'étais très préoccupé.

Marcel. Trois mois? Donc après mon départ.

Georges. Le jour même que tu as quitté notre maison.

Marcel. Un accident?

Georges. Une catastrophe.

Marcel. Que s'est-il passé?

Georges. Lydie est tenté de se suicider.

Marcel. Que dis-tu, se suicider?

Georges. Un coup de revolver dans sa chambre.

Marcel. Un coup de revolver... Pour quel motif?

Georges. L'abandon de son amant.

Marcel. De son amant? Ta femme avait un amant?

Georges. Oui.

Marcel. Tu le savais?

Georges. Non.

Marcel. C'est elle qui te l'a avoué?

Georges. Oui.

Marcel. Et elle l'a dit le nom de cet homme?

Georges. Oui.

Marcel. Je le connais?

Georges. Regarde-toi dans ce miroir.

Marcel. Ta femme est folle.

Georges. Tu n'en es pas capable?

Marcel. Ce n'est pas vrai.

Georges. Tu te défends mal. Si ta bouche profère un mensonge, ton visage trahit la vérité.

Marcel. Je te jure que ta femme est une honnête femme.

Georges. Jure moi que tu n'es pas un monstre... Comment... Tu n'en avais pas assez de tes Janines, de tes Lolottes, de tes Moniques, de toutes ces prostituées qui courent le soir comme des papillons de nuit arrêtant les passants aux coins des carrefours, cette lie de la Société qui sème le désordre dans les familles, et la dégénérescence dans les veinas les mieux trempées, il te fallait des femmes légitimes, même la femme de ton meilleur ami?

Marcel. Penses-tu ce que tu dis?

Georges (*il collette Marcel*). Brute immonde qui m'a volé ce que j'ai de plus cher: l'honneur de mon nom, l'amour de ma vie... Comprends-tu jusqu'où est allé ton crime? Ne sais-tu pas que l'existence est courte et qu'attenter à son cours normal, c'est briser son unité?

Marcel (cherchant à se détacher). Tu me fais mal.

Georges (serrant toujours Marcel au collet). Mal? Le vrai mal est dans le cœur où tu l'as versé.

Marcel. Lâche...

Georges (*il lâche prise, tout en repoussant Marcel*). Sois libre dans cette cage... (*Il se précipite à la porte qu'il ferme à clef et qu'il met dans sa poche.*) où tu es enfermé comme un fauve dans ses grilles de fer. Il faut que tu boives jusqu'à la lie le calice que tu m'avais destiné et auquel j'ai trempé mes lèvres. (*À proportion que Georges parle, il s'approche de Marcel qui recule à mesure.*) C'est toi qui finiras le breuvage empoisonné. Je t'ai reçu ici en ami, tu as agi en traître. L'honneur d'une femme, est-ce que ça compte? Ce qui compte c'est que l'on sache que tu as vaincu l'honneur... et tu t'en fais gloire. (*Il collette Marcel, à nouveau.*) Canaille... (*Marcel se détache et court vers la baie, mais Georges s'est précipité et c'est lui, qui ouvre la fenêtre.*) Tu n'as que cette issue pour sortir, tu la cherches, je te l'offre rien ne t'empêche de me quitter brusquement sans cérémonie. (*Il regarde à l'extérieur.*) Deux étages et tu es libre, quinze mètres environ, allons profite de l'occasion que je te donne pour te délivrer de mes pinces. Vas... (*Marcel hésite.*) Triple lâche... Tu ne sauteras pas, tu veux sauver ta peau d'abord, car il n'y a que l'instinct de la bête qui te guide.

Marcel (*à moitié fou*). Ferme cette fenêtre ou je me lance.

Georges. Elle t'offre son gouffre dans l'inconnu, vas-t'y. (*Marcel s'élance résolument, Georges lui fait un rempart de son corps.*) Non pas encore... (*Marcel l'écume de rage, Georges ferme la fenêtre.*) Tu mourrais en ayant accompli un devoir d'honnête homme, cet acte cadrerait mal avec ta vie.

Marcel. Enfin, tu veux de moi? Prends garde, Georges.

Georges. Je suis en garde, je me méfie de toi... Ce n'est pas fini, il reste encore quelques gouttes de poison dans la coupe, il faut les boire... Le pavillon de Beau-

mont, tu le vois d'ici, c'est là où j'ai passé ma jeunesse, mes premiers rêves sont nés dans cet endroit où calme tenait lieu d'assourdissant harmonie. Tu as souillé cette demeure par tes crimes abominables, je ne verrai plus en ce lieu jadis vénéré que ton fantôme abhorré.

Marcel. Elle t'a dit cela?

Georges. Et plus encore.

Marcel. Ta femme n'a pas pu t'avouer une chose semblable.

Georges. Dis que tu n'as pas couché dans mon lit de Beaumont?.. Tu ne réponds pas? Sais-tu comment on nomme les hommes comme toi?.. des chiens.

Marcel. Retire ce mot. Un chien aboie et mord... (*se préparant à la vengeance*). Tu m'as attaqué.

Georges. J'attaque ton corps de tête fauve. (*On entend sonner, mais la sonnerie se perd dans le tumulte. Georges fait reculer Marcel jusqu'à la table, là, il renverse son buste brusquement sur le marbre et le frappe au visage. On frappe. Georges d'une voix ferme.*) Qui est là? (*Marisette entre. Marcel lui tourne le dos.*) Marisette annonce

l'arrivée de l'éditeur, qui tiendrait à voir Georges pour une affaire urgente. Georges quitte la chambre.

– Que s'est-il passé? – demande Marisette, voyant Marcel épongeant le sang de son visage. Marcel lui raconte rapidement ce qui vient de se passer et supplie Marisette de lui rendre un grand service, ainsi qu'à Georges, et à sa pauvre femme.

– Il ne faut pas que ce soit sur elle que pèsent les soupçons de Georges, qui est devenu fou de jalousie... – implore Marcel à Marisette.

– Alors, qu'est-ce que vous me demandez? – réplique la jeune fille épouvantée.

– Un sacrifice... – Et Marcel la supplie encore de dire à Georges c'est elle, Marisette, qui allait au rendez-vous à Beaumont avec Marcel et non pas Lydie. Faisant un effort surhumain, très tristement, Marisette accepte cette proposition insensée pour sauver Georges qu'elle aime et sa femme pour laquelle elle a de la pitié.

– Je me dévouerai, – dit-elle simplement. Et quand Georges revient dans son cabinet, Marisette lui révèle le mystère de Beaumont, en s'accusant sans merci.

– J'étais folle... (*avoue-t-elle à Georges chagriné par cette déception*). J'étais folle parce que cet homme a toutes les audaces et toutes les fascinations.

Et tout s'arrange pour le mieux.

Marcel quitte Paris, sans songer à y revenir...

Georges revient à sa femme adorée, lui demande pardon de l'avoir soupçonnée d'adultère «sans la moindre raison» affirme-t-il, et, Marisette, après son sacrifice pour le bonheur de tous rentre à Belleserre, où Norbert la reçoit à bras ouverts.

Et le bon Curé donne sa bénédiction au mariage de ces enfants, qui s'aiment «à la paysanne» c'est-à-dire, purement, simplement et de toutes leurs forces d'âmes.

Fin.

Загнанный зверь

*Синопсис киносценария
(сентиментальный жанр)
Николай Евреинов
(и Марсель Клавье)*

(1)

Женский пансион в монастыре на юге страны. Заканчиваются выпускные экзамены. Среди учениц, их сдающих, особо выделяется одна – Маризетта Дюбуа, красивая, нежная, сентиментальная и искренняя девушка. Ее очарование раскрывается во время разговоров, которые она ведет с подругами накануне последнего экзамена. Выпускницы вслух размышляют о своем будущем.

– А ты что думаешь делать после экзаменов? (*Спрашивают у Маризетты.*)

– Я? Ну, я вернусь домой, в деревню. Недавно умерла моя тетя, и надо, чтобы кто-то заменил ее подле моего дяди. Он так нуждается в помощи, бедный старик...

– А где же находится твоя деревня, Маризетта?

– В Бельсер, Тарнский департамент.

– Должно быть, твой дядя хорошо живет, если отправил тебя учиться в наш пансион?

– В Бельсер крестьяне считают делом чести дать своему ребенку хорошее образование; они гордятся, когда их дочерей называют «мадмуазель»... На молодых девушек, воспитанных монахинями, здесь смотрят как на благородных особ. Потом, покинув пансион, они снова становятся крестьянками. Я рождена крестьянкой – я ею и останусь; земля при разумном к ней отношении не порабощает крестьян, а делает их гордыми и независимыми.

(2)

В деревне Бельсер.

Стоит солнечная весна... Сельскохозяйственных работ с каждым днем становилось все больше. Ближе к вечеру дядя Маризетты возвращается с поля в свой живописный дом, где старая деревенская женщина ему готовит еду. Входит Норбер, симпатичный мальчик с соседской фермы.

– Она скоро вернется, твоя маленькая «ученая барышня»? (*Спрашивает он у дяди.*)

– Это тебя так уж интересует? (*Старик ухмыляется.*)

– Нет, дело не в ней, а... в ее отце.

– Ее отце?

– Где он?.. Его нигде не видно?
– Это тебя не касается... (*Старик сердится.*)
– Ребята называют отца твоей прекрасной Маризетты «загадочным незнакомцем»... Это правда, что его не существует в природе? И что думать обо всех этих сплетнях?
(*Дядя Маризетты после этих слов выходит из себя и строгим тоном отправляет Норбера «прогуляться».*)
– У меня нет времени болтать с таким бездельником, как ты...

(3)

После сдачи экзаменов Маризетта приезжает к дяде, постепенно привыкая к крестьянской жизни. Она спит в хлеву, днем смотрит за скотом, помогает в сенокос, – словом, делает все, чтобы быть полезной. Когда Норбер время от времени видит ее, он изводит ее намеками на то, что она незаконнорожденная, даже если этот и не нравится слышать «ученой барышне». Они часто спорят, очень по-крестьянски, но несмотря ни на что они любят друг друга – по-крестьянски, не ожидая комплиментов и не делая «реверансов». Маризетта признается Норберу в своем чувстве по дороге к колодцу за водой, которая нужна, чтобы напоить коров Норбера. Но он продолжает смеяться над ней и доводит бедняжку до слез.

(4)

Маризетта больше не находит покоя рядом со своим дядей, который осыпает ее упреками, ревнуя к Норберу.

– Ты думаешь только о своем Норбере, забывая, что «хлебом насущным» ты обязана именно мне.

Однажды вечером, выпив немного больше обычного, дядя признается ей в любви, что она, по простодушию своему, принимает за шутку. Однако это вовсе не шутка... Бедная Маризетта начинает ясно это осознавать после грязных приставаний дяди, который полагает, что имеет право распоряжаться ею, как хочет. Она в ужасе отгалкивает его и запирается в своей комнате, чтобы поразмышлять в одиночестве.

(5)

На следующий день за завтраком она не осмеливается посмотреть на дядю, который сидит, попивая кофе и прячась за газетой, выглядит очень рассерженным. Внезапно он нарушает молчание, читая объявление о том, что для работы в интеллигентной семье требуется молодая трудолюбивая горничная, умная и хорошо образованная.

– Раз уж тебе не нравится у меня (*говорит он племяннице, обвиняя ее в неблагодарности*), вот место для тебя; там, будем надеяться, ты выкажешь больше такта по отношению к тем, кто тебя приютит и накормит.

(ба)

Столовая в доме Ландуа. Жорж и Лиди за столом пьют кофе. Жорж с равнодушным видом пускает колечки дыма.

Лиди (*через какое-то время*). Ты меня любишь, Жорж?

Жорж. Зачем так часто задавать этот вопрос? Ты прекрасно знаешь, что я люблю тебя и только тебя.

Лиди. Да, да, но мне кажется, что этой любви не хватает огня, искренности, я боюсь, что я не та женщина, которая достойна тебя.

Жорж. Не говори глупостей... Немного арманьяка? Он неплох.

Лиди. Да, опусти кусочек сахара в свой бокал.

Жорж. (*протягивая ей сахар на ложечке*). Держи.

Лиди. Попробуй ты.

Жорж (*удивленно*): Это не яд, полно.

Лиди. Попробуй.

Жорж (*подносит сахар к своим губам*): Божественно. Три звезды, пони-маешь, три звезды.

Лиди (*смеясь*). Дай мне, а то ничего не останется.

Жорж (*берет сахар пальцами и подносит его ко рту Лиди*). Так ухаживают за маленькими детьми.

Лиди (*сидя на колени к Жоржу*). А разве я не твой ребенок, не твоя маленькая девочка?

Жорж. Милая моя... За неимением других, я могу принять тебя за свое дитя.

Лиди. Ты злой, Жорж. Зачем это «за неимением других»? Зачем меня мучить, лишний раз подчеркивать мое бесплодие? (*Слезы на глазах*.) Если бы ты знал, как я несчастна...

Жорж. Вот, вот это меня и злит. Ты – несчастна?

Лиди. На картине есть тень, которая неизменна: мое прошлое... Ну же, признайся, что эта тень существует.

Жорж. Твое прошлое? Но зачем вспоминать о нем сегодня? Зачем ворошить пепел воспоминаний, которые я вот уже двенадцать лет пытаюсь уничтожить. Хочешь, сменим тему? Перевернем страницу. Мне тяжело, встань, пожалуйста. (*Лиди поднимается*.) Еще сахара?

Лиди. Нет, спасибо.

Жорж. Сигарету?

Лиди. Да, с удовольствием. (*Жорж протягивает Лиди портсигар и дает ей прикурить. После затяжки*.) Так это правда, ты меня любишь?

Жорж. Опять? Это уже похоже на одержимость.

Лиди. Согласна, но сейчас мне как никогда нужна уверенность в твоей любви.

Жорж. Как никогда?

Лиди. Да, как никогда...

Жорж. Ты меня пугаешь. В чем дело?

Лиди. Вероятно, патологический случай.

Жорж. Который является...

Лиди. Невероятной тяжестью, давящей на мое сердце.

Жорж. И что же это значит?

Лиди. Не притворяйся. Я повторяю, что нуждаюсь в искреннем проявлении твоей любви, понимаешь, это мне нужно. Я никогда не любила никого, кроме тебя. (*Жорж протягивает руки, Лиди порывисто бросается в его объятия.*)

Жорж. Любовь – это самое важное, я люблю тебя, Лиди.

Лиди. Теперь я верю этому, и ты видишь – я сияю. Отныне я такая же, как все другие женщины. Все колокола мира сейчас звонят о рождении великой любви. (*Теперь Жорж бросается в объятия Лиди.*)

Жорж. (*через некоторое время*). Который час? Восемь, скоро придет Марсель.

Лиди (*в смятении*). Марсель? Ты ждешь Марселя, сейчас?

Жорж. Э... в этом ничего удивительного, он постоянно сюда приходит. Что такого произошло, что ты так потрясена его визитом?

Лиди. Я бы предпочла, чтобы он не приходил этим вечером.

Жорж. Можно узнать причину? Разве сегодня не вечер у Тюрьеров?

Лиди. Вечер.

Жорж. Ты о нем забыла?

Лиди. Вовсе нет.

Жорж (*решительно*). Чтобы доказать тебе свою любовь, я пойду сегодня с тобой к Тюрьерам. Марсель будет нашим приглашенным. Если мне не нравятся танцевать, то Марсель от танцев без ума, он составит тебе компанию... Тебя это не радует?... Но отвечай, отвечай. Ты побледнела, Лиди, что с тобой?

Лиди. Небольшое головокружение.

Жорж. Присаживайся. (*Лиди садится и не может скрыть своего волнения.*) Ты дрожишь. (*Звонит.*)

Лиди. Да нет, я не дрожу. (*Входит Маризетта. Лиди – Маризетте.*) Простите нас, нам ничего не нужно.

Маризетта. Всегда к услугам Мадам. (*Выходит. Жорж заинтригован.*)

Жорж. Это новая горничная?

Лиди. Да. Разве она не прелесть?

Жорж (*скрывая эмоции*). Я ее почти не видел. Она ведь в твоём распоряжении с сегодняшнего дня?

Лиди. С сегодняшнего полудня; ты, к сожалению, выходил.

Жорж (*рассеянно*). А... Как ты себя чувствуешь?

Лиди. Уже лучше, недуг прошел.

(6b)

Элегантная гостиная. Входит Марсель, Маризетта выходит, притворяя дверь. Жорж идет к Марселю по салону и пожимает ему руку.

Жорж. Как здоровье?

Марсель. Отлично. *(Входит Лиди. Наклоняясь к ней.)* Мадам. *(Лиди смущена.)*

Жорж. Без церемоний, присаживайся. *(Марсель садится.)* Моя жена должна пойти на вечер к Тюрьерам, учти, уже поздно и пора одеваться.

Марсель. Надеюсь, я не помешаю Мадам.

Жорж. Представь, мы как раз спорили: должны ли мы с тобой сопровождать Лиди на вечер к Тюрьерам или пойти в театр, как и собирались.

Марсель. И что же вы решили?

Жорж. Сделать тебя третьей стороной.

Марсель. О, о.. какая честь, но, мой дорогой, поступай как считаешь нужным.

Жорж. Нет, нет, то, что решено, – решено: вечеринка или театр?

Марсель. Если право выбора за мной, я голосую за вечер. *(Он смотрит на Лиди, но Лиди не поднимает глаз.)*

Лиди. Жорж хотел пойти в театр.

Марсель *(разочарованно).* Я подчиняюсь, но все равно... Пойдем на вечер, Жорж.

Жорж. Я тут подумал, мы не пойдем на вечер; пойдем в театр, ведь мы так решили. *(Обращается к Лиди.)* К которому часу вызвать шофера?

Лиди. К девяти. Я вас покидаю. Спущусь прямо к машине. До скорого, Жорж.

Жорж. Ты меня не обнимешь? *(Лиди обнимает Жоржа.)*

Лиди *(выходя).* Доброго вечера, господин Марсель.

Марсель *(поднимается и кланяется).* Мадам. *(Он пристально смотрит на уходящую Лиди.)* Какая очаровательная у тебя жена.

Жорж. Я знаю.

Марсель. Я часто задаюсь вопросом, как тебе хватает смелости позволять подобному созданию уходить одной.

Жорж. Что ты имеешь в виду?

Марсель. Что на твоём месте я бы погиб, если бы остался один, без нее.

Жорж *(равнодушно).* А-а-а... С твоего позволения. *(Звонит, тишина, входит Маризетта. Маризетте.)* Не могли бы Вы сказать шоферу, чтобы он был готов отвезти Мадам?

Маризетта. Да, Месье.

Жорж. Ступайте. *(Маризетта уходит.)*

Марсель. О-о-о...

Жорж. Что?

Марсель. Прелестнейшая женщина.

Жорж. Я не понимаю, на что ты намекаешь.

Марсель *(смеясь).* За кого ты меня принимаешь?

Жорж. Оставь, пожалуйста.

Марсель. Ах! Ты сегодня в плохом настроении?

Жорж. Да нет, совсем напротив. Мы одни, можно и поболтать. Но... у тебя кровь? (*Марсель вытирает левую руку платком.*)

Марсель. Да пустяк. Цветочница слегка поранила мне руку, предлагая купить букет роз. (*Убирая платок в карман.*) Неважно.

Жорж. Сигарету? (*Марсель уже взял одну, Жорж тоже берет сигарету. Они закуривают.*) Между нами нет недомолвок?

Марсель. Что ты.

Жорж. Что с твоим намерением жениться на танцовщице из Фоли?

Марсель. Все в силе.

Жорж. Ты идешь до конца.

Марсель. Ну, да.

Жорж. Что тебе в ней нравится?

Марсель. Все.

Жорж. У этой женщины были любовники, ты это знаешь.

Марсель. Что тебя так задевает? Ты стал блюстителем морали?

Жорж. Нет, просто забочусь о будущем... твоим.

Марсель. О-о-о... ты меня заинтриговал.

Жорж. Не смейся, дело серьезное. Мужчина ревнует женщину, которую любит, не только с момента обладания ею, он ревнует и к своим предшественникам.

Марсель. Ты поэт, а я не верю поэтам; они преувеличивают свои чувства и приписывают другим все порывы собственного сердца.

Жорж. Ты ошибаешься, Марсель, с тобой говорит не поэт, а мужчина. (*Назидательно.*) Она принадлежала другим, другие чувствовали жар ее плоти до тебя. Ах, если бы ты знал, какое это наказание и как это отравляет жизнь... Все время приходится наблюдать за малейшими изменениями в поведении супруги, и если что-то меняется, кажется, что она думает не о тебе. Улыбки, подаренной другому, достаточно, чтобы упрекнуть ее в неверности. Когда она внимательна к супругу, он сомневается в ее искренности, принимает за ложь то, что может быть правдой.

Марсель. Но ты, ты... Разве ты не счастлив по-настоящему? Какой прекрасный дом, какая очаровательная жена, какое замечательное окружение, какое блестящее образование! Эх, хотелось бы мне преуспеть во всем так, как это удалось тебе.

Жорж. Я счастлив... Но я не в счет, не воспринимай меня как пример.

Марсель. А ты не решай за меня. Ты меня ни в чем не убедил.

Жорж. Тем хуже.

Марсель (*пожимая руку Жоржу*). До свидания, Жорж.

Жорж (*его рука в руке Марселя*). До завтра?

Марсель. Нет, не до завтра, меня не будет месяц или два.

Жорж. Не похоже, чтобы ты уладил... Ты едешь с ней?

Марсель. Конечно.

Жорж. Хочешь увидеть родителей, друзей, сообщить им о помолвке?

Марсель. Ты опять издеваешься? Прежде всего, мы поедem на несколько дней на Лазурный Берег, а потом отправимся в Италию: Рим, Флоренция, Неаполь, Венеция, а там – кто знает.

Жорж. Черт возьми... Ты выиграл в лотерею?

Марсель. У меня есть кое-какие сбережения.

Жорж. Я-то знаю, в каком состоянии твои финансы.

Марсель. Ты ничего не знаешь: позавчера я выиграл шестнадцать тысяч франков.

Жорж. Только на прошлой неделе ты говорил, что проиграл двадцать пять тысяч.

Марсель. Что-то теряешь, что-то находишь...

Жорж. Что-то уходит.

Марсель. А потом... потом, со мной моя танцовщица.

Жорж. Хорошенькое дельце... А твоя танцовщица знает, что ты играешь?

Марсель. Она меня и подталкивает.

Жорж. А, ну тогда понятно.

Марсель. Ты знаешь, что я собираюсь стать *крупье*?

Жорж. Значит, тебя ожидает *круп*.

Марсель. Не надо ехидно играть словами; такая же профессия, как и другие. И я надеюсь, ты не оскорбишь меня отказом прийти на мою свадьбу.

Жорж. Я не приду на твою свадьбу.

Марсель. Будем надеяться, что ты передумаешь. (*Он направляется в прихожую.*)

Жорж. Все уже решено. (*Он провожает.*)

Марсель. Значит, увидимся через месяц или два.

Жорж. Или через неделю. (*Прощаются, пожимая руки.*)

Марсель (*смеясь*). Скверная история. (*Выходит.*)

Жорж. Неисправимый. (*Марсель ушел.*)

(7)

Прихожая у Ландуа. Именно здесь Жорж, не вызывая Маризетту, провожает Марселя, и здесь происходит их диалог до фраз «Скверная история» – «Неисправимый».

(8a)

Проводив своего друга, Жорж, в задумчивости, отправляется к камину в гостиной, где стоит портрет его жены, и подносит его к губам, когда издали доносится нежная песня Маризетты. Он слушает, как зачарованный, и на цыпочках отправляется на кухню по коридору. Однако, перед тем как войти, он слушает с наслаждением нежное пение очаровавшей его «крестьянки».

(8b)

На кухне у Ландуа. Маризетта занимается делом – моет чашки из севрского фарфора, продолжая петь. Дверь приоткрывается, и видно слегка сконфуженного Жоржа.

Жорж. Мадам дала вам распоряжения?

Маризетта. Да, Месье... Она велела мне предупредить шофера, чтобы он приехал за ней, когда она позвонит.

Жорж. А-а-а... Она должна сначала позвонить?

Маризетта. Да, Месье.

Жорж. Я этого не знал... Гм... Это Вы только что пели?

Маризетта. Да, Месье.. Извините меня, если...

Жорж. Все можно простить за такой красивый голос.

Маризетта. Я думала о моем крае... там любят эту песню.

Жорж. Слезы?.. Вам грустно?

Маризетта (*она вытирает глаза*). Мужчины иногда так жестоки, Месье... если бы Вы знали...

Жорж. Ну, хорошо, я сумею вас утешить, моя миленькая, да, да.. Я хочу, чтобы Ваша улыбка освещала этот дом, потому что, видите ли... я чувствую к Вам большую симпатию, которая наполняет меня радостью. Да, радостью... Я говорю Вам эти слова совершенно искренне. Вы не можете оценить их глубину (*приближаясь к ней*). Вы не отвечаете?

Маризетта. Со мной никто так раньше не говорил. У вас такой нежный голос.

(9)

У Тюрьеров бал в самом разгаре, роскошная обстановка. Лиди после фокстрота с Марселем ведет его в оранжерею, туда, где мало людей, и, оставшись без свидетелей, упрекает его в том, что он пришел к Тюрьерам, перед этим объявив Жоржу, что будет отсутствовать месяц или два...

– Такова роль любовника (*возражает Марсель*).

– Но не честного человека (*отвечает Лиди*).

Они спорят. Лиди горько упрекает его в недостойном поведении по отношению к Мадам Тюрьер; он был ее любовником, на содержании, скандальная связь. Марсель уверяет Лиди в том, что он любит только ее, и напоминает о пьянящих часах, проведенных вместе с ней в павильоне в Бомон.

– Поедем туда... (*шепчет Марсель*) Я не хочу потерять эту ночь перед отъездом из Парижа.

– Ну, наконец-то.. и, будем надеяться, надолго (*отвечает Лиди удовлетворенно*.)

– Завтра я приеду, чтобы попрощаться официально. Однако этой ночью Вы меня не (в тексте отсутствует конец предложения. – *И.А.*).

Она колеблется, иронически посматривая на него, а он пожирает ее взглядом.

(10)

В Бомоне – парке, окружающем павильон очень затейливой архитектуры.

В ночном освещении едва различимы два силуэта, приближающиеся на цыпочках к павильону, как заговорщики или воры. Слышно, как лают собаки, но они быстро замолкают, после того как один из силуэтов произносит: «шшш, тсс».

(11)

В будуаре павильона. Это Лиди и Марсель, пришедшие сюда от Тюрьеров, он – чтобы обнять свою любовницу, она – чтобы высказать ему все свое негодование перед тем, как навсегда с ним расстанется. Именно здесь, в павильоне Бомон, при слегка таинственном освещении, происходит их жаркий разговор.

Марсель. Вы считаете, что я не знаю о Вашем прошлом? Я никогда не упоминал о нем при Жорже, потому что он не заслуживает, чтобы ему сыпали соль на рану. Ему, знающему обо всем и страдающему от этого. Жорж намекал мне на вас, думая, что я не в курсе вашей любовной истории, но злые языки не молчат. Вокруг всем все известно... Я преклоняюсь перед вашим мужем, потому что он честный человек, и я люблю вас как женщину, отдавшую себя – мне.

Лиди: Я вам себя не отдавала. Я не хочу быть отданной Вам. Я требую вернуть мне мою свободу, я имею на это право. И это мой долг.

Марсель. Слишком поздно.

Лиди. В конце концов, чего вы от меня хотите? Мы дошли до перекрестка, откуда каждый должен пойти своей дорогой.

Марсель. Но почему, почему такая перемена? Что заставляет вас разорвать отношения, которые так радовали нас обоих?

Лиди. Вы говорите радовали? Вы не знаете сердца женщины: отдать свое тело женщина может по самым разным причинам, но сердце ее остается свободным до тех пор, пока она не подарит его кому-то раз и навсегда.

Марсель (*нервно усмехаясь*). Позвольте мне заметить, о таких вещах в приличном обществе не говорят.

Лиди. Вы хотите меня вконец измучить, у меня уже нет сил.

Марсель. Как я понял, именно у месье де Тюрьера завершились наши отношения, во всяком случае, вы хотите, чтобы они завершились. Вы советуете мне больше не появляться в доме, где ко мне неплохо относились. Вы не знаете: месье де Тюрьер мне кое-чем обязан.

Лиди. Месье де Тюрьер или мадам? Насчет мадам... Вы были ее любовником, Вы жили за ее счет, мадам де Тюрьер тратила бешеные деньги, чтобы вас развлекать.

Марсель. Откуда вы знаете об этом периоде моей жизни?

Лиди. О, о... Если «языки» все доносят вам, они доносят и другим.

Марсель (*раздраженно*). Откуда вы узнали?

Лиди. Уже тогда, когда вы приняли меня в свои объятия, я хорошо знала ваше прошлое. Я тогда переживала момент сильной депрессии. Жорж меня любил, но его чувства меня не удовлетворяли. Вы и появились в тот момент, чтобы мучить мою отчаявшуюся душу; я отдалась вам, как прячутся в убежище при бомбардировке.

Марсель. Вы два года провели в этом убежище.

Лиди. Дело не во времени, а в том, что я однажды споткнулась.

Марсель. Это былот не впервые, вы уже не раз спотыкались о подобные препятствия.

Лиди. Я хочу наконец стать верной супругой такому мужу, как Жорж.

Марсель. А что если я раскрою нашу связь?

Лиди. Вы этого не сделаете, вы побоитесь, что он вас убьет.

Марсель. Меня убьет Жорж, ну-ну.

Лиди. Уходите, уходите скорее, пока не пришел Жорж, не будем длить эти горестные минуты. Уходите, уходите.

Марсель. Ты меня прогоняешь? Но вспомни, вспомни, мы были вместе, ты была моей. Твое тело хранит прикосновения моего. Когда ты будешь смотреть в глаза другому, твое сердце будет биться только потому, что это мое сердце заставило его биться, и эти слова любви будут не более чем плагиатом. (*Лиди ужасно страдает.*) Твои вздохи будут лишь слабым эхом други, тех, которые ты дарила мне в минуты страсти. Моя тень всегда будет рядом с тобой, она всегда будет напоминать обо мне. Ты больше не принадлежишь себе, ты моя, моя...

Лиди (*раздраженно*). Уходите или я позову на помощь.

(12)

Снова виден парк, окружающий павильон Бомон, и слышен лай собак, привязанных около домика, соседнего с домиком сторожа Фирмин. Сторож, крепкий старик, открывает окно и прислушивается к ночному шуму с недовольным и озабоченным видом.

(13)

У Ландуа. Кабинет Жоржа: Жорж работает, сидя за столом. Маризетта докладывает о прибытии Фирмина, сторожа Бомона. Фирмин требует, чтобы ему разрешили выпускать в Бомоне на ночь собак, потому что его жена боится бандитов, в которых он, Фирмин, не верит, потому что убежден: это железнодорожники или люди, хорошо известные четвероногим сторожам. После несколько напряженного разговора, Жорж разрешает выпускать собак в Бомоне после заката солнца.

Когда Фирмин уходит, Жорж вызывает Маризетту и советует ей не ходить в Бомон после наступления темноты.

Жорж берет портфель, набитый документами, и выходит из дома.

(14)

В будуаре Лиди.

Появляется Маризетта в ответ на «звонок Мадам».

Лиди. Господина нет дома?

Маризетта. Он только что ушел, Мадам.

Лиди. Он не пришел, чтобы обнять меня как обычно.

Маризетта. Он очень спешил, его задержал сторож Фирмин.

Лиди. Фирмин? Вы знаете, зачем он приходил?

Маризетта. Нет, я знаю только, что господин предостерег меня от собак, которых он приказал выпускать на ночь в парк.

Лиди. Зачем?

Маризетта. Я ничего не знаю об этом. Мне от этого только лучше будет когда усадьба опустеет, а мне придется там жить, я буду спать спокойнее.

Лиди. Это будет скоро. Уже началось лето, мы переедем в Бомон, когда пройдут выборы и будет вынесено решение по одному очень грустному делу. (*Маризетта вопросительно смотрит на Лиди.*) Одна девушка, служившая в банке, безумно влюбилась в директора, который ответил ей взаимностью. Его жена узнала об интриге и хладнокровно застрелила девушку.

Маризетта (*она поражена*). Как это печально...

Лиди. Сегодня завершающее слушание по этому делу.

Маризетта. Жену директора оправдают, она имела на это право.

Лиди. Не так все просто, все зависит от того, была ли эта девушка любовницей директора, если...

Звонок. Это Марсель.

Марсель. Я пришел, воспользовавшись вашим любезным разрешением (*он извиняется перед Лиди*), мои искренние чувства к Жоржу и мое восхищение его женой...

Лиди прерывает разговор с Маризеттой и отсылает ее. Марсель снова признается в любви Лиди и приглашает ее на свидание у входа в павильон Бомон. Она, к его изумлению, соглашается и даже хочет дать ему ключи, но предупреждает, что начиная с этого дня ночью в парк будут выпускать двух сторожевых собак.

Лиди. Вы рискуете жизнью, собираясь прийти в парк... Вы готовы рискнуть?

Он упрекает ее в той перемене, которая произошла в их отношениях; становится все более грубым и напористым, когда она напоминает ему, что приняла окончательное решение хранить верность своему мужу. Вдруг он бросается к Лиди, она отталкивает его, достает из ящика стола револьвер и направляет его на Марселя. Он быстро убегает, бросая на ходу: «Змея!»

(15)

Передняя у Ландуа. Марсель пытается восполнить свою потерю и (свойство Дон Жуана) ищет любви у Маризетты. Но она дает ему пощечину, а когда он пытается ее поцеловать – кусает его за руку и убегает.

В деревне Бельсер. Церковь, довольно большая толпа выходит после мессы. Норбер покорно ждет священника, который вскоре появляется. Норбер провожает его домой и по дороге признается ему, что он очень грустит, с тех пор как Маризетта уехала из деревни, и что он решил жениться на этой милой сироте. Священник не возражает и обещает оказать ему содействие, если ему этот понадобится.

(16)

У Ландуа. Закончив работу в кабинете, Жорж открывает дверь и зовет:
– Лиди, Лиди...

Маризетта (прибегает на его зов). Мадам спит. Она вдруг почувствовала себя уставшей...

Жорж. Ничего опасного?

Маризетта успокаивает его, и Жорж, закрыв дверь, пускает в ход науку обольщения.

Маризетта. Вас не ждали так скоро.

Жорж. Кто не ждал?

Маризетта. Мадам.

Жорж. А вы, толже нет?

Маризетта. О, я... (неопределенный жест)

Жорж (иронически). Это мило, очень мило.

Маризетта. Я здесь только для того, чтобы повиноваться приказаниям, которые мне дают.

Жорж. И даже моим?

Маризетта. Конечно.

Жорж. А, ну тогда мы найдем общий язык. Скоро мы переедем в Бомон на несколько месяцев.

Маризетта. Да, месье.

Жорж. Вы заметили на стене над вашей кроватью прелестную картину Жерара, представляющую Амура и Психею?

Маризетта. Да, месье.

Жорж. Как она хороша, не правда ли, она вдохновляет, даже волнует? Эта юная девушка с обольстительными формами, подставляющая лоб первому поцелую Амура? А не изобразить ли нам, что это происходит на самом деле?

Маризетта. Я не могу этого представить.

Жорж. Кто помешает мне желать поцелуя?

Маризетта. Вы даже не думаете об этом.

Жорж. Да нет же, я думаю, и ваша сдержанность только возбуждает мое желание.

Маризетта. Это было бы некрасиво с вашей стороны.

Жорж. Некрасиво? Я считаю, что нет ничего прекраснее.

Маризетта. Если вы будете продолжать в том же духе, месье, мне придется уйти.

Жорж (*притворяясь рассерженным*). Не будем больше об этом. Кто-нибудь приходил в мое отсутствие?

Маризетта. Месье Марсель Гибер.

Жорж. Он еще не уехал в свадебное путешествие? (*Берет свою шляпу и собирается уйти.*)

Маризетта. У месье сердитый вид.

Жорж. Сердитый? у меня? Вовсе нет, хотя, может быть, чуть-чуть.

Маризетта. И что же могло рассердить месье?

Жорж. То, что мадмуазель не понимает или не хочет понять моего шутилого тона.

Маризетта. Достаточно забыть на мгновение, чтобы потом страдать всю жизнь. Поцелуй никогда не бывает просто поцелуем, он имеет свое значение, он является прелюдией к признанию.

Жорж. И это тоже правда, я скажу вам откровенно: я люблю вас. (*Он берет Маризетту за руку.*)

Маризетта (*вырываясь*). Вы сошли с ума, месье.

Жорж. Да.

Маризетта. Вы не думаете о последствиях.

Жорж. Нет.

Маризетта. Вы правда думаете о том, что вы говорите?

Жорж. Нет.

Маризетта. Вы не понимаете значения своих откровений.

Жорж. Нет.

Маризетта. Это ужасно.

Жорж. Да.

Маризетта. Вы хотите, чтобы мы расстались прямо сейчас?

Жорж. Нет.

Маризетта. Вы уничтожили то чувство, которое меня с вами связывало.

Жорж. Почему? Потому что я вас люблю?

Маризетта. Конечно. Вы не имеете права меня любить.

Жорж. Вы заставили меня полюбить.

Маризетта. Я ничего не делала.

Жорж. И я тоже. Подумайте, разве человек, сраженный молнией, виновен в том, что она поразила его? (*Маризетта задумалась.*) О чем вы сейчас думаете?

Маризетта. Об этом надо спрашивать Соломона.

Жорж. Вы знаете о Соломоне?

Маризетта. Я изучала Священную историю.

Жорж. Я уже знаю его ответ.

Маризетта. Какой же?

Жорж. Он любит вас – полюбите его.

Маризетта. Нет, Соломон бы ответил вам: «У Вас есть законная жена, которая вас любит, – любите ее».

Жорж. Я бы ответил Соломону, что он должен заниматься своими делами, а не моими. И потом, Соломон знал бы, что в моей любви к вам нет ничего преступного, эта любовь возвышает душу, а не оскверняет ее. Он знал бы, что моя любовь – молитва Богу в благодарность за то, что он поселил на земле такую красоту... Я люблю мою жену, она любит меня, я люблю вас, вы любите меня – вот как ваш Соломон решил бы эту дилемму.

(17)

Спальня у Ландуа. Лиди проснулась и хочет позвонить, чтобы позвать Маризетту, но слышит издали голос мужа. Она подходит к его кабинету и, с удивлением увидев, что дверь закрыта, прислушивается к любовному диалогу Жоржа и Маризетты.

Слышно из-за двери кабинета.

Маризетта. Где Вы находите слова, которые так сильно волнуют мое сердце?

Жорж. Я прислушиваюсь к голосу, который шепчет мне в тишине, и только повторяю то, что слышу.

Маризетта. Я люблю вас.

Жорж. Пусть небесный огонь испепелит Акрополь, моя муза уже не в Парфеноне, она здесь, рядом со мной, я слышу ее, я вижу ее, я могу к ней прикоснуться – она живая! Сколько раз мысленно я касался поцелуем лба Минервы, но я впервые целую богиню наяву.

Пауза.

Маризетта (*очень взволнованно*). Не знаю, как вам ответить.

Жорж. Не нужно слов, за вас говорит ваша красота, ваш нежный взгляд. Я полюбил вас с первой минуты.

Маризетта. Но я всего лишь деревенская девушка...

Жорж. Вы – дочь богов...

Лиди, убитая горем, покидает свой наблюдательный пост.

(18)

В кабинете Жоржа.

– Пусть наша любовь будет такой же прекрасной, как любовь Петрарки и Лауры... (*восклицает Жорж*).

– Вы расскажете мне о Петрарке и Лауре?... (*произносит Маризетта*).

Слышен выстрел. Жорж и Маризетта замирают на мгновение, затем выбегают из комнаты.

(19)

Спальня у Ландуа. Лиди без сознания, с револьвером в руке, на полу возле кровати. На ее пеньюаре пятно крови, которое стремительно увеличивается. Жорж и Маризетта подбегают к ней.

– Лиди, Лиди... *(кричит Жорж со слезами на глазах, склоняясь над женой)*. Скорее за доктором... Маризетта, не теряйте ни секунды.

Маризетта выходит, вытирая мокрые от слез глаза.

(20)

Во второсортном мюзик-холле. Марсель, горячо поаплодировав Жанин – эксцентричной, очень красивой танцовщице, – ведет ее ужинать в тайный клуб, в котором он считается завсегдатаем.

(21)

В клубе он быстро заказывает ужин и, попытав счастья в «баккара», проигрывает не только все свои деньги, но и деньги Жанин, к большому ее неудовольствию.

(22)

Деревня Бельсер, солнечное утро. Норбер идет к священнику, который читает ему письмо, написанное по просьбе самого Норбера и адресованное Месье Жоржу Ландуа.

«Я считаю своим долгом сообщить Вам, что благонравие вашей служанки по достоинству оценил серьезный и порядочный молодой человек, который хотел бы стать ее спутником жизни, если Маризетта выразит согласие. Я пишу к Вам, чтобы попросить Вас оказать содействие и убедить Маризетту принять предложение Норбера, которого она знает с раннего детства. Я прошу Вас, Месье, и т. д. ...»

(23)

У Ландуа, в будуаре Лиди. Лиди выздоравливает, окруженная заботами мужа и горничной. Телефонный звонок заставил Жоржа выйти в кабинет.

(24)

В кабинете. Жорж говорит по телефону с Марселем, который хочет приехать и спрашивает на это разрешения. Скрепя сердце Жорж позволяет ему:

– Приезжай, если это так важно, но учти, я очень занят.

Он делает несколько шагов по кабинету, думая о чем-то тревожащем его. Затем неожиданно звонит Маризетте:

– Вы не припомните, была ли закрыта дверь, когда случилось несчастье? В суете я не обратил на это внимания, а это очень важно.

Маризетта не помнит.

– Почему она это сделала? Вы не знаете? – восклицает Жорж (*ужасная мысль приходит ему в голову*). Нет... это невозможно... и все-таки... В тот день, когда Лиди чуть не лишила себя жизни, она принимала Марселя в мое отсутствие. И он должен был уехать в тот же день... я схожу с ума... У меня раскалывается голова...

– Что с вами, месье? Вы очень бледны...

– О, какие безумные идеи приходят мне в голову... Павильон Бомон? Нет, нет, это невозможно...

– Успокойтесь, месье... Мадам вне всяких подозрений, уверяю вас.

– Нет, нет, Лиди обманывает меня...

– Вы заблуждаетесь.

– Марсель способен на все. Он может обмануть даже лучшего друга... Но Лиди... она...

– Мадам вас любит.

– Откуда вам знать?

Этот диалог продолжается до тех пор, пока Жоржу не приносят письмо из Бельсера, присланное священником, наставником Норбера. Письмо становится последней каплей, и Жорж еле сдерживает себя. Все против него... Он в отчаянии. Именно в этот момент приезжает Марсель.

Марсель. Здравствуй, Жорж.

Он протягивает ему руку, которую Жорж пожимает после некоторого колебания.

Жорж. Не ожидал увидеть тебя.

Марсель (*непринужденно*). И я не ожидал, но все меняется

Жорж. Я не смог побывать на твоей свадьбе. Ты счастлив?

Марсель. А, это... Я расстался с ней.

Жорж. Уже? Я ждал, что этим закончится, но не думал, что так скоро.

Марсель. Должен сказать, что это не вина Жанин.

Жорж. Очередная глупость с твоей стороны?

Марсель. Пожалуй, так.

Жорж. Можно мне узнать об этом?

Марсель (*непринужденно*). Лолота не знает...

Жорж (кивает). Лолота? Не кажется ли тебе, что пора перестать ломать чужие жизни?

Марсель. Черт... И кому я ломаю жизни?

Жорж. Жанин... Возлюбленному Лолоты... и мужу женщины, которую ты обольстил...

Марсель. Ты все видишь в черном цвете.

Жорж. Так оно и есть... Когда ты приехал в Париж?
Марсель. Вчера вечером. Мой первый визит – к вам.
Жорж. Благодарю.
Марсель. Ты, как всегда, процветаешь.
Жорж. Как будто.
Марсель. У вас кто-то болен?
Жорж. Лиди...
Марсель. Твоя жена? Ничего серьезного?
Жорж. Уже нет, но три месяца назад мне пришлось поволноваться.
Марсель. Три месяца? Как раз после моего отъезда?
Жорж. В тот день, когда ты покинул наш дом.
Марсель. Несчастный случай?
Жорж. Катастрофа.
Марсель. Что произошло?
Жорж. Лиди пыталась покончить с собой.
Марсель. Что ты говоришь?! Покончить с собой?
Жорж. Выстрелила в себя из револьвера в своей комнате.
Марсель. Выстрелила из револьвера... Но почему?
Жорж. Ее бросил любовник.
Марсель. Любовник? У твоей жены был любовник?
Жорж. Да.
Марсель. Ты это знал?
Жорж. Нет.
Марсель. Она сама тебе призналась?
Жорж. Да.
Марсель. Она сказала тебе его имя?
Жорж. Да.
Марсель. Ты его знаешь?
Жорж. Посмотри в зеркало.
Марсель. Твоя жена сошла с ума.
Жорж. Ты на это не способен?
Марсель. Это просто неправда.
Жорж. Ты плохо защищаешься. Ты лжешь, но правду выдает твое лицо.
Марсель. Уверяю тебя, твоя жена честная женщина.
Жорж. Уверяешь меня, что ты не чудовище... Как... Тебе мало было твоих Жанин, твоих Лолот, твоих Моник, всех этих проституток, которые порхают как ночные бабочки, останавливая прохожих на перекрестках, этих отбросов общества, которые сеют раздор в семьях, разрушают самые крепкие счастливые союзы. Нет, тебе нужны законные жены, даже жена твоего лучшего друга!
Марсель. Ты думаешь, что ты говоришь?
Жорж (*хватает Марселя за шиворот*). Грязная скотина, ты украл у меня самое дорогое – мое честное имя, любовь всей моей жизни... Ты понима-

ешь, до чего дошел в своей низости? Ты не знаешь, как коротка и хрупка жизнь, как просто ее разрушить?

Марсель (*пытаясь высвободиться*). Мне больно.

Жорж (*продолжая держать Марселя за шиворот*). Больно? Больно, когда болит сердце, и ты причина этой боли.

Марсель. Отпусти...

Жорж (*отшвыривает Марселя*). Свободен – но отсюда не выйдешь (*он бросается к двери, закрывает ее на ключ и кладет его в карман*)... останешься здесь, как зверь в клетке. Тебе придется до дна выпить эту чашу, из которой уже пил я. (*Говоря это, Жорж приближается к отступающему от него Марселю*.) Ты выпьешь отравленный напиток. Я принимал тебя здесь, как друга, но ты оказался предателем. Что для тебя значит честь женщины? Для тебя важно, что ты победил. (*Он снова хватает Марселя за шиворот*.) Негодяй... (*Марсель вырывается и бросается к оконному проему, но Жорж его опережает и открывает окно*.) У тебя есть только этот выход, ты его искал – вот он. Можешь оставить мой дом быстро и без церемоний. (*Он выглядывает в окно*). Два этажа – и ты свободен, около 15 метров. Ну же, воспользуйся возможностью, которую я тебе дарю, и мне не придется тебе помогать. Ну же... (*Марсель колеблется*.) Трижды трус... Ты не прыгнешь, ты хочешь спасти свою шкуру, ты подчиняешься только животным инстинктам.

Марсель (*теряет голову*). Закрой окно, или я выброшусь.

Жорж. Бездна ждет тебя, ну же. (*Марсель решительно подходит, Жорж встает у него на пути*.) Еще не время... (*Марсель взбешен. Жорж закрывает окно*.) Ты умрешь как честный человек, хотя – какое это имеет к тебе отношение.

Марсель. Чего ты, в конце концов, хочешь? Не заносись, Жорж.

Жорж. Я осторожен, и я не доверяю тебе... Еще не все, еще осталось несколько капель яда в этой чаше, нужно допить до конца... Павильон Бомон, ты видишь его отсюда, там прошла моя молодость, мои первые мечты родились там, в тишине и гармонии. Ты осквернил этот дом своим мерзким преступлением, меня всегда будет преследовать там твоя ненавистная тень.

Марсель. Она призналась?

Жорж. И еще кое-что.

Марсель. Твоя жена не могла в этом признаться.

Жорж. Может, ты еще скажешь, что не спал в моей постели в Бомоне? Молчишь? Ты знаешь, как называют таких людей, как ты? Собаками...

Марсель. Возьми свои слова обратно. А собаки могут лаять и кусаться (*готов наброситься на Жоржа*). Ты первый на меня напал.

Жорж. И не намерен останавливаться. (*Слышен звонок, но звук его теряется в общем шуме. Жорж теснит Марселя к столу, опрокидывает его на мраморную доску и бьет по лицу. Стучат. Жорж спрашивает твердым голосом*.) Кто там? (*Входит Маризетта. Марсель поворачивается к ней спиной*.)

Маризетта пришла сообщить, что приехал издатель, который хочет видеть Жоржа по срочному делу. Жорж выходит из комнаты.

– Что произошло? – спрашивает Маризетта, видя, что Марсель вытирает кровь с лица. Марсель, спеша, рассказывает ей о случившемся и умоляет Маризетту оказать большую услугу ему, Жоржу и его бедной жене.

– Нужно отвести подозрения от Лидии, которую Жорж безумно ревнует... – говорит Марсель Маризетте.

– Так о чем же вы меня просите? – в ужасе спрашивает девушка.

– О жертве... – и Марсель умоляет ее сказать Жоржу, что это она, Маризетта, а не Лиди, встречалась с Марселем в Бомоне. С трудом пересилив себя, Маризетта, глубоко опечаленная, принимает это безумное предложение, чтобы спасти Жоржа, которого она любит, и его жену, к которой она испытывает жалость.

– Я принесу эту жертву, – просто говорит она. И когда Жорж возвращается в кабинет, Маризетта рассказывает ему о Бомоне, не пытаясь оправдать себя.

– Я потеряла голову... (*говорит она Жоржу, огорченному этим открытием*). Я была без ума от него, он так смел и очарователен.

Все закончилось хорошо.

Марсель уехал из Парижа и не думает возвращаться.

Жорж возвращается к своей обожаемой жене, просит у нее прощения за свои «беспочвенные» подозрения в измене. Маризетта после своего признания уезжает в Бельсер, где Норбер встречает ее с распростертыми объятиями.

Добрый священник благословляет молодых людей, которые любят друг друга, «как принято у крестьян», – просто и всей душой.

Конец.

Перевод пьесы сделан Александрой Гуровой и Анастасией Сторожук, студентками факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Публикация Ирины Анастасьевой

Публикация синопсиса киносценария «Загнанный зверь», хранящегося в фонде Н. Евреинова в Бахметьевском Архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), стала возможной благодаря разрешению Комитета по делам Бахметьевского Архива; пользуемся случаем, чтобы поблагодарить председателя Комитета профессора Iřina Fejřman и куратора Архива Tanya Chebotarev. Автор статьи выражает искреннюю благодарность Библиотеке Батлера при Колумбийском университете (Нью-Йорк) за предоставленную возможность работать в Бахметьевском Архиве. Автор выражает также благодарность студенткам факультета иностранных языков и регионоведения Александре Гуровой и Надежде Сторожук, сделавшим перевод пьесы.

События. Имена. Судьбы

С.Н. Мещеряков

**Добрица Чосич.
Писатель, политик, человек**

Аннотация: В статье представлен жизненный путь сербского прозаика Добрица Чосича, академика Сербской Академии наук и искусств, президента Союзной республики Югославия в 1992–1993 гг.; представлены основные вехи его творческой судьбы; охарактеризованы наиболее известные романы писателя.

Ключевые слова: Добрица Чосич, Сербия, Иосиф Броз Тито, диссиденты в Югославии, писатель и власть, «Друзья моего времени» (2011) и другие произведения Чосича

Abstract: In the article the way of life and the artistic destiny of the Serbian writer Dobrica Ćosić, Academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, President of the Federal Republic of Yugoslavia (1992–1993), is submitted. Also is given a short analyses of his most famous novels.

Key words: Dobrica Ćosić, Serbia, Josip Broz Tito, dissidents in Yugoslavia, writer and authority, «Friends of my time» (2011), and other works of Ćosić

18 мая скончался Добрица Чосич (1921–2014), сербский прозаик, академик Сербской Академии наук и искусств, президент Союзной республики Югославия в 1992–1993 г.

Выбор литератора главой государства – явление редкое, почти уникальное, свидетельство величайшего, единственного в сербской истории доверия народа к писателю как к духовному вождю нации. А кратковременность пребывания Д. Чосича на этом посту – это лишь свидетельство превосходства реальной политики над идеальными устремлениями. Смещение Чосича было подготовлено и проведено Н. Милошевичем, президентом Сербии, обладавшим тогда всей полнотой власти.

История не знает сослагательного наклонения, но Чосич в свое время предлагал разделить Косово между сербами и албанцами. Возможно, в этом случае ситуация на юге Сербии была бы иной, а жертв можно было бы избежать. Кстати, именно Чосич первым в стране сказал о притеснениях сербов албанцами. И было это в далеком в 1968 году. Тогда лишь художественная литература начинала глухо намекать на приближающуюся катастрофу. Так,

Д. Михайлович в романе «Когда цвели тыквы» (1968) заговорил о возможности «небольшой войны» в Югославии, что огромному большинству людей показалось просто нелепостью.

Однако писатели часто оказываются пророками. И не только в отношении других, но и самих себя. Вл. Петкович-Дис (1880–1917) назвал свой первый сборник стихов «Утонувшие души» – и его корабль был торпедирован немецкой подводной лодкой. М. Црнянский (1893–1977) со своим первым поэтическим сборником «Лирика Итаки» (1919) повторил судьбу Одиссея и вернулся на родину после 20-летнего изгнания. Любимый герой Добрица Чосича Вукашин Катич, выразитель мыслей и идей писателя в романе-эпопее «Время смерти» (1972–1979), также находился у власти очень краткое время.

Путь Добрица Чосича – это одновременно и путь всей нации и альтернатива историческому развитию Сербии. В 1941 Чосич ушел в партизаны, был комиссаром отряда, а после войны занимал важные должности в Агитпропе Югославии; был членом парламента и ЦК Союза коммунистов Сербии. При этом он пользовался покровительством министра госбезопасности Александра Ранковича и самого И. Броз Тито. В 1952 г. Чосич вместе с А. Ранковичем побывал на острове Голи Оток, где располагался самый ужасный лагерь для политзаключенных – сторонников Сталина и Информбюро. По словам Чосича, он просил тогда Ранковича сменить начальника концлагеря – зверя и садиста. Ранкович, к радости Добрицы, прислушался к его словам, однако, если верить Драгославу Михайловичу, другому крупному сербскому писателю, бывшему тогда узником этого лагеря, министр тут же повысил смещенного начальника до уровня своего заместителя.

В дальнейшем, в 1956 г., Чосич, – вероятно, по заданию Ранковича, – был в Будапеште во время восстания. Итогом его пребывания в столице Венгрии стала книга «Семь дней в Будапеште». В нашей стране о ней практически не упоминалось, однако, в соответствии с личным высказыванием самого Чосича, там не было ничего контрреволюционного. При описании начала возмущения народа автор говорит о его стихийности, однако в дальнейшем дает однозначную оценку событиям, называя их «контрреволюцией», что в то время предполагало безусловно отрицательную окраску. И, наконец, впоследствии, в 1961 г., писатель вместе с Тито на личной яхте президента совершил вояж по странам Западной Африки.

Хорошо известно, что политикам большого масштаба нужны писатели крупного дарования. И тем удивительнее, что Чосич к середине 1960-х гг. проявляет недоверие «к политике партии и правительства», высказывает критическое отношение к власти, что, в свою очередь, приводит к ответной реакции. Так, книга эссе Чосича «Акция» (1964) была в свободной продаже не более двух часов. А в 1968 г. Чосич выходит из состава ЦК и из Союза коммунистов Югославии.

Следует признать, что в этот момент Чосич был не единственным диссидентом: главный идеолог партии М. Джилас первым во весь голос заговорил

о перерождении партии и власти и о необходимости ориентироваться на демократические ценности. Судьба Джиласа оказалась плачевной: к долгим годам заключения в тюрьмах королевской Югославии добавились еще девять лет – «подарок» «товарища» Тито.

К Чосичу судьба была благосклоннее: он избежал тюрьмы; у него сохранился особняк на Дединье, пожалуй, самом элитном районе Белграда; его книги, в частности роман-эпопея «Время смерти», выходили огромными тиражами и продавались по самой высокой цене. В 1970 г. Чосича приняли в Сербскую Академию наук и искусств.

И все же писатель был под колпаком у власти. Публицистика Д. Чосича запрещалась, а дом его не был его крепостью. В 1980 г. после беседы-интервью, проведенной с Добрицей Чосичем автором этих строк, писатель, в свою очередь, задал вопрос о личном отношении собеседника к событиям в Афганистане. Но задал его не громко и не дома, а тихонько и у калитки. Вероятно, необдуманный ответ мог привести гостя к нежелательным последствиям.

Конечно, длительная беседа с Добрицей Чосичем оправдывала любой риск и была важным событием для любого человека. Однако почему знаменитый писатель тратил свое время на незначительный для него разговор? В ответ на этот вопрос Чосич рассказал о своем первом посещении СССР. В 1956 г. в нашей стране был переведен и опубликован его первый роман «Солнце далеко» (1951) о войне партизан с фашистами и трагически высокой цене победы. Это произведение стало важнейшим явлением не только литературной, но и общественно-политической жизни Югославии. Однако в России имя Д. Чосича еще не было известно. Возможно, поэтому молодому писателю пришлось долго ждать назначенной встречи в приемной одного из классиков советской литературы. И услышать горькие слова ничем не мотивированного отказа. По признанию Чосича, он тогда решил никогда не поступать подобным образом.

Доброжелательность, интеллигентность, склонность к компромиссу, осознание высокой ценности человеческой жизни – все это противопоставляло Д. Чосича жесткой и часто не вполне продуманной политике правительства. В 1980 г. Чосич пытается издавать журнал «Общественное мнение», сразу же запрещенный властями. В 1984 он совместно с другими представителями политической оппозиции создает Комитет по защите свободы и мысли и слова, который просуществовал до 1991. В 1990 г. вместе М. Джиласом Д. Чосич приезжает в Москву для участия в беседе за круглым столом о причинах конфликта Сталин – Тито.

Вопросы демократии и свободы, политической и социальной ориентации всегда оставались в числе приоритетных для Д. Чосича. Однако для своего народа писатель был в первую очередь защитником национальных интересов, человеком, пробудившим у сербов самосознание. Огромная, исключительная популярность «Времени смерти» была обусловлена не только талантом писателя, не только обращением к сербской Голгофе – Первой мировой

войне, но и ясно выраженной патриотической позицией Чосича. По его словам, величие Сербии – в благородстве ее целей (исключительность сербской ситуации признавал даже В.И. Ленин, отрицавший империалистическую войну). Чосич отмечает мужество народа, способного дважды победить Австро-Венгрию, население которой превышало сербское в десять, а строго говоря, даже в двадцать раз. Наконец, это великое в своем трагизме отступление сербской армии и части мирного населения перед объединенными силами немцев, австрийцев и болгар через Черногорию и Албанию к побережью Эгейского моря, это готовность умереть, но не сдать врагу, это вера в победу при самых драматических обстоятельствах.

В то же время Чосич развенчивает сформировавшиеся к началу Первой мировой войны мифы о югославянстве, – мифы, воскресшие после 1945 г. Герои романа признают, что надежды на славянское братство себя не оправдали, что на сторону Сербии в массовом порядке переходят лишь сербы из Боснии и что сербам в первую очередь следует думать о самих себе. В романе также появляется образ идеального, с точки зрения Чосича, сербского крестьянина, Саввы Марича, отличающегося порядочностью, доброжелательностью и, главное, умом. По словам Марича, умный человек не может быть ни несчастным, ни бедным, ни развращенным. Просветительские взгляды Чосича, наследие ориентированных на просвещенную Европу Досифея Обрадовича и Йована Скерлича находят здесь свое проявление. Об «умном» русском народе говорил в свое время и А.С. Грибоедов, безусловный просветитель и столь же безусловный патриот.

О важности национального вопроса для Чосича свидетельствовали его многочисленные статьи и книги: «Записки писателя (1981–1991)» (2002), «Сербский вопрос» (2003), «Косово» (2004). В них обсуждались проблемы неравноправного положения сербов в Югославии, звучали слова о колоссальных потерях сербов в годы Первой и Второй мировых войн, о терроре хорватских националистов – усташей и о жестокости албанцев¹.

При этом Чосич, будучи гуманистом и выразителем истинных, глубинных настроений сербского народа, никогда не призывает к насилию, пытается решить все вопросы мирным путем, что отражается и в «Сербском вопросе», и в «Декларации о сербском национальном единстве»². Естественно, что на посту президента СРЮ Чосич всеми силами пытался воспрепятствовать войне в Боснии и Герцоговине. И не его вина, что эти усилия не увенчались

¹ О неравноправном положении сербов в слегка завуалированной форме пишет в «Хазарском словаре» (1982) Милорад Павич, самый известный сербский постмодернист и монархист одновременно. По словам Павича, хазары, составляющие большинство в своем государстве, подвергаются эксплуатации и унижению со стороны национальных меньшинств.

² О настроениях сербского народа в 1980-е гг. можно судить по популярности небольшого романа Данко Поповича «Книга о Милутине» (1986). Главный герой-рассказчик, сербский крестьянин Милутин, по своим взглядам очень близок Савве Маричу. Милутин говорит обо всех несправедливостях, учиненных сербам, но предлагает лишь мирные пути решения национального вопроса. В короткий срок книга выдержала рекордные двадцать изданий.

успехом: слишком много факторов, и внутренних и внешних, было против. Вспомним, что И. Андрич, единственный лауреат Нобелевской премии среди южных славян, определил в свое время Боснию как «страну ненависти»³.

Национальный вопрос в Сербии всегда был связан с Россией: «за» или «против», pro et contra. «За» была династия Карагеоргиевичей, contra – династия Обреновичей, ориентировавшихся на Австрию. Чосич всегда был безусловно «за». Отсутствие России в последние десятилетия как фактора стратегического равновесия на Балканах, по словам писателя, ухудшило положение сербского народа. Более того, Чосич отмечал, что не верит в демократический характер современной цивилизации без активного участия России в международных делах. И еще в декабре 1991 г. Чосич утверждал, что Россия должна подняться с колен.

Близость Д. Чосича к России проявилась и в его многолетней дружбе с Л.М. Леоновым, и в интересе к русской классической литературе XIX–XX вв. В 1954 г. Чосич участвовал во Втором съезде советских писателей. В 2010 на славянском литературном форуме «Золотой витязь» он был удостоен золотой медали имени А.С. Пушкина с формулировкой «За выдающийся вклад в литературу». В этом же году Чосич был также награжден медалью «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945».

При этом, конечно, наиболее значимым событием для писателя были переводы его книг на русский язык огромными, по югославским понятиям, тиражами в десятки и даже сотни тысяч экземпляров. После романа «Солнце далеко» на русский язык были переведены романы «Корни» (1954; рус. пер. 1983), два первых тома «Времени смерти» (1985). Последние два тома не были переведены из-за внелитературных, а точнее, политических обстоятельств. И наконец, в 2012 на русский язык была переведена книга Чосича «Заметки писателя и президента Югославии 1992–1993».

Конечно, объем переведенного на русский язык нельзя сравнить с полным корпусом сочинений писателя.

Роман «Корни» («Корени», 1954), открывает многотомную балканскую сагу писателя. Он рисует жизнь сербской глубинки – села Прерово в Шумадии на рубеже XIX–XX вв. и на примере двух семей – богатых крестьян-торговцев и их батраков – выявляет роль социального и биологического начала в жизни людей, показывает процесс расслоения патриархальной среды. Реализм автора обогащается лиризмом и драматизмом, элементами модернистской техники письма, что отвечало духу времени, происходящим в сербской литературе эстетическим переменам. Художественное исследование жизни этого же села в годы Второй мировой войны продолжено Чосичем в романе «Разделы» («Деобе», 1961). Писатель предпринимает попытку раскрыть психологию четников, тех, кого он, по его словам, в годы войны видел сквозь прорезь прицела, тех, кто находился в сложных, часто враждебных отношениях и с коммунистами, и с немцами. Усилению драматического начала

³ Добрица Чосич, как и М. Павич, неоднократно выдвигался на соискание Нобелевской премии.

способствует обращению автора к библейским сюжетам (принесение отцом-четником в жертву своего единственного сына-коммуниста), а также к монологу и полилогу героев, к голосу толпы, напоминающему хор в античной трагедии.

Своеобразным полигоном для художественного эксперимента стал роман-антиутопия Чосича «Сказка» («Бајка», 1966), посвященный критике тоталитарных режимов XX в., фашистского и коммунистического. В нем автор обращается к фантастике, гиперболе, гротеску: в главе «Камония», например, вещи восстают против безумной покорности людей режиму и уничтожают все население страны, а в главе «Разыстория» («Разисторија») представлено движение истории в обратном направлении, наложение исторических пластов друг на друга.

Высшим достижением писателя стал его роман-эпопея «Время смерти», рисуящий Сербию с начала Первой мировой войны до «исхода» сербской армии и части населения из страны (лето 1914 – зима 1916). Воссоздавая масштабные исторические события, Чосич прибегает к панорамному отражению действительности, перед читателем проходят представители всех слоев сербского общества, от крестьянина до короля, и при этом выделяются наиболее яркие и судьбоносные моменты истории. Присущее ему драматическое видение мира проявляется в самом названии произведения, определяет всю его структуру, придает особое значение диалогам героев.

Философская проблематика романа – размышления о единстве мира, о добре и зле, о жизни и смерти – дополняется проблематикой социальной, а главным героем эпопеи выступает народ, определяя судьбы отдельных личностей и всей истории. При этом центральные герои романа – политик-оппозиционер Вукашин Катич или выходец из крестьянской семьи генерал Мишич (реальное историческое лицо) – даны вровень с эпохой и психологически глубоко достоверны. Раскрывая внутренний мир своих героев, писатель прибегает к ретроспекции, внутреннему монологу, письмам, портретным зарисовкам и «потоку сознания». Роман-эпопея Чосича синтезировал субъективное и объективное, драматическое и эпическое начала.

В дальнейшем писатель обращается к политическому роману, представив читателю трилогию «Время зла» («Грешник», 1985; «Отверженный» – «Отпаденник», 1986; «Правоверный» – «Верник», 1990) и роман в двух частях «Время власти» («Време власти»; 1997, 2007). Действие этих произведений охватывает межвоенный и послевоенный периоды до 1998 г. и раскрывает сложную, противоречивую историю коммунистического движения в Югославии, трагическую судьбу и разочаровавшихся в нем и «правоверных» коммунистов, подвергавшихся подозрениям в каком-нибудь уклоне. Корень всех бед Чосич видит в самой революционной идеологии, ее стремлении к насильственному изменению старого мира.

Последняя книга Д. Чосича – «Друзья моего времени» – была опубликована в 2011 году.

Сведения об авторе:
Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey Mescheryakov,
Candidate of Philology
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Научная жизнь

Л.А. Новицкас, А.Н. Першкина, А.С. Федотов

**III Международная конференция молодых исследователей
«Текстология и историко-литературный процесс»
(МГУ имени М.В. Ломоносова, 13–14 марта 2014 г.)**

Филологический факультет МГУ третий год подряд в конце зимы – начале весны проводит международную конференцию, посвященную проблемам текстологии и истории литературы. В этот раз выступали филологи Москвы, Петербурга, Тарту, Нижнего Новгорода и Берлина; благодаря видеосвязи удалось послушать и обсудить доклады ученых из Венеции и Волгограда.

Конференцию открыл заведующий кафедрой истории русской литературы В.Б. Катаева; был представлен сборник, составленный по итогам прошлой конференции¹.

Кроме текстологии русской литературы Нового времени и древнерусской словесности – традиционных для конференции тем – в этом году говорили еще и о европейской средневековой литературе и современном фольклоре. Удержаться исключительно в строгих пределах текстологии не получилось, и некоторые доклады были посвящены историко-литературным вопросам, творческому взаимодействию писателей и объяснению механизмов функционирования литературных институтов. И все-таки, несмотря на неизбежное методологическое разнообразие, у докладчиков явно было общее: стремление к точности филологического описания своего предмета.

Второй год подряд в программу включается лекция специального гостя; в этот раз это была лекция Ю.И. Красносельской, преподавателя кафедры истории русской литературы, о проектах Л.Н. Толстого 1856–1858 гг., предусматривавших арендные отношения (проект лесонасаждения, проект взятия в аренду журнала «Современник», проекты освобождения крестьян). «Аренда» в это время оказывается для Толстого не только формой организации хозяйственных отношений, но и специфическим способом восприятия мира, в

¹ Текстология и историко-литературный процесс: II Международная конференция молодых исследователей. Сб. ст. / Под ред. Л.А. Новицкас, А.Н. Першкиной, А.С. Федотова. М.: Лидер, 2014. 180 с. Полная электронная версия сборника доступна на сайте конференции «Текстология и историко-литературный процесс» (<http://tekstologia.jimdo.com>) и на сайте кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ (<http://www.philol.msu.ru/~istlit>).

основе которого стремление к примирению враждебных общественных сил и выполнению гражданских обязательств. Красносельская проследила, как эта толстовская утопия, предполагающая синтез «своего» и «чужого» (когда улучшение «чужого» осуществляется исходя исключительно из собственных представлений о совершенстве), отражается в творчестве («Утро помещика», «Альберт»); анархический отказ Толстого от филантропических предприятий и его неверие в достижимость социального консенсуса связаны с невозможностью реализовать отношения «аренды».

По традиции конференции первые доклады были посвящены истории и книжности Древней Руси.

Древненовгородские женские письма на бересте сопоставлялись с родственным материалом двух других культурных традиций – Римской Британии и Древнего Египта – в докладе Полины Семенович (НИУ ВШЭ).

Разные рассказы о походе Мстислава Андреевича с союзниками на Новгород в 1170 г., в Лаврентьевской, Ипатьевской и новгородских летописях – обсуждал Иван Агафонов (УРАО): Лаврентьевская и Ипатьевская более подробно описывают ход событий, особенно же разорение новгородских земель и бедствия союзных войск по пути домой; упоминание трех плачущих новгородских икон в этих рассказах, видимо, является отголоском легендарного новгородского сюжета о Знаменской иконе.

Наталья Демичева (МГУ) говорила о том, как политическая позиция автора влияла на отбор событий, их подачу (в том числе и искажение фактов), даже использование литературных приемов в разных текстах о новгородском походе Ивана III 1471 г. («Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород», повесть «О брани на Новгород», «Словеса избранна...», «Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород»).

Дина Смирнова (СПбГУ) обнаружила традиции Иосифо-Волоколамского монастыря в текстах новгородского архиепископа Феодосия (1491–1563), ученика Иосифа Волоцкого, и рассказала об участии Феодосия в составлении рукописных сборников Иосифо-Волоколамского монастыря.

Ольга Кузнецова (МГУ), описав историю публикации «Молитвы» Евфимии Смоленской, предложила первый научный комментарий к тексту, отметив текстуальные связи с духовными стихами, литургическими и библейскими текстами; композиция и топика позволяют предположить близость текста к Новоиерусалимской поэтической школе.

Ирина Герасимова (ВолГУ) в документах канцелярии Михайловского станичного атамана Области войска Донского (ГА Волгоградской области) искала особые средства выражения субъекта текста: стремясь объективировать высказывание, авторы XVIII в. обращаются к вышестоящим органам, отсылают к авторитетным документам, используют антропонимы, лексемы с абстрактным значением, личные местоимения и глаголы 1-го лица мн. числа.

Андрей Соловьев (ИРЛИ РАН) говорил об особенностях редакторского вмешательства в текст посмертного собрания сочинений О.И. Сенковского:

правка (главным образом, в области лексики), вносимая, видимо, учеником Сенковского, была обусловлена излишне прямолинейным пониманием литературной и языковой позиции Сенковского (как гонителя устаревших слов).

Анна Грачева (РГПУ им. А.И. Герцена) показала, как априорные представления о склонности А.Ф. Вельтмана к мистификации иногда заставляют не слишком внимательных комментаторов подозревать мистификацию там, где ее нет: так, в комментарии к критическому изданию «Странника» утверждается, что Вельтман произвольно группирует реальные географические названия и герой его романа путешествует по несуществующей местности; между тем анализ употреблявшихся в XIX в. топонимов показывает, что на самом деле у Вельтмана говорится о вполне реальной Сахаре.

Андрей Федотов (Тартуский ун-т) объяснял историю публикации цикла статей Ап.А. Григорьева «Русская драма и русская сцена» в журнале «Репертуар и Пантеон»: сначала статьи подписывались псевдонимом, но позже – уже настоящей фамилией автора; внутри журнала статьи из «Смеси» переместились в более престижный раздел – «Материалы для истории театра»; видимо, это объясняется и изменением структуры журнала после смены издателя, и резкими изменениями в самоопределении Григорьева.

Кирилл Зубков (ИРЛИ, СПбГУ) обратился к истории запрещения и последующего разрешения драматической цензурой постановки комедии Островского «Свои люди – сочтемся!»: анализ цензорских докладов, содержащихся в них характеристик пьесы и пересказов ее сюжета обнаруживает многочисленные противоречия в цензурном ведомстве, в частности, между Комитетом 2 апреля 1848 г. и сотрудниками драматической цензуры; подробно обсуждалось отношение к Островскому либерального цензора И.А. Нордстрема, фактически отменившего решение Николая I о запрете комедии.

Проблемам истории русской литературы XIX в., не имеющим собственно текстологического характера, – и прежде всего поиску существенных причин неидиллических литературных взаимоотношений – были посвящены выступления Артема Шели (Тартуский ун-т) и Ольги Макаревич (ННГУ). А. Шеля объяснял скептические высказывания Белинского о Дельвиге как предопределенные его общекультурной концепцией: в соответствии с логикой иерархических построений критика (Кольцов – Мерзляков – Дельвиг) Дельвиг оказывался за пределами литературного ранжирования. Возможно, «русские песни» Дельвига ассоциировались у Белинского с итальянскими оперными ариями, причем определение «итальянский», которым Белинский наделил «немца» Дельвига, получало пейоративный оттенок (лежащий вне «национальной» семантики). О. Макаревич искала причины быстрого и заметного изменения тона высказываний Лескова о британском проповеднике лорде Гренвиле Редстоке в 1876–1877 гг.: если в этюде «Сентиментальное благочестие» Лесков отозвался о редстокистах отрицательно, то годом позже, в очерке «Великосветский раскол», гораздо более сдержанно; видимо,

дело в том, что Лесков начинает воспринимать Редстока в рамках европейского богословского контекста (Ж.Э. Навилль, Э. Берсье, Р. Голлард, Ф. Шаф, Ф.В. Фаррар).

Ольга Овчарская (СПбГУ) доказала, что в «малой прессе» 1880-х гг. ориентация на бессобытийность и предсказуемость взяла верх над стремлением к актуальности: именно из этого странного типа журналистики вышел Чехов, который не интересуется ничем новым, а описывает мир как неизменный и двигающийся по кругу.

Анастасия Сысоева (ИРЛИ РАН) усомнилась в том, что политические причины развала товарищества «Новое время» А.С. Суворина были определяющими, как принято считать. Архивные материалы, воспоминания современников, дневники самого Суворина свидетельствуют о серьезных финансовых проблемах «империи» Суворина, истоки которых и были подробно описаны (особенно личности, деятельность и взаимоотношения двух главных соперников в борьбе за влияние на компанию – старших сыновей основателя, М.А. и А.А. Сувориных).

В докладе Елены Глуховской (ВИТИ) ведущая мифологема русского символизма – Вечная Женственность – была рассмотрена на примере ее реализации в личной жизни Эллиса. Дневники, записные тетради и письма Эллиса, а также воспоминания современников позволяют реконструировать его поиски идеальной возлюбленной, своей Беатриче: культ Данте у Эллиса выступил основой жизнотворческой концепции.

Алина Мигачева (МГУ) предложила первичный историографический обзор деятельности исследователя русской литературы, переводчика, библиографа Артура Лютера, пропагандиста русской словесности в Германии и сотрудника ведомства Геббельса.

Дарима Шарапова (МГУ) говорила о формах и причинах существенного влияния Достоевского на роман известного румынского прозаика Камила Петреску «Последняя ночь любви, первая ночь войны» (1930). Достоевский вообще прямо упоминается практически в каждом произведении Петреску, как правило, в полемических целях.

Неявное влияние бельгийского художника Джеймса Энсора на творчество русских символистов убедительно попыталась обнаружить Анна Нижник (МГУ): было показано, что целый ряд картин Энсора тематически и художественно близок к лирике и драматургии Блока, к мирискусникам (эстетика масок и маскарада, особое обращение к образу Христа, элементы экспрессионистской поэтики).

Вера Филичева (ИРЛИ РАН) рассказала о своей находке в библиотеке Пушкинского Дома – книге статей К.Д. Бальмонта «Горные вершины» из личной библиотеки Н.С. Гумилева со следами чтения владельца. В докладе было показано, как Бальмонт повлиял и на поэзию, и на критические статьи Гумилева периода «Пути конквистадоров»; исследовательница предположи-

ла, что книга Бальмонта могла подействовать на выбор имени для нового литературного направления – акмеизма.

Павел Успенский и Артем Шеля (Тартуский ун-т) говорили о связи травматической ситуации эмиграции и образности описания одного якобы реального сна у Нины Берберовой.

Алессандро Фарсетти (Университет Ка Фоскари, Венеция), обнаружив в фонде П.Н. Зайцева (ОР ИМЛИ РАН) два неизвестных ранее стихотворения авангардиста Ивана Аксенова (возможно, Аксенов собирался напечатать их в альманахе «Узел», который в 1926–1928 гг. готовили Зайцев с товарищами), попробовал (учитывая еще четыре известных стихотворения автора) реконструировать планируемый Аксеновым сборник «Оды и танцы», основой которого должны были стать, в частности, эксперименты с ритмом. Тексты ритмически схожи. Очевидна связь ритма с заглавиями, которые явно отсылают к обозначению музыкальных темпов (так, в «Широко» междударные интервалы в среднем длиннее, чем в «Довольно быстро», и, соответственно, его темп при чтении кажется более медленным).

Елена Мухина (ИРЛИ РАН) рассказала о трансформациях классических литературных текстов в практике христианского религиозного общества «Старый Израиль», получившего распространение на юге европейской части Российской Империи начиная со второй половины XIX в. Важной составляющей жизни религиозной общины являлись собрания верующих с пением стихов хором; верующие вели тетради, в которые записывали стихи – как собственного сочинения, так и известных авторов. В докладе демонстрировался и анализировался текст из тетради последовательницы общества (личный архив Елены Мухиной), представляющий собой контаминацию стихов М.М. Хераскова и Н.М. Языкова с некоторыми изменениями согласно принятой в «Старом Израиле» символике.

В докладе Ольги Неклюдовой шла речь о роли самиздатского журнала «Часы» (1976–1990) в изучении и сохранении наследия первой половины XX века: в «Часах» помещались стихи Ходасевича, Набокова, Г. Иванова, Адамовича, Шершеневича, Введенского (первая публикация!) и др.; интересна подборка малоизвестного акмеиста Н. Бруни. Некоторые публикации требовали специальных разысканий, в том числе архивных (так, в №58 были опубликованы письма Булгакова П.С. Попову, некоторые впервые); критические тексты о литературе эпохи, весьма многочисленные, предполагали возможность обсуждения, в том числе полемического, в самом журнале (например, обсуждались работы Ю. Колкера о жизни Ходасевича). Тексты первой волны эмиграции, видимо, привлекали особое внимание потому, что были известны читателю хуже, чем тексты Серебряного века, уже отчасти представленные в самиздате или даже в «официальных» публикациях.

Александра Пахомова (СПбГУ) предприняла попытку восстановить историю сборника стихов К. Вагинова «Звукоподобие», над которым поэт работал перед смертью, в 1931–1934 гг.; сборник известен по спискам 1930-х и

1980-х гг., различающимся и по составу целого, и текстами отдельных стихотворений; эти различия отразились и в публикациях «Звукоподобия» (1982, 1998, 2012), но текстологическое исследование сборника было впервые предпринято только в настоящем докладе: рассмотрены несколько списков из архивов разных лиц, реконструирован состав сборника (в частности, убедительно показано, что в сборник не могла быть включена поэма 1925 г.) и объяснены причины его трансформации, обсуждена проблема датировки.

Мария Елиферова (РГГУ) установила, что известный нам текст древнескандинавской «Песни о Харальде» является позднейшей компиляцией, конструированной издателем в XIX в.: действительно «древним» может быть только один фрагмент «Песни», остальные же ее куски, в том числе позаимствованные из «Старшей Эдды», были написаны на несколько веков позднее.

Александра Балашова (МГУ) говорила о фольклоре современных «поисковиков» (людей, занимающихся поиском артефактов времен Второй мировой войны); она описала несколько популярных в этой среде сюжетов, указала на некоторые источники (СМИ, кино, авторские песни).

Светлана Ефимова (Берлинский Свободный ун-т) рассмотрела некоторые сложности публикации записных книжек писателей XIX–XX вв.: фрагментарность, нелинейность, «поликодовость» этих текстов делают предпочтительной факсимильную форму воспроизведения.

По материалам конференции планируется издание сборника.

Сведения об авторах:

Любовь Александровна Новицка,
канд. филол. наук

Ljubov Novitskas
Candidate of Philology
novitskasla@mail.ru

Анастасия Николаевна Першкина,
канд. филол. наук

Anastasia Pershkina
Candidate of Philology
dostoevsk@mail.ru

Андрей Сергеевич Федотов,
канд. филол. наук,
докторант кафедры русской литературы
Тартуского университета
Andrei Fedotov
Candidate of Philology
doctoral student in Russian literature
University of Tartu
anfed86@gmail.com

И.В. Мотеюнайте

Будущее как сюжет: Тверь, 10–12 апреля 2014

10–12 апреля в Твери состоялась международная научная конференция «Будущее как сюжет», организованная кафедрой истории русской литературы ТвГУ и ставшая завершением своеобразной трилогии (2012 г. – «Прошлое как сюжет», 2013 – «Настоящее как сюжет»). Репрезентация времени в художественном тексте – одна из проблем, волнующих сегодня как авторов-беллетристов, так и ученых. Из трех форм времени, способных отразиться в тексте, именно будущее оказалось самым привлекательным: в этом году было больше участников, чем в предыдущие. Разножанровый исторический состав анализируемых текстов из области словесного, театрального и киноискусства позволил составить объемную картину будущего, в своей пестроте довольно показательную.

По сложившейся традиции, конференцию открывал В.А. Кошелев (Новгород Великий), который в докладе «Будущее “до истории”: “Снегурочка” А.Н. Островского» выделил в художественной утопии великого драматурга единственную черту, отличающую доисторическую жизнь от исторической: жители Берендеева царства, так же как и их потомки, богатые и бедные, трудолюбивые и ленивые, различающиеся по статусу и чину, счастливо пребывают вне войны. Рисуя картину прошлого, Островский отразил чаяния своих современников о будущем: лишь бы не было войны... В преддверии последующих украинских событий доклад прозвучал особенно актуально.

И.В. Мотеюнайте (Псков), поставив себя в положение школяра, сдающего ЕГЭ по литературе, проанализировала по-разному оформленные в произведениях планы героев русской классики и их оценку авторами. Пушкин и здесь положил начало важной тенденции: «Но жалок тот, кто всё предвидит», – говорит автор о герое, разоблачая его планы своим сюжетом и одновременно сочувствуя ему. Подобный прием, кроме историко-литературной и методической, актуализирует проблематику психологии творчества. Своеобразное подтверждение эта мысль нашла в докладе Е.А. Коноплевой (Четвертных; Екатеринбург), которая выделила возможный сюжет в малой

прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, обнаружив в теме будущего компенсаторную функцию художественного творчества.

Зависимость эмоциональной оценки общего и личного будущего от возраста и эпохи показал Н.Л. Васильев (Саранск), сравнив воспоминания о будущем в поэтических текстах Г. Державина, Н. Огарева и И. Бродского. Тема будущего в русской поэзии была представлена также докладами А.Е. Новикова (Череповец; «Образы будущего в лирике Н.М. Рубцова») и Е.В. Титовой (Вологда; «Будущее как лирический сюжет в поэзии Леонида Губанова»). Их концепции будущего соединяют разные культурные традиции. Губанов, в отличие от Рубцова, был сосредоточен не столько на предсказаниях судьбы родины и собственной судьбы, сколько на определении тех этических-эстетических ориентиров и пристрастий русской поэзии, которые способствуют ее выживанию в любые – даже самые «непоэтические» – времена.

Один из организаторов конференции А.Ю. Сорочан (Тверь) обратился к немногим фантастическим текстам русских исторических романистов; столь маргинальный материал убеждает в том, что прогнозирование будущего почти обязательно для авторов, даже традиционно занятых прошлым. Его освоение накладывает отпечаток на их футурологические концепции: будущее для них – это всего лишь «ненастоящее».

Тесная связь футурологических представлений с политическими и социальными задачами настоящего демонстрировалась в целом ряде докладов. А.М. Грачева (Санкт-Петербург) представила слушателям роман Н.Н. Брешко-Брешковского «Когда рушатся троны...», показав, как формирующийся жанр фэнтези (дефиниция докладчика), черпая художественные приемы в низовой культуре, помогал русским эмигрантам первой волны справляться с безрадостным настоящим. Э.Ф. Шафранская (Москва) выявила модель будущего в русской колониальной литературе. Отгалкиваясь от утопических представлений о будущем, свойственных участникам колониального проекта по завоеванию Туркестана (в прозе Н.Н. Каразина), докладчик обозначил вектор этой интенции в советской литературе на примере прозы А. Платонова.

С.В. Денисенко (Санкт-Петербург) обратил слушателей к еще более далекой культуре Даосизма в японском изводе. На примере иллюстраций к самому известному стихотворению Басё и сказки о лягушках-путешественниках из Осака и Киото, а также известной гаршинской сказки, ожидаемой русскими слушателями, докладчик показал, что неизбежной иллюзорности будущего в любой национальной культуре противостоит мысль о важности гармонии с собой в настоящем.

Сюжетология будущего была представлена сообщениями на отдельной секции и в объемной исторической перспективе. Д.Б. Терешкина (НовГУ) выделила мотив испытания будущим в древнерусской воинской повести и на его материале показала, как справлялись со страхом смерти – наиболее универсальным представлением о личном будущем – наши предки: «На Господа уповал – и не погибну». Один из организаторов конференции С.А. Васильева

(Тверь) рассказала о видениях-предсказаниях в произведениях Ф.Н. Глинки. В хранящихся в Тверском архиве записных книжках писателя выделяется блок записей собственных видений; часть их содержательно касается будущего России, которое виделось Глинке тревожным, но победным. Однако интерес слушателей вызвало не содержание прогнозов, а яркость описаний самих видений, проверка достоверности которых дразнит воображение ученых. Н.И. Рублева (Вологда) рассмотрела тему космических полетов в литературе Серебряного века, обнаружив в ней влияние космических учений эпохи и различие человеческих ожиданий от освоения космоса. Е.П. Беренштейн (Тверь) познакомил участников конференции с «Будетлянскими словариками» Велимира Хлебникова, выявив эстетические аспекты сюжетов будущего. С.В. Шешунова (Дубна) проанализировала в имагологическом аспекте сценарии Реставрации в России на материале литературы рубежа XX–XXI веков. Восстановление монархии, по мысли докладчика, занимает мысли современных авторов не только идеологически (почему и зачем), но и технически: как и кем.

Доклад С.В. Фролова (Санкт-Петербург) «“Интонационные прорицания” или “будущее как сюжет” в музыкальной драматургии классических русских опер: “Жизнь за Царя” М.И. Глинки, “Борис Годунов” М.П. Мусоргского и “Евгений Онегин” П.И. Чайковского» порадовал филологов необычностью материала. Участники конференции узнали, как расхождения между оперной фабулой и музыкальным текстом могут создавать более сложную картину будущего: музыкальный код иногда позволяет предсказать опровержение оптимистических ожиданий зрителя. Анализ несловесного текста был представлен также С.Н. Еланской (Тверь) в докладе «“Будущее светло и прекрасно”: логика надежд в советском кино». Обратившись к эпизодам, посвященным планам девушек на будущее, автор доклада показал, как противоречие между личным и общественным в человеке советского времени отражалось в популярных фильмах эпохи.

Секция «Хроники будущего: утопии и антиутопии» объединила исследователей жанра, непосредственно связанного с концепциями будущего. В ряде докладов, естественно, освещалась наиболее разработанная проблематика антиутопии прошлого столетия. Генезис жанра привлек А.Л. Семенову (Великий Новгород; «Антиутопия как невозможность будущего: к будущему от прошлого без настоящего»), показавшую, как русская литература пришла к антиутопии от утопизма предреволюционных лет, развивавшегося в публицистике начала XX века на основе антропогонического мифа, который закреплял отрицательное отношение к прошлому и утверждал позитивное восприятие будущего. События октября 1917 года предопределили кардинальную переоценку ценностных ориентиров; антиутопия стала способом обрести необходимый для социального прогресса баланс: установить живую связь между прошлым и будущим через подлинное настоящее. На локальном материале затронутая проблематика была освещена в докладе С.И. Кормило-

ва (Москва) «Прогнозы в критической прозе Осипа Манделштама начала 1920-х годов»: автор выделил эстетическую программу будущего у Манделштама, акцентировав ее тесную связь и зависимость от происходящего в реальности и в то же время органичность и самобытность.

На широком материале всемирной литературы Е.Ю. Козьмина (Екатеринбург) в докладе «Фантастическое будущее: роман-антиутопия и авантюрно-философская фантастика XX века» предложила типологию отражения фантастического будущего в названных жанровых разновидностях, определяющих эмоциональную окраску картины будущего и концепции человека. Эта мысль нашла продолжение в сообщении О.С. Ратниковой (Тверь) «Миллион лет спустя: эволюция человека в “Галапагосах” Курта Воннегута».

Два доклада этой секции были посвящены проблемам собственно литературного процесса. Так, А.В. Кошелев (Великий Новгород, «Какой-то Брамбесус...») обратился к статье Ф.В. Булгарина о «Фантастических путешествиях» Барона Брамбеуса, уточняя восприятие литературной маски Сенковского его современниками, а А.А. Кунарев (Москва) проиллюстрировал тонкости литературных взаимоотношений эпохи докладом «“Кто сей?” (об одном из случаев пушкинской автоцензуры)».

Специфический вариант утопии, обнаруживающий идеологические интенции, представила И.Л. Багратион-Мухранели (Москва) в сообщении «Просветительская утопия В. Соллогуба: комедия “Ночь перед свадьбой, или Тифлис через 1000 лет”».

Актуальность рассматриваемого жанра в современной России продемонстрировали А.М. Лобин (Ульяновск; «Перспективы создания глобализованного общества в России в антиутопиях XXI в. (на материале романов В. Сорокина “День опричника”, А. Волоса “Маскавская Мекка” и В. Пелевина “S.N.U.F.F.”)») и Е.В. Никольский (Москва) («Аксиология грядущего в антиутопии Ярослава Мельника “Далекое пространство”»).

И в этой секции внимание филологов привлекли сообщения исследователей из смежных дисциплин: Э.С. Степановой (Тверь) «“Коперниковский переворот”: интерпретации временных категорий в русском и французском кубизме» и А.П. Люсого (Москва) «СТОП-ДИАЛЕКТИКА: Идеи проекта международного парада утопий на Красной площади».

Секция «Горизонты будущего» объединила исследователей различных периодов литературного процесса. Ю.М. Никишов (Тверь) обратился к пушкинскому творчеству, выявив в нем различные по содержанию и модальности предсказания личного будущего. Гармоничность мироощущения поэта подтверждается художественной репрезентацией темы смерти. Широкий тематический и эмоциональный диапазон прогнозов и ожиданий, отраженных в русской классике, демонстрировался в сообщениях О.С. Карандашовой (Тверь) «Будущее “мысленными очами” Гоголя»; Н.Ю. Зиминой (Псков) «Будущее падших героинь Достоевского: прогнозы и реальность»; Л.С. Романо-

вой (Тверь) «Увидеть будущее: фантастическое и реальное в малой прозе Н.С. Лескова». А.В. Устинов (Кострома; «Представления о будущем персонажей из прошлого («историческое нечто» Д.Л. Мордовцева “Тишайший у меня в гостях” и пьеса М.А. Булгакова “Иван Васильевич”) проследил исторические изменения в одном прогностическом сюжете.

К творческому конструированию будущего обратилась и В.Л. Гайдук (Москва; «“Последний и решительный бой”: как Вс.В. Вишневский и Вс.Э. Мейерхольд создавали образ будущей войны»), рассмотрев источники, которыми пользовались Вишневский при создании пьесы и Мейерхольд в работе над поставленным по ней спектаклем. Художественное освоение военной темы нашло продолжение в сообщении Е.В. Титовой (Тверь) «Время и пространство в рассказах латышских стрелков».

Христианский вариант футурологических представлений был рассмотрен в сообщениях С.А. Малинина (Тверь) «Репрезентация будущего России в сборнике статей И.А. Ильина “Наши задачи”» и Ма Сяоди (Сиань, Китай) «Пророческие мотивы в произведениях В.Г. Распутина».

Об актуальности футурологии для современной России говорит количество произведений, привлечших исследователей. К ним обратились П.С. Громова (Тверь, «Наше будущее прошлое. Философия альтернативной истории в романе Дмитрия Быкова “ЖД”»), С.Ф. Меркушов (Тверь, «Репрезентации необычного будущего в текстах Владимира Сорокина (от “Голубого сала” к “Теллурии”»)), Д.Л. Карпов (Ярославль; «А. Машнин: откровение андеграунда 90-х гг.»).

Общее оживление участников конференции вызвало заключительное сообщение И.В. Мироновой (Тверь) «Мотивы будущего в творчестве тверских писателей начала XX века», которая, корректно назвав своих персонажей «литераторами», рассказала об их прогнозах, клишированный оптимизм которых коррелирует с художественным уровнем идеологически ангажированных произведений.

Сведения об авторе
Илона Мотеюнайте,
профессор
филологический факультет
Псковский государственный университет

Ilona Motejunajte,
Professor
Pskov State University
ilona_motya@mail.ru

**Совещание-семинар, посвященный 80-летию доцента В.П. Гудкова
(МГУ имени М.В. Ломоносова, 23 мая 2014 г.)**

Семинар был посвящен юбилею одного из старейших сотрудников филологического факультета, авторитетного ученого-сербиста Владимира Павловича Гудкова. Выпускник славянского отделения филологического факультета, Владимир Павлович посвятил всю свою научную жизнь изучению и преподаванию сербского языка. В сферу его интересов входят прежде всего грамматика, лексикография и история литературного языка сербов. Он автор книг «Сербохорватский язык: Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем» (1969), «Сербская лексикография XVIII века» (1993), а также сборника научных статей «Славистика. Сербистика» (1999).

Но не менее, чем собственные исследования, для В.П. Гудкова всегда была важна судьба родной кафедры, которую он возглавлял в течение двух десятков лет, и судьба славистики в Московском университете в целом. По его инициативе в университете был создан Славянский культурно-информационный клуб, а с 1991 по 2002 он руководил общественной организацией Ассоциация друзей Югославии.

Много сил отдавал В.П. Гудков и работе в Совете по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию.

Со свойственными ему педантизмом, скрупулезностью и ответственностью он был незаменим в любом деле, за которое брался. Отойдя от активной работы на факультете, Владимир Павлович и сейчас остается его неотъемлемой частью, поддерживает связь с коллегами и не оставляет своих профессиональных интересов.

На семинаре коллеги В.П. Гудкова выступили с докладами, посвященными разным проблемам.

Программа совещания-семинара

1. Е.И. Якушкина, канд. филол. наук, доцент (МГУ) – «Вклад В.П. Гудкова в сербистику и славистику».
2. Е.Н. Ковтун, докт. филол. наук, профессор (МГУ) – «В.П. Гудков – заместитель председателя Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию».
3. О.А. Ржанникова, канд. филол. наук (МГУ) – «В.П. Гудков – участник международных славистических конференций».
4. Г.К. Венедиктова, докт. филол. наук, гл. научн. сотрудник (Институт славяноведения РАН) – «О почти неизвестной странице истории одной университетской кафедры славянской филологии в 40–50-е годы».

5. Н.К. Жакова, доцент (СПбГУ) – «Славистика в Ленинградском университете в послевоенные годы».

6. О.С. Плотникова, канд. филол. наук, доцент (МГУ) – «Стратегии переводчика при переводе на русский язык словенских презентных форм совершенного вида».

7. К.В. Лифанов, докт. филол. наук, профессор (МГУ) – «Различия между языком Л. Штура и современным словацким литературным языком».

8. А.А. Индыченко, аспирант (МГУ) – «Чешский литературный язык XVII века в деловой корреспонденции в Западной Словакии и Силезии».

9. О.А. Остапчук, канд. филол. наук, доцент (МГУ) – «Спонтанное понимание текстов в инструментарии слависта: к идее нового учебного курса».

10. Д.Ю. Ващенко, канд. филол. наук (Институт славяноведения РАН) – «Словацкие и венгерские кванторные слова в зеркале языковых контактов».

Критика. Библиография

Елена Жуйкова

Нужно ли гражданство литературе?

Восставшие из небытия: Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции / Авт.–сост.: В.В. Агеносов. М.; СПб.: Алетейя, 2014. 734 с.: ил.

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти.
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы – будет лет пятьсот.

Н. Моршен (Марченко)

Каждый из писателей, о которых пойдет речь, мог бы подписаться под этими словами и назвать стихотворение своей краткой биографией. Валентина Синкевич, составительница первой антологии поэзии второй волны русской эмиграции, часто повторяла: «...у поэтов второй волны различаются не столько биографии, сколько автобиографии». Но все же у каждого из них был свой особый, сложный творческий и жизненный путь.

Совсем недавно, 14 марта этого года, в «Доме Русского Зарубежья имени А. Солженицына» прошла презентация книги, которую смело можно назвать литературным событием. Она носит название «Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции». Составитель книги, Владимир Агеносов, – заслуженный академик РАЕН, автор пособий для школы и вузов, в том числе знаменитого школьного учебника. Под его руководством защищено много кандидатских и докторских диссертаций, среди его учеников есть крупные ученые, поэтому резонно говорить о «научной школе Агеносова. Можно долго перечислять его заслуги в развитии науки и образования, но даже если бы не было сделано ничего, кроме издания антологии, – уже одного этого было бы достаточно для высокой оценки его научной и общественной деятельности.

Если кратко охарактеризовать книгу, «Восставшие из небытия» – это первое в мире собрание избранных произведений писателей послевоенной эмиграции и тех русских литераторов послеоктябрьской эмиграции, кто оказался после 1945 года «лицом без гражданства».

Важно понимать: далеко не каждый студент, даже филологического факультета, имеет ясное представление о том, что такое вторая волна русской эмиграции. Да, он знает, что волн было три, но не всегда может провести между ними четкую границу. И что значат эти загадочные буквы «Ди-Пи»? Книга Агеносова помогает не только разобраться в этом, но прочувствовать всю глубину трагедии второй волны эмиграции.

Евгений Витковский в предваряющей книгу статье убедительно показывает, что это была самая трагическая из трех волн: ведь представители первой и третьей боролись чаще всего за право легального выезда, а представители второй – за жизнь, не больше и не меньше. Он признается, что пришлось соединить несколько понятий: это и непосредственно «Ди-Пи» (от англ. Displaced Persons – «перемещенные лица»), и выходцы из таких государств, как Латвия и Эстония – стран, которые недолго входили в состав СССР. Судьбы их были сходны.

Составитель антологии обращает внимание на то, что термин «вторая эмиграция» несколько неточен; против него восстают и литературоведы, и сами эмигранты, – но другого, более удачного, никто еще не предложил. Сам Агеносов имеет в виду «невозвращенцев», тех людей, которые оказались за пределами Советского Союза и впоследствии стали эмигрантами. От них он отделяет эмигрантов первой волны, которые побывали в лагерях «Ди-Пи» и получили гражданство после 1945 г. (их автор называет «послевоенной эмиграцией»).

Главной болью для всех этих людей было то, что повсюду их преследовало предательство. Известны слова Сталина о том, что у нас нет пленных, а есть только предатели. Выходит, от эмигрантов отказалась родная страна, что ими переживалось очень остро. Но и на Западе они столкнулись с предательством, только иного рода: союзники СССР постоянно занимались «выдачами», т. е. возвращали «беглецов» на Родину, где их часто ждала смерть. Спасение многие бывшие граждане Страны Советов находили в Лихтенштейне: это небольшое государство, единственное из европейских стран, дало им убежище в 1945–1948 гг.

«Архипелаг лагерей», в которых обитали «ди-пийцы», размещался по всей западной Германии. Пожалуй, самым «литературным» среди них был Шлейсгейм, недалеко от Мюнхена, где содержались И. Елагин, О. Анстей, Б. Нарциссов, И. Сабурова. Катастрофическая неустроенность быта не мешала духовному развитию узников: в лагерях организовывались лекции крупных профессоров из депортированных лиц, велась активная издательская деятельность, причем издавалась не только периодика, но и книги, русская классика или их собственные «пробы пера». Эта тема – издательская де-

тельность «ди-пийцев» – представляет богатый материал, достойный отдельного исследования (и такая работа уже ведется).

В дальнейшем благодаря активному содействию Элеоноры Рузвельт и Александры Львовны Толстой части эмигрантов удалось обрести «вторую родину» в США и постепенно создать свою собственную литературу.

В чем же уникальность литературы писателей Ди-Пи и второй волны эмиграции? В том особом комплексе тем и проблем, который отличал ее от других. Наряду с общими для всех волн эмиграции мотивами тоски по Родине, неприятия советской действительности, трагической разобщенности с русской культурой, в творчестве «вторых» важное место занимала война, обусловившая трагизм их судеб. В основе произведений лежит личный опыт писателей, переживших плен, ГУЛАГ, пострадавших за свое «неправильное» происхождение.

Война и ее последствия стали источником вдохновения для И. Елагина и М. Соловьёва. О. Анстей рассказала о трагедии тех, кто остался на оккупированных территориях. Тема сталинских репрессий и ГУЛАГа представлена в поэзии Н. Моршена, прозе С. Максимова, Б. Ширяева.

Литература второй волны эмиграции многожанровая. Помимо стихотворений и рассказов, в ней нашлось место историческому роману («Атосса» историка Н. Ульянова). Развивались и такие жанры, как сатира, фельетон, пародия. Среди самых ярких произведений – «Дипилогическая азбука» И. Сабуровой и сборник «Бессмертие», автор которого выступил под псевдонимом «Гр. Ал. де Ивановский». Это одна из характерных особенностей писателей-«ди-пийцев» и тех, кто составил вторую волну эмиграции: практически никто из них не открывал настоящую фамилию, предпочитая скрываться под вымышленными именами, – был страх, что узнают, найдут и насильно вернут в Россию. Но желание творческой реализации и естественная писательская потребность открыть свое творчество читателю оказались сильнее страха.

Помимо уже перечисленных, традиционной для писателей этого круга была тема эмигрантского быта; свои произведения они наполняли реалиями, понятными только «посвященным», кто сам прошел этот путь. Так, «военный транспорт “Генерал Балун”», который фигурирует в одном из стихотворений И. Елагина, – это название парохода, на котором чаще всего переправляли эмигрантов в Америку.

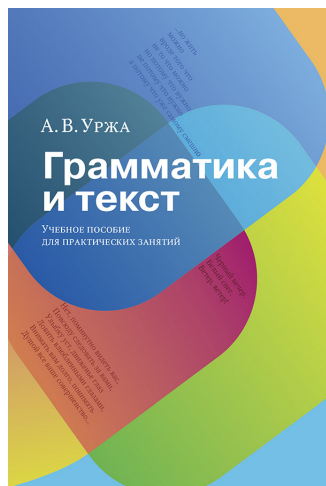
Литературной традиции «узнавания» этих писателей по единичным текстам, видимо, сегодня нет. Поэтому у Агеносова и его помощников не были связаны руки общепринятой иерархией имен, но на них лежала огромная ответственность: надо было отобрать произведения, в которых были бы отражены наиболее характерные особенности писателя, передан его уникальный литературный облик. Составители книги «Восставшие из небытия» справились с этой задачей. Более того, представляя автора, составители так структурировали тексты, чтобы показать эволюцию писателя, основные вехи его творческого пути. Если автор работал в разных жанрах, в книге даны их об-

разцы – при соблюдении хронологического принципа. С лирикой и драмой дело обстояло проще, в то время как крупные эпические формы иногда представлены лишь главой или фрагментом. Подборку произведений в книге предваряет биографическая статья об авторе и библиография его книг.

Не стоит забывать, что составители антологии работали с чрезвычайно сложным, практически неизученным материалом. Сложным хотя бы потому, что поиск произведений и их атрибуция (напомним: большинство авторов работало под псевдонимами, иногда разными) превращались в настоящее детективное расследование, – трудное, но увлекательное занятие.

Антология «Восставшие из небытия» – редкий в наши дни образец кропотливой исследовательской работы академического уровня. Книга будет особенно интересна ученым, изучающим литературный процесс, и всем тем, кто хочет расширить свой список любимых авторов, пополнив его новыми именами. А все новое, как известно, это хорошо забытое старое. Антология «Восставшие из небытия» служит напоминанием о том, сколько еще осталось «белых пятен» на литературной карте мира.

Писатели, творчество которых представлено в книге, «восстали из небытия» для того, чтобы напомнить нам, живым, о тяжелом периоде русской истории (не случайно мемуары известного литературоведа С.И. Шешукова названы «Вспомните о нас, люди»). Важно одно – эти авторы заслужили того, чтобы их произведения были прочитаны. Пусть и спустя много лет. Пусть и посмертно.

**Уржа А.В. Грамматика и текст:
Учебное пособие для практических занятий.
М.: Издательство Московского университета,
2013. 264 с.**

В издательстве Московского университета опубликована книга к.ф.н., доц. А.В. Уржи «Грамматика и текст. Учебное пособие для практических занятий». Это первое учебно-методическое пособие по курсу «Грамматика и текст», который является обязательным для студентов русского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и читается (с вариантами названия) в ряде других вузов России, а также по авторскому курсу

А.В. Уржи, не первый год читаемому на филологическом факультете, – «Семантика и грамматика текста».

Пособие прекрасно справляется с теми целями, которые перед ним стоят. Во-первых, оно помогает студентам освоить теоретический материал и систематизировать работу с научной литературой по изучаемым темам: автором хорошо продумана система выдержек из научной литературы, которые студентам предлагается проанализировать и сопоставить, по каждому теоретическому аспекту курса разработана система вопросов, не просто контролирующих, но стимулирующих к размышлению, развивающих аналитические навыки и критическое мышление студентов.

Во-вторых, пособие дает обучаемым возможность применить полученные теоретические сведения в анализе текстов разнообразных стилей и жанров. Обучающую и развивающую функцию выполняют не только задания, но и подбор материалов, каждый из которых, с одной стороны, отвечает методическим требованиям, с другой – либо позволяет студентам-филологам увидеть новое в хорошо известных им текстах, либо расширяет их кругозор, вводя в него тексты, прежде не знакомые.

Творческие упражнения и краткие теоретические введения к ним сгруппированы по разделам: «Тексты и не-тексты», «Текстовое время», «Регистровая техника», «Субъектная перспектива текста», «Линейная грамматика», «Автор, текст, интертекст... и снова текст».

Проверить свои знания и навыки учащиеся смогут, выполняя упражнения, сверяясь с комментариями к заданиям, пользуясь тестом для самопроверки. Пособие просто для использования, имеет «дружелюбный интерфейс», четкую структуру, обеспечивающую нужды и преподавателя, и студента.

Д.ф.н. доц. М.Ю.Сидорова

Считаю такое пособие очень полезным, своевременным, поскольку в нем соединяются сведения из разных областей лингвистики, поэтики и литературоведения, идеи разных научных школ, поскольку в пособии реализован принцип межуровневого взаимодействия при анализе единого объекта – текста.

К.ф.н. доц. Н.К. Онипенко

Хочется отметить четкую организацию материала в пособии, ясность и доступность изложения, широкий масштаб подхода к освещаемым проблемам, использование отечественных и зарубежных материалов, некоторые из которых впервые переведены на русский язык автором курса.

Д.ф.н. проф. Г.А. Золотова

